

Г. Р. ДЕРЖАВИН И ЕГО ВРЕМЯ

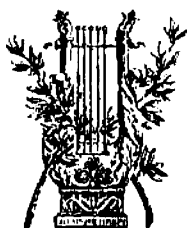

Всероссийский музей А. С. Пушкина
Музей Г. Р. Державина
и русской словесности его времени

Г. Р. ДЕРЖАВИН И ЕГО ВРЕМЯ

Сборник научных статей

Выпуск 4

Санкт-Петербург
2008

**ББК 83.3(0)5
Д 36**

Редакционная коллегия

**С. М. НЕКРАСОВ
Р. В. ИЕЗУИТОВА
Н. П. МОРОЗОВА (отв. редактор)**

Рецензент

**доктор филологических наук,
профессор Российского государственного
педагогического университета им. А. И. Герцена
О. М. ГОНЧАРОВА**

ISBN 978-5-98709-091-6

**© Всероссийский музей
А. С. Пушкина, 2008
© Коллектив авторов, 2008**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертый выпуск сборника «Г. Р. Державин и его время» состоит по преимуществу из материалов источниковедческого характера. К ним относятся публикации С. Р. Долговой «Державин и его окружение в документах Российского государственного архива древних актов (ф. 1478, Капнист — Львовы)», М. А. Короповой «Н. М. Карамзин и В. А. Жуковский: Материалы к истории литературных отношений», Н. П. Морозовой «Г. Р. Державин и Н. М. Карамзин: Материалы к истории литературных отношений».

Как и в предыдущих выпусках, ряд статей посвящен ближайшему окружению Г. Р. Державина. Трудно переоценить значение архивных находок С. Д. Дзюбанова, на которых построена его статья «Верует в Резон, как во Единого Бога» (Подлинная история тайной женитьбы Н. А. Львова)». Они позволили по-новому взглянуть на важнейшие факты биографий Н. А. Львова и В. В. Капниста. Л. А. Федоровская печатает продолжение работы «Музыка и музыканты в жизни и творчестве Н. А. Львова».

Завершает сборник раздел, в котором представлены литературные произведения, посвященные Г. Р. Державину и его эпохе.

Все архивные материалы публикуются по современным нормам орфографии и пунктуации с сохранением ряда характерных особенностей русского языка XVIII — начала XIX века.

Сборник адресован как создателям музейных экспозиций, так и широкому кругу читателей, интересующихся русской культурой XVIII века. Его авторами являются не только сотрудники Всероссийского музея А. С. Пушкина, но и специалисты, работающие в других учреждениях науки и культуры.

Редколлегия приносит глубокую благодарность редактору выпуска А. Г. Тимофееву, взявшему на себя труд по сверке цитируемых источников и высказавшему ряд предложений по составу и структуре сборника.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

РНБ — Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

СПбФИРИ РАН — Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской Академии наук (Санкт-Петербург).

ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

С. Д. Дзюбанов

«ВЕРУЕТ В РЕЗОН, КАК ВО ЕДИНОГО БОГА» (ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ ЖЕНИТЬБЫ Н. А. ЛЬВОВА)

Трудно найти, наверно, сюжет из биографии Н. А. Львова, которому уделялось бы такое внимание в литературе, как романтической истории его женитьбы на М. А. Дьяковой. Такой интерес, по-видимому, объясняется тем, что история эта «кажется нереальной и стоит многих романтических страниц»¹. Количество изданий, публикующих изложение этой красивой и трогательной, но не очень правдоподобной легенды, измеряется, по-видимому, десятками. Уже не одно поколение читателей восхищалось чистотой и благородством чувств супругов Львовых. С течением времени исследователи узнавали все больше подробностей жизни Львова. Некоторые обнаруженные факты плохо вписывались в канву семейного предания, но это почему-то не смущало авторов, продолжавших тиражировать легенду в ее прежнем виде. И лишь в 1997 году в публикации К. Ю. Лаппо-Данилевского старинная легенда была подвергнута серьезной и обстоятельной ревизии². В истории заметно поубавилось романтизма, однако последующие авторы, писавшие о ней, старались этого не замечать.

¹ Петнинова Е. Ф. «Во дни Екатерины...». СПб., 2002. С. 123.

² См.: Лаппо-Данилевский К. Ю. О тайной женитьбе Н. А. Львова // Новое лит. обозрение. 1997. № 23. С. 132–144.

Легенда о браке Львова и Дьяковой, кочующая из издания в издание, вкратце такова. Львов, познакомившийся с Дьяковыми благодаря Бакуниным, влюбился в Машу Дьякову, которая отвечала ему взаимностью. Неоднократно он делал предложение возлюбленной, но неизменно ему следовал отказ от родителей невесты по причине бедности и невысокого служебного положения жениха. Отчаявшись, Львов с помощью друзей (В. В. Капнист, В. К. Свечин) тайно обвенчался с Дьяковой. Опасаясь гнева стариков Дьяковых, о заключении брака молодые решились объявить только через несколько лет, причем по одной из версий первой узнала тайну императрица, допытывавшаяся у Марьи Алексеевны Дьяковой, почему та отказывает сватающимся к ней женихам. История неправдоподобная уже потому, что совершенно неясно, для чего потребовалось столько времени сохранять в тайне брак. Тайное венчание вопреки воле родителей невесты вполне возможно, иногда практиковалось, но о нем молодые обычно объявляли сразу после бракосочетания, поскольку даже тайный брак, совершенный вопреки воле родителей, имел законную силу и не подлежал отмене. Да и серьезным правонарушением такое венчание считалось только в случае несовершеннолетия невесты. Дьякова же, как известно, была вполне совершеннолетней. Все публикации на эту тему, воспроизводящие семейную легенду, основывались на мемуарах С. В. Капнист-Скалон, Н. И. Мердер, очерке И. П. Хрущева³, которые иногда дополнялись некоторыми деталями.

К. Ю. Лаппо-Данилевский, указав на ряд существенных несоответствий легенды документам, сделал вывод, что «бережно передававшееся из поколения в поколение и обраставшее подробностями предание о тайной женитьбе Н. А. Львова через какое-то время утратило живую связь с теми, к кому оно непосредственно относилось, и с теми, кто его лелеял, и обратилось в анекдот об имевшем некогда место экстравагантном поступке»⁴. Основные противоречия

³ См.: Капнист-Скалон С. В. Воспоминания // Записки русских женщин XVIII – первой половины XIX века. М., 1990. С. 286–287; Мердер Н. И. Из далекого прошлого: (Тетушка Вера Николаевна Воейкова) // Ист. вестник. 1909. № 11. С. 402–404; Хрушев И. П. Милена, вторая жена Державина // Рус. вестник. 1903. № 2. С. 554–555.

⁴ Лаппо-Данилевский К. Ю. О тайной женитьбе Н. А. Львова. С. 137.

семейному преданию обнаружилось в двух документах — в записи из метрической книги церкви Живоначальной Троицы в Галерной гавани о венчании Львова и в его письме к графу А. Р. Воронцову от 10 ноября 1783 года. Из метрической записи, найденной Л. И. Бройтман, мы узнаем, что «иностранный коллегии коллежский секретарь отрок Николай Александрович Львов» женился на Дьяковой 8 ноября 1780 года. Поручителями были Горного корпуса надворный советник Иван Хемпицер и Тобольского пехотного полка капитан Петр Вельяминов, а вовсе не В. В. Капнист и Свечин, как сообщалось в мемуарах Капнист-Скалон и Мердер. Еще более серьезные противоречия с легендой обнаружилось в письме Львова, в котором он сообщает графу Воронцову, что уже четвертый год, как женат: «Ване сиятельство легко вообразить изволите, сколько положение сие, соединенное с цыганскою почти жизнью, навлекло мне заботы, сколько труда и огорчений скрывать от людей под видом дружества и содержать в предосудительной тайне такую связь, которой обнаружение разве только противу одной моды нас извинило. Молчание сие тем тягостнее еще нам было, что огорченные старики, озабоченные еще к тому безмолвным замужеством их дочери, принуждали меня вседневно объявлять оное: что я мог противополжить их справедливости?.. Не достало бы, конечно, ни средств, ни терпения моего, если бы не был я подкрепляем такою женщиною, которая верует в Резон, как во Единого Бога. <...> Не осмеливаюсь распространиться ни о надобностях скрывать до сего времени нашу женитьбу, ни о нужде так рано жениться; первые столь же многочисленны, сколь последняя честна и бескорыстна. Если будет сие угодно вашему превосходительству узнать, то и предоставляю сие донести изустно».

К. Ю. Лаппо-Данилевский справедливо заключает, что ключевые положения легенды (причины сохранения супружества в тайне и утверждения о недоброжелательности Дьяковых к зятю) должны подвергнуться пересмотру. Прежде чем приступить к нему, сформулируем кратко, что мы узнали из письма по существу рассматриваемого вопроса, исходя из того, что Львов был в письме совершенно честен с Воронцовым и не пытался ввести его в заблуждение. Итак, причиной сохранения в тайне супружества, которое, как оказалось, не скрывалось от стариков Дьяковых, было вовсе не резкое неприятие Львова Алексеем Афанасьевичем и Аждотьей Петровной Дьяко-

выми, а некие «резоны», каковых было несколько. В весомости этих резонов Львова была убеждена и Марья А лексеевна. Старики же Дьяковы, напротив, настаивали на обнародовании тайны. Резоны эти к моменту написания письма утратили свою значимость и стали не настолько секретными, чтобы продолжать скрывать супружество и сами резоны, по крайней мере от А. Р. Воронцова, но все же и не настолько безобидными, чтобы доверить их бумаге. Старики Дьяковы были чем-то сильно огорчены, безмолвное замужество дочери лишь дополнительно озаботило их.

Едва ли к одному из резонов можно отнести «цыганскую жизнь» (то есть частые служебные разъезды) Львова. Это, несомненно, помеха супружеской жизни, но вовсе не причина супружество скрывать. Что же касается «нужды так рано жениться», то, во-первых, едва ли этот брак можно назвать ранним: Марье Алексеевне было 25 лет, что по тем временам немалый возраст для невесты, а во-вторых, отношения Львова и Дьяковой перестали быть просто дружескими задолго до тайной женитьбы, что следует из письма Николая Александровича от 19 апреля 1788 года, найденного К. Ю. Лаппо-Данилевским в Тверском архиве⁵. Во избежание серьезных проблем эти отношения нужно было узаконить. По поводу гипотезы Лаппо-Данилевского о том, что, возможно, венчание было тайным, потому что невеста была в положении, сам автор отмечал, что даже если этот факт имел место (чему мы не находим пока никаких подтверждений), то он не объясняет, почему брак утаивался в течение трех лет. Поскольку это предположение не проливает свет на основные неясные вопросы, а лишь порождает новые (зачем нужно было доводить до этого, какова судьба родившегося ребенка и т. д.), на которые нет ответа, оставим его без рассмотрения.

Пересмотр легенды о женитьбе Львова начнем с описания момента знакомства Николая Александровича и Марьи Алексеевны. Где и когда же познакомились Львов и Дьякова? В большинстве публикаций высказывается предположение, что знакомство состоялось в середине 1770-х годов в доме Бакуниных. Между тем на этот вопрос легко дать однозначный ответ, и это, пожалуй, наиболее простой из рассматриваемых вопросов. Николай Александрович

⁵ См.: Там же. С. 139–140.

познакомился с Марьей Алексеевной сразу по приезду в Петербург, поскольку Дьяковы тогда уже жили в столице и были «ближайшими родственниками» Львова. Говоря «ближайшие родственники», мы цитируем Ф. П. Львова, двоюродного брата и первого биографа Николая Александровича, относившего свои слова к М. Ф. Соймонову. Поскольку Михаил Федорович Соймонов и Авдотья Петровна Дьякова находились по отношению к Львову в одинаковой степени кровного родства, то выражение «ближайшие родственники» равно применимо как к Соймоновым, так и к Дьяковым⁶. Застал ли в живых Н. А. Львов княгиню Евфросинью Семеновну Мышецкую (р. около 1710), урожденную Львову, родную сестру своего деда Петра Семеновича, мы пока не знаем. Но точно известно, что в 1763 году она имела жительство в доме у своего зятя инженер-ассессора А. А. Дьякова. Дьяковы тогда жили в Литейной части и были прихожанами Сергиевской церкви при Артиллерийских слободах⁷.

В письмах, современных Львову, мы не находим упоминаний о троюродном родстве Николая Александровича и Марьи Алексеевны. Отчасти, наверное, это объясняется тем, что их отношения рано перестали быть отношениями брата и сестры и именовать друг друга так было совершенно неуместно.

В семье Дьяковых было шесть дочерей, а не пять, как принято считать. Не учитывают названную в честь бабушки по отцовской линии, Ульяны Алексеевны, урожденной Хомяковой, также Ульяну Алексеевну (р. около 1758), которая умерла в возрасте, по-видимому, около 6 лет. Нередко задают вопрос, почему лишь одна из дочерей Дьякова, а именно Александра Алексеевна, получила образование в Императорском Воспитательном обществе в Смольном монастыре и почему там не воспитывалась Марья Алексеевна. Во-первых, Анна (р. около 1753) и Марья опоздали к первому набору Императорского Воспитательного общества по возрасту, поскольку в этом наборе поступали девочки 1758–1759 года рождения. Во-вторых, стать смолянкой девочке из полной семьи было очень проблематично, начиная уже с третьего приема. Действовала следующая схема по-

⁶ См.: Дзюбанов С. Д. Родственные связи Львовых: князья Мышецкие // Николай Львов: прошлое и современность. СПб., 2005. С. 18–26.

⁷ См.: ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 112, № 171, л. 155.

ступления в Императорское Воспитательное общество на казенный кошт. Все девочки, годные по состоянию здоровья, имеющие достаточную подготовку и представившие необходимые документы, разбивались на три разряда. В первый разряд входили круглые сироты, во второй полусироты, то есть потерявшие одного из родителей, а в третий — девочки, имевшие как отца, так и мать. Баллотировка устраивалась по разрядам. В первом разряде был относительно невысокий конкурс, круглые сироты довольно легко поступали в Императорское Воспитательное общество. Во втором конкурсе был уже существенно выше. В третьем же вытащить счастливый билет было редчайшей удачей. Заместим, что Александре, смолянке второго выпуска, пришлось при поступлении исправить год рождения на 1761, то есть сделаться почти на 2 года моложе.

Н. А. Львов, прибывший в Санкт-Петербург в 1769 году, вероятно, впервые посетил Дьяковых уже в их новом доме на Васильевском острове, который, как известно, был куплен вместе с садом и службами годом ранее (современный адрес: 3-я линия, 48)⁸. Алексей Афанасьевич Дьяков, крупный администратор петербургского градостроительства и компетентный инженер-строитель, руководил тогда строительством комплекса зданий Тучкова Буяна и восстановлением Петропавловского собора, а также возглавлял Сенатскую чертежную мастерскую. В своем доме на Васильевском острове Дьяков на первом этаже оборудовал контору, в которой принимал архитекторов и мастеров-строителей, поставщиков строительных материалов, выдавал деньги за работы и материалы. Здесь же хранились бухгалтерские документы, подрядные договоры, чертежи и другая проектная документация.

Несомненно, что интерес к архитектуре сформировался у Львова во многом благодаря Дьякову, который был единственным в окружении Николая Александровича родственником, имевшим непосредственное отношение к строительству и архитектуре. Здесь Львов, очевидно, неоднократно встречался с архитекторами А. Ринальди и П. Ю. Патоном, подолгу работавшими с Дьяковым. Поскольку многие архитекторы и мастера-строители были иностранца-

⁸ См.: Бройтман Л. И. Дом Дьяковых // Васильевский остров (СПб.). 1993. № 1. С. 2.

ми, Николай Александрович имел возможность в доме Дьякова еще до начала своих регулярных поездок за границу попрактиковаться в языках. Сам Алексей Афанасьевич владел, как известно, четырьмя языками. Гостей в доме принимали радушно. Нередко прибывшие по служебным вопросам оставались обедать или ужинать, и общение продолжалось уже в неформальной обстановке.

Попутно коснемся вопроса, когда же все-таки произошло знакомство Г. Р. Державина с Н. А. Львовым и с Дьяковыми, тем более что, как будет показано ниже, Гавриил Романович имел к рассматриваемой истории непосредственное отношение. Что касается знакомства Державина с Львовым, то едва ли оно произошло только лишь благодаря их совместной службе в Преображенском полку. Преображенский полк насчитывал свыше полутора тысяч только военных чинов; даже если учитывать только дворян, то их в полку было поболее, чем во многих губернских городах. Львов к тому же практически сразу по прибытии был откомандирован на учебу в Измайловский полк. Знакомству Львова и Державина, которое, вероятно, состоялось вскоре после прибытия Львова в Петербург, скорее всего, способствовали какие-то общие знакомые. Такими знакомыми могли быть, например, братья Окуневы⁹, которые были давними приятелями Державина. В 1772 году Гавриил Романович занимал у Окуновых деньги, проиграв в карты значительную сумму, предназначенную для покупки крепостных, что свидетельствовало о давнем на тот момент знакомстве. Старший из братьев, Александр Гаврилович Окунев (ок. 1738–1806), впоследствии тайный советник, одновременно с А. А. Дьяковым служил в Канцелярии строений (с 1762 по 1766 год), руководил постройкой Александро-Невского монастыря (с 1777 по 1791 год), был архитектором и смотрителем петергофских дворцов и садов¹⁰. Он же помогал пристроить Гавриилу Романовича в сенат к генерал-прокурору А. А. Вяземскому. А. Г. Окунев известен также как литератор. Он перевел с француз-

⁹ Александр, Петр, Михаил и Семен – сыновья обер-сарваера Гаврилы Афанасьевича Окунева и его жены Ксении Варфоломеевна, урожд. Арсеньевой (см.: Санкт-Петербургская дворянская родословная книга, литера «О», СПб., 2002. С. 15).

¹⁰ Федорченко В. Дворянские роды, прославившие отечество. М.; Красноярск, 2003. С. 310–311.

ского и опубликовал две книги анонимных авторов — «Жизнь Олимпы, или Приключения маркизы Де**» и «Уединенный ишпаец, или Жизнь дона Вараска Фигероаса»¹¹. У младшего из братьев, Михаила Гавриловича Окунева (р. около 1752), Державин был секундантом на его несостоявшейся дуэли с А. В. Храповицким, закончившейся примирением сторон¹², а у Петра Гавриловича — душеприказчиком в 1790-е годы. С другой стороны, соседство подписей статских советников Михаила Бакунина и Алексея Дьякова и премьер-майора Петра Яхонтова с подписью подполковника Семена Гавриловича Окунева на поручительстве в благородном происхождении Надежды Васильевны Львовой (р. 25.03.1771), составленном в январе 1776 года для поступления в Императорское Воспитательное общество, было едва ли случайным¹³. В результате предпринятых поисков удалось установить, что Семен Гаврилович Окунев был женат (не позднее, чем с 1773 года) на Анне Дмитриевне, урожденной Яхонтовой, родной племяннице Петра Алексеевича Яхонтова¹⁴. Через этот брак Семен Гаврилович был в довольно близком свойстве не только с Яхонтовыми, но и с Дьяковыми, Бакунинными, а также с Н. А. Львовым. Державин, живший в конце 1760-х — начале 1770-х годов в Литейной части, через Окуневых вполне мог познакомиться и с Дьяковыми, которые до переезда на Васильевский остров также жили в этом районе. Семья Окуневых, принадлежавшая родственному окружению Львова и Державина, до последнего времени не попадала в поле зрения исследователей; исключение составляют лишь весьма краткие сведения об отдельных ее представителях, приведенные Я. К. Гротом и П. И. Бартеневым, и статья Н. Д. Кочетковой об А. Г. Окуневе в «Словаре русских писателей XVIII века».

¹¹ См.: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). СПб., 1999. С. 381–382.

¹² См.: Державин Г. Р. Записки 1743–1812: Полный текст. М., 2000. С. 82–83.

¹³ См.: Дзюбанов С. Д. Старицко-бежецкая ветвь рода Львовых — предки Н. С. Гумилева со стороны матери // Вестник архивиста. 2006. № 1. С. 169.

¹⁴ В исповедной росписи 1782 года вместе с главной провиантской канцелярии подполковником С. Г. Окуневым, его женой и сыном упомянуты теща — Екатерина Ивановна Яхонтова, вдова капитана (см.: ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 112, № 302, л. 845).

Была ли какая-либо недоброжелательность старших Дьяковых к племяннику Львову? Никаких свидетельств того, что она имела место, нет. А как относились Дьяковы к Львову-жениху? В России, которая практически постоянно вела войны, демографическая ситуация в дворянской среде (большинство дворян мужского пола брачного возраста состояли в военной службе) была такова, что выйти замуж было значительно сложнее, чем жениться. Поэтому требования к женихам обычно не были чересчур строгими. А вот жепщине без приданого замуж выйти было сложно. Сам Н. А. Львов отмечал в 1791 году, что «и к совершенной женщине надобно придачу»¹⁵.

В семейном предании одной из причин, почему Дьяковы отвергли якобы Львова-жениха, являлась его бедность. Легенда о бедности Львова имеет глубокие корни и начинается, по-видимому, с фразы Ф. П. Львова из первой биографии Николая Александровича: «Происходя из древнего дворянского рода и не будучи человеком богатым <...>». Богатство — понятие относительное. Главным параметром, определявшим богатство дворянина в те годы, было количество душ крестьян, которыми он владел. Но каких-то определенных, установленных границ, по которым можно классифицировать мелких, средних и крупных помещиков, нет. Большинство современных историков относит к мелкопоместным дворян, имевших до 20–30 душ мужского пола, к средним помещикам — имевших приблизительно от 30 до 100, а к крупным — более 100 душ. Разумеется, были и очень крупные помещики, владевшие тысячами душ, но таких были единицы. Заметим, что при оценке состояния жениха часто учитывали не столько его собственное состояние, сколько состояние родителей, поскольку дети при живых родителях часто вообще не имели недвижимости. Отец Николая Александровича умер еще в 1769 году, так что Львов вошел в права наследства задолго до женитьбы. Мать его на момент женитьбы была жива, основным ее наследником был Н. А. Львов, поскольку не имел братьев. Размеры владений Николая Александровича и его матери Прасковьи Федоровны, урожденной Хрипуновой, в Тверской губернии известны. По ближайшей к описываемым событиям ревизии 1783 года за

¹⁵ Цит. по: Лаппо-Данилевский К. Ю. О тайной женитьбе Н. А. Львова. С. 140.

Львовым было в Вышневолоцком уезде в деревнях Алпаковой 25, а в Саулине — 12 душ крестьян мужского пола, в Новоторжском уезде в деревне Челядине 10 душ, в сельце Черенчицы — 84 души, а всего 131 душа. За матерью в селе Покровском Вышневолоцкого уезда было 32 души¹⁶. Кроме населенных деревень Николаю Александровичу и его матери принадлежали обширные пустоши, главным образом в Вышневолоцком уезде¹⁷. К сожалению, нам неизвестны их владения на тот момент в других губерниях, в частности в Новгородской губернии, но и без их учета видно, что Львова следует отнести к крупным помещикам; подавляющее большинство дворян было тогда гораздо беднее. Однако у Дьякова, возможно, были свои критерии, по которым состояние Львова он считал недостаточным.

Незадолго до рассматриваемых событий, а именно в 1776 году, Алексей Афанасьевич Дьяков выдал старшую дочь Анну (р. 1753) за капитана Илью Ивановича Березина. Никакого противодействия со стороны родителей невесты этому браку не было. Следовательно, Березин как жених вполне устраивал старших Дьяковых. Сравним имущественное положение «хорошего» жениха Березина и «плохого» жениха Львова. В момент женитьбы за Ильей Ивановичем никакого недвижимого имущества не числилось. Лишь в ноябре 1778 года, будучи артиллерийского бомбардирского полка майором, он получил вместе с брагом Дмитрием поместья, принадлежавшие его отцу Ивану Ивановичу (р. 1689)¹⁸. Об Иване Ивановиче знаем, что он в 1714 году поступил в Новгородскую школу, в 1717-м был написан в морской флот в канонеры, в 1731-м — морской артиллерии от канонер сержант, а в 1737-м был по болезни признан к службе ненадежным и отставлен на свое пропитание¹⁹. Березины издревле владели поместьями в Бежецкой пятине.

¹⁶ РНБ, ф. 342, оп. 1, № 1544, л. 84 об., 149–150.

¹⁷ РГИА, ф. 1350, оп. 312, № 166, л. 117. В документе, составленном около 1800 года, Прасковья Федоровна, по-видимому, ошибочно именуется действительной статской советницей; в других документах она названа подполковницей.

¹⁸ См.: СПбФИРИ РАН, ф. 180, оп. 1, № 48, л. 48.

¹⁹ См.: Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. Ч. 1. М., 1910. С. 380.

Там же был помещен и Илья Иванович. Ему принадлежали по состоянию на 1783 год 4 души в селе Ворожебском, 9 душ в деревне Толоцкой, 7 душ в деревне Горка и 10 душ в деревне Ерошиха, а всего 30 душ мужского пола²⁰. В других губерниях за Березиным недвижимости не числилось, что подтверждается также и тем, что его наследнице Надежде Ильиничне досталось только это имение. От нее имение перешло по наследству к ее мужу Федору Петровичу Львову, при разделе между детьми которого досталось Илье Федоровичу, а от него — старшему сыну Федору Ильичу Львову (1831–1868). В 1783 году в селе Ворожебском была церковь деревянная Николая Чудотворца и другая, каменная, Тихвинской Богоматери с приделом Николая Чудотворца, два дома господские деревянные (один Ильи Ивановича, другой — его брата), при одном был сад с плодовыми деревьями. В реке Волчине водилась рыба: щуки, окуни, плотва, язи, налимы. Вода была для употребления здорова, лес сосновый, строевой²¹. В настоящее время это очень живописное место в Максатихинском районе Тверской области, совсем рядом с Максатихой, которая в XVIII веке была маленькой деревушкой (позднее через нее прошла железная дорога, что и предопределило ее дальнейшее развитие).

Итак, мы выяснили, что «хороший» жених Березин был многократно беднее «плохого» жениха Львова.

Едва ли могли быть претензии у родителей невесты к Львову и по поводу недостаточной знатности. Львовы — известный и древний дворянский род, из которого к тому же происходила и бабка невесты. Да и Дьяковы, похоже, не придавали этому большого значения, о чем свидетельствует, например, тот факт, что они так и не удосужились внести свой род в шестую, наиболее почетную часть дворянской родословной книги, в которую записывали древнее дворянство, несмотря на то что все возможности для этого были.

Едва ли стариков Дьяковых радовало близкое родство жениха и невесты, но вряд ли и особенно огорчало. В окружении этих семей родственные браки заключались неоднократно, среди них встре-

²⁰ См.: РНБ, ф. 342, оп. 1, № 1544, л. 82 об.

²¹ См.: РГИА, ф. 1350, оп. 312, № 166, л. 223.

чались даже запрещенные законом по близости родства²². Степень родства Николая Александровича и Марьи Алексеевны была допустимой.

Может быть, проблема была в недостаточном чине жениха? Впрочем, даже в те годы женились преимущественно в молодом возрасте, а стало быть, и в небольших чинах. Но все же сравним чины Львова и Березина. Березин женился, будучи капитаном. В записи о венчании Львова в метрической книге указан чин 10 класса — коллежский секретарь, что не соответствует действительности. Легко убедиться, что Николай Александрович был тогда коллежским ассесором, что соответствует 8 классу или — по армии — майору. Достаточно посмотреть опубликованный аттестат Львова²³ или просто адрес-календарь на 1780 год. Коллежский ассессор — совсем не малый чин для молодого человека. Итак, получается, что «плохой» жених Львов был и чином выше «хорошего» жениха Березина.

Возможно, дело в каких-то проблемах у Львова на службе? Но нам ничего о них не известно, напротив — все тогда было более или менее благополучно. А вот у Алексея Афанасьевича Дьякова в то время проблемы по службе были, и очень серьезные. В ноябре 1780 года Дьякова одолевали весьма грустные мысли. Начались же его проблемы несколько раньше.

В июне 1768 года Дьяков, руководивший постройкой комплекса зданий Тучкова Буяна и Сенатской чертежной получил повое назначение — руководить восстановлением Петропавловского собора, колокольня которого сгорела после удара молнии в 1756 году. Поскольку для восстановления нужно было укрепить основание колокольни, а для этого ее разобрать, то речь шла фактически о постройке заново. Успехи ли Дьякова на Тучковом Буяне, поддержка родственников или друзей, например приятеля Алексея Афанасьевича Петра Васильевича Нейбуна²⁴, бывшего тогда личным ординарцем Екате-

²² См., например, Дзюбанов С. Д. «Львова вышла замуж за Львова...»: Легенды и факты // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. тр. [Вып. 3]. СПб., 2007. С. 96–116.

²³ См.: Львова А. П., Бочкарева И. А. Род Львовых. Торжок, 2003. С. 187–188.

²⁴ Упоминается в письме А. А. и А. П. Дьяковых от 6 апреля 1775 года Андрею Петровичу Мельгунову: «Если (так. — С. Д.) даст случай допустить видеть

рипы II²⁵, сыграли тут решающую роль, но почетное и ответственное назначение состоялось. Однако в этой должности у Дьякова было немало трудностей. Высокая техническая сложность проекта, нехватка специалистов необходимого уровня, а главное — отсутствие должной поддержки Канцелярии от страсний и Сената сильно тормозили дело. Практически сразу после вступления Дьякова в должность выяснилось, что смета составлена его предшественниками крайне небрежно. В ней не было учтено увеличение высоты колокольни, оплата мастеров и ведущего архитектора, а расчетные цены на материалы были гораздо ниже рыночных. Выразив неудовольствие по поводу того, что общая стоимость «чрезмерно высока для одной только колокольни, которой еще фундамент был цел», Екатерина II все же согласилась на дополнительную выдачу денег²⁶.

К концу 1771 года колокольня в камне была закончена. Но главные трудности были еще впереди. Для ускорения строительства Дьяков организовал изготовление деталей колокольни на земле заблаговременно, благодаря чему к апрелю 1772 года шпиль был не только поднят на колокольню, но уже закреплен и обшит. Однако изготовление обивочных медных листов к тому времени только начиналось. Дьяков поручил их изготовление мастеру Вульффу, а наблюдение за этими работами — директору монетного двора И. А. Шлаттеру. К весне 1773 года было изготовлено 99 листов, но их все до одного пришлось забраковать, так как они имели трещины и были меньшего размера. Для предохранения от разрушения деревянные конструкции шпиля пришлось покрывать войлоком и холстом. 1 мая 1773 года был заключен новый контракт на изготовление медных листов с мастерами Форшманом и Тумом. На Пустоловских заводах была оборудована специальная мастерская дляковки особыми молотами и полировки «помощью вод». Однако 1773 и 1774 годы выдались на редкость засушливыми. Речка, на которой

Петра Васильевича госп<одина> Нейбуша, то покорно просим попенять ему от нас, что он нас забыл и не уведомил нас о его благосостоянии, как он в Москву приехал» (РГИА, ф. 1086, оп. 1, № 66, л. 2).

²⁵ См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1769. СПб., 1769. С. 17.

²⁶ Элькин Е. Н. Восстановление Петропавловского собора после пожара 1756 г. // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994. С. 97.

была мельница, пересыхала, и все работы останавливались. Лишь в 1775 году листы были изготовлены. Немало времени заняло изготовление «электрического отвода к отращению удара и паления, от молнии происходящего», то есть громоотвода. Громоотвод был разработан комитетом Академии наук, избранным по просьбе Дьякова, который не считал себя знатоком в вопросах «особливо физического искусства» и предпочитал положиться на мнение крупнейших ученых. Изготовление отвода было поручено кузнецу Христиану Вегнеру и слесарю Стефану Веберу и закончилось лишь в 1777 году.

Немало хлопот доставили Дьякову куранты. Их изготовил сразу после пожара 1756 года по заказу голландского посланника мастер Оорт Красс, который обязался установить их на колокольню. При транспортировке на корабле куранты промокли и заржавели. Мастер умер в 1764 году, не дожив до окончания строительства (оно тогда даже не успело толком начаться). В приложении приведены тексты донесений Дьякова, написанных им по поводу курантов. Из них видно, что Алексей Афанасьевич озаботился этой проблемой задолго до окончания строительства колокольни. Однако установлены куранты были только в 1776 году. Основной причиной задержки стало то, что куранты, как оказалось, были изготовлены без учета размеров помещения, в котором должны были размещаться. Из документа также усматриваем, что уже в 1773 году Дьяков получал предписание от императрицы завершить строительство «без продолжения времени».

Новую беду принесла буря, «великий штурм», разразившийся 10 сентября 1777 года. Свирепый северо-западный ветер расшатал и накренил шпиль. Тяжелая фигура ангела, которая была установлена перпендикулярно кресту, не выдержала напора ветра. Ангел погнулся, его крылья оторвались²⁷. Пришлось подправлять несущие конструкции, фигура ангела была заменена на новую, меньшего размера, изготовленную по эскизу А. Ринальди, с которым Дьякова связывало многолетнее знакомство и совместная работа на Тучковом Буяне.

Строительство проходило на глазах у императрицы, которую с каждым годом все больше раздражали строительные леса вокруг

²⁷ См.: Там же. С. 105.

колокольни, хорошо видные из окон Зимнего дворца. Все чаще и все в более категоричной и резкой форме следовали Дьякову указы незамедлительно завершить строительство. Алексей Афанасьевич, скорее всего, также в резкой форме, вынужден был требовать ускорить завершение работ от своих подчиненных.

Возможно, что именно тогда Дьяков нажил себе врагов. В мае 1779 года, когда строительство близилось к окончанию (через месяц-два должны были снять леса), а раздражение императрицы приближалось к апогею, кто-то, по-видимому, написал на Дьякова донос. Строго говоря, о доносе нам ничего не известно, но последующее развитие событий было таково, что наличие доноса представляется весьма вероятным. Разобраться со злоупотреблениями и выявить виновных императрица назначила генерал-аншефа, сенатора и разных орденов кавалера графа Якова Александровича Брюса, известного своей суровостью. Одновременно Брюсу предписывалось незамедлительно завершить строительство. В определении виновного никаких проблем не было. Штат ведомства Дьякова, не считая нижних чинов, включал архитектора П. Ю. Патона, назначенного на эту должность по рекомендации Алексея Афанасьевича, казначея подпоручика Петра Васильевича Баскакова (р. около 1722) и секретаря Ивана Ивановича Метлина (р. около 1723)²⁸. Все прочие, имевшие отношение к строительству, были работниками временными и работали по отдельным контрактам. Архитектор не имел отношения к выдаче денег, поэтому никакого участия в последующих разбирательствах не принимал. Казначей и секретарь, ввиду малых чинов, годились разве что на роль свидетелей. Итак, виновным не мог быть никто, кроме Дьякова. Нужно было лишь найти подходящую статью.

Статьи в строительном деле были стандартные. Граф Брюс «при начальном свидетельстве всех работ» сразу же усмотрел, что «учиненные статским советником Дьяковым на то строение материалов и прочему денежные сметы сделаны были не только несораз-

²⁸ П. В. Баскаков и И. И. Метлин работали с Дьяковым много лет, начиная со строительства зданий Тучкова Буяна. У дочери Баскакова Марии, родившейся 1 апреля 1769 года, восприемниками при крещении были Алексей Афанасьевич и его дочь Анна Дьякова; см.: ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 111, № 67, л. 3 об.

мерны надлежащему строению, но и материалы противу настоящих цен весьма возвышены»²⁹. Обнаружив такие серьезные злоупотребления, Яков Александрович приказал Дьякову доставить ему «ведомость, какие есть по строению договоры и сколько и кто по тем договорам получил денег, на какую сумму сработал и где, на сколько, каких материалов поставил, что в договорную сумму получил». Остается неясным, как граф Брюс ухитрился увидеть злоупотребления сразу, без изучения затребованной им ведомости, разве что взял из предполагаемого нами доноса или же решил, что поиски нарушений закона в названном направлении обязательно дадут результат. Итак, с первой частью поставленной ему императрицей задачи Яков Александрович справился сразу. Виновный, А. А. Дьяков, был определен еще до изучения графом бухгалтерских документов. Сложнее было со второй частью — завершением строительства. Строительство уже завершалось, однако еще многое предстояло сделать. И граф Брюс хорошо понимал, что без Дьякова ему едва ли удастся закончить постройку колокольни в короткие сроки. Таким образом, скорейшее решение первой части задачи входило в противоречие с решением второй части. Граф Брюс нашел комплексное решение проблемы. Он постановил, что подготовка ведомости «не должна остановить течение работ» и что Дьяков от работ вовсе не отстраняется, а, напротив, ему рекомендуется «приумножить свое старание» для приведения строительства в скорейшее окончание³⁰. Таким образом, граф Брюс подбирал для Дьякова подходящую статью закона, а тем временем Алексей Афанасьевич завершал строительство, имея дополнительный стимул к работе в виде намека на то, что старания зачтутся ему при дальнейших разбирательствах. В строительстве же за собой Яков Александрович Брюс оставлял лишь верховное командование, фактически заключавшееся только в контроле за расходующимися денежными средствами.

Не прошло и недели такой работы, как стало ясно, что искать злоупотребления Дьякова уже нет необходимости, поскольку сам Алексей Афанасьевич за это непродолжительное время отдал козыри в руки Брюса. Для того чтобы лучше понять суть вопроса,

²⁹ Там же, ф. 757, оп. 1, № 98, л. 39.

³⁰ Там же, л. 42 об.

необходимо уяснить порядок выдачи денежных средств, действовавший в те годы. Он не слишком отличался от современного. Если надлежало выдать кому-либо наличные за работу или поставленные материалы, то сначала нужно было выписать расходный ордер на необходимую сумму. В ведомстве Дьякова это было обязанностью секретаря Метлина, который выписывал ордер по письменному или устному указанию («объявлению») Алексея Афанасьевича. Ордер, подписанный Дьяковым, передавался казначею Баскакову, который выдавал деньги и делал запись о том в шнуровой книге. Получающий деньги расписывался в получении в шнуровой книге. По прошествии определенного времени шнуровые книги передавались в Ревизион-контору (аналог современной Счетной палаты). Так деньги положено было выдавать в теории. Но на практике этот порядок редко удавалось соблюдать. Во-первых, у Дьякова было две кассы. В одной из них хранились медные деньги; эта касса была в ведении Баскакова. Другую кассу, в которой хранились ассигнации, Дьяков никому не доверял³¹. Это, впрочем, серьезным нарушением не являлось: Алексей Афанасьевич просто брал часть обязанностей своего подчиненного на себя. Во-вторых, вышеописанный порядок было просто нереально всегда соблюдать в условиях стройки. Очень часто деньги требовались срочно, выписывать ордера и делать записи в шнуровой книге было некогда, да и книга сама находилась в конторе, то есть в доме Дьякова на Васильевском острове, в то время как стройка — на Заячьем. Одновременное присутствие Дьякова, Метлина и Баскакова также не всегда можно было обеспечить. При таком небольшом штате служащие Дьякова и он сам наверняка часто находились по различным делам в отлучке. Однако деньги выдавать было нужно, и они — в нарушение установленных правил — выдавались Дьяковым просто под расписки. В те моменты, когда работа не была столь напряженной, например во время нередких в строительстве вынужденных перерывов в работе, бухгалтерия приводилась в соответствие с инструкциями. Задним числом выписывали ордера, делали записи в шнуровой книге, а затем получали подписи в книге со всех получавших деньги в обмен на их расписки. Такой способ выдачи был неизбежным в условиях стройки, но противозаконным.

³¹ См.: Там же, л. 32 об.

В тот момент, когда граф Брюс потребовал от Дьякова ведомость, у Алексея Афанасьевича на руках оставались три расписки кузнеца Вегнера на общую сумму 6000 рублей. Кузнец подрядился в 1774 году исправить церковную кровлю за 16 770 рублей. С 1774 по 1776 годы ему было выдано несколькими суммами 10 108 рублей, в получении которых Вегнер расписался в шнуровой книге. Эта шнуровая книга уже находилась в Ревизион-конторе. В последующие годы Дьяковым были выданы кузнецу под расписки 3000, 2000 и 1000 рублей; последняя сумма выдавалась в 1779 году. Для приведения бухгалтерии в соответствие правилам был выписан ордер, датированный 24 апреля 1779 года. По словам Дьякова и первоначальным показаниям Метлина, ордер и был выписан именно тогда. Однако по каким-то причинам он дошел до Басакаова только 1 июня. В этот же день граф Брюс потребовал от Метлина справку о выплаченных кузнецу по контракту деньгах. Был ли ордер выписан в апреле или задним числом в другой день, для нас решающего значения не имеет, так как напрямую к вопросу, являлся ли Дьяков казнокрадом, не относится. Получив ордер, Басакаов тогда же, то есть 1 июня, вписал его в книгу и обратился к Дьякову, который выдал ему расписки кузнеца и велел идти с ними и с шнуровой книгой к Вегнеру для получения с него подписи в книге в обмен на расписки. Басакаов взял солдата для несения книги и отправился к кузнецу, которого встретил на мосту через Малую Неву. На ходу расписаться в то время было невозможно, и Басакаов уговорил Вегнера пойти в дом к Дьякову, так как от моста было ближе к дому Алексея Афанасьевича, чем к дому кузнеца. В доме Дьякова казначей отдал Алексею Афанасьевичу книгу с расписками и ушел. Кузнец расписался в книге, забрал расписки и также ушел, не оставшись, по словам Дьякова, обедать (по-видимому, в других случаях оставался). В момент, когда Вегнер расписывался в книге, в комнате находился подполковник Александр Семенович Хвостов³², бывший у Дьякова в гостях.

2 июня граф Брюс вызвал к себе казначея Басакаова и предложил написать «репорт», подтверждавший недоплату кузнецу 6000 рублей и фактически изобличавший Дьякова в казнокрадстве.

³² А. С. Хвостов (18.06.1753–14.06.1820) был впоследствии тайным советником, управляющим Государственным заемным банком. С 1772 года служил

Брюс спросил Баскакова, какая сумма была выдана Вегнеру. Когда Баскаков ответил, что 16 000 рублей с сотнями, «его сиятельство, держа в руке свосей записку, сказывал ему, Баскакову, что как же, по 1-е число того июня было им, Баскаковым, выдано ему, Вегнеру, только 10 000 рублей, а он, Баскаков, говорит, что якобы выдано 16 000 рублей. Выслушав сие, он, Баскаков, доносил, что еще ему Дьяковым дан ордер на 6000 рублей от 24 апреля 1779 года. Когда его сиятельство спросил, когда он ордер получил, то доносил, что того июня 1-го числа, а в книгу записал 24-м апреля. И для того приказывал ему тогда его сиятельство подать репорт в такой силе, что ордер дан от господина Дьякова ему, Баскакову, 1-го числа того ж июня, а писан апреля 24 числа о выдаче Вегнеру за его работы 6000 рублей, только он, Баскаков, ему, Вегнеру, тех 6000 рублей по тому ордеру не выдавал, который репорт им, Баскаковым, его сиятельству того ж 2 июня и отдан»³³.

Несколько позднее, точная дата не сообщалась, кузнец, придя в гости к Баскакову, сообщил ему, что скоро Дьяков заплатит деньги, и показал бумагу, в которой казначей успел увидеть вензеля графа Брюса и текст, из которого следовало, что Баскаков, встретив кузнеца на мосту, якобы силой заставил его идти к Дьякову. Прочитав такой поклепный текст, казначей, по его словам, настолько рассердился, что не стал читать дальше и вернул бумагу. Думается, что Баскаков несколько кривил душой и не настолько рассердился, насколько испугался, если принять во внимание обстановку вокруг строительства. Дьяков, поняв свою ошибку, посылал Баскакова к Вегнеру, чтобы тот вернул расписки, «помарав или надорвав» их, однако было уже поздно, кузнец отказался это сделать, сославшись на то, что они ему нужны, якобы для расчетов со слесарем Вебером.

В июле кузнецом Вегнером на высочайшее имя было подано прошение, в котором он сообщал, что был силой принужден Дьяковым расписаться в шнуровой книге в получении 6000 рублей, которых он в действительности якобы не получал. Императрица неза-

в Коллегии иностранных дел, при генерал-прокуроре А. А. Вяземском был секретарем в Сенате. С 1779 года подполковник Второго батальона Лифляндского егерского корпуса (см.: Русский биографический словарь. Т. 21. СПб., 1901. С. 295).

³³ ЦГИА СПб., ф. 757, оп. 1, № 98, л. 35.

медлительно «высочайше повелеть соизволила употребленного при строении Пестропавловской колокольни кузнеца Вегнера поданную на статского советника Дьякова в неплатеже надлежащих ему денег 6000 рублей за его работы, приказав ему прежде в приеме расписаться, а потом, уклоняясь от отдачи оных, <жалобу> отослать куда следует, дабы там надлежащий судный разбор произведен и удовольствие обиженной стороне по справедливости доставлено было без замедления»³⁴. Указом Правительствующего Сената прошение Вегнера было отослано в Юстиц-контору «для производства в сходственность»³⁵ помянутого высочайшего ея императорского величества повеления».

Ситуация для Дьякова складывалась крайне неблагоприятно. Партикулярная тяжба с кузнецом на самом деле являлась слегка отсроченным делом о казнокрадстве Дьякова, ибо если признать претензии Вегнера правомочными, то отсюда автоматически следует, что Алексей Афанасьевич присваивал казенные деньги. Юстиц-контора сразу же обратила внимание на эту особенность дела, усмотрев «из сего дела следующие обстоятельства:

1-е. По рассуждению невыдачи денег и в неотстройке Вегнером по контракту остальной работы соединяется казенного интереса упущение.

2-е. Если статский советник Дьяков доказан будет в принуждении его в расписке в книге в 6000 рублях и неотдаче оных без законной причины, следственно, подвергнет себя не только платежа иску, но и положенному по законам штрафу.

3-е. В рассуждении жалобы кузнеца Вегнера, лишившегося за свою работу платежа, собственно ему уже принадлежащего, а по сим обстоятельствам по сему делу, как относящемуся к казенному упущению, так и к партикулярной жалобе, по содержанию законов оная контора иначе и поступить не может, как между им, статским советником Дьяковым, и кузнецом Вегнером предписанный высочайшим указом судный разбор ко изысканию истины произвести»³⁶.

Нетрудно догадаться, в какое настроение повергло такое развитие событий семью Дьяковых. В «Прибавлении к Санкт-Петербур-

³⁴ Там же, л. 26–26 об.

³⁵ То есть для подбора подходящих, «сходных» с ситуацией статей закона.

³⁶ Там же, л. 27.

бургским ведомостям» появились объявления: 1) «На Васильевском острове между Среднею и Малою перспективою в 3 линии продаются 2 деревянных дома г. статского советника Дьякова. Один на каменном жилом этаже с каменными и деревянными службами и садом, а о цене спросить в том же доме»; 2) «Статская советница Дьякова, жена ево, Авдотья Петрова дочь, продает свои деревни в Новоторском уезде в Теребенской волости: сельцо Китово и сельцо Глебово, с принадлежащими к ним деревнями, да в Тверском уезде полусельцо Турово, полдеревни Гребенино, полдеревни Есино, в которых имеется до 200 душ мужеска полу, а о цене спросить здесь на Васильевском острове в 3 линии, в доме г. статского советника Дьякова»; 3) «На Петербургской стороне в Большой Никольской улице, в приходе церкви Николая Чудотворца, продается деревянный дом на каменном фундаменте с службами, а о цене спросить в 3 линии между Средней и Малой перспективою в доме г. статского советника Дьякова»³⁷.

Не следует, конечно, полагать, что такая срочная продажа недвижимости была предпринята для того, чтобы отдать 6000 рублей кузнецу. Если бы Алексей Афанасьевич отдал эти деньги Вегнеру, то тем самым признался бы в казнокрадстве. Также следует отбросить, как невозможный, тот вариант, в котором деньги были пужны для срочного покрытия возможной недостачи в кассе. Если бы таковая и была, то в июле компенсировать ее было уже поздно. Скорее всего, собственность просто выводилась Дьяковыми из-под удара, на случай неблагоприятного развития событий, поскольку дело могло дойти до секвестирования имения. Какую-то свободную сумму необходимо было иметь на случай, если участие в тяжбе окажется делом затратным. Возможно, что деньги предназначались на приданое Марье и Александре. И, наконец, семье нужно было на что-то жить в условиях, когда выплата жалованья Алексею Афанасьевичу была приостановлена. Заметим, что дом в 3-й линии был продан существенно позднее; относительно сельца Китово известно, что оно было продано А. А. Воейковой в 1780-е годы³⁸. По-видимому, остальные

³⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1779. 9 - 19 июля. С. 818, 834, 835, 849, 865, 866. Все объявления помещены в разделе «Продажа». Цитируем с сохранением орфографии подлинника.

³⁸ См.: Львова А. П., Бочкарева И. А. Род Львовых. С. 43.

имения Дьяковой, упомянутые в объявлении, также отошли к Воейковой. По состоянию на 1783 год Анисья Воейкова значилась владелицей 31 души в сельце Китово, 20 душ в сельце Глебово, 7, 14, 7, 16 и 29 душ в деревнях Мышлятино, Ильино, Гребниково, Есино и Турово соответственно. За Дьяковой в это время в Новоторжском и Тверском уездах недвижимости не числилось³⁹.

Но вернемся к главным героям статьи — Николаю Львову и Марии Дьяковой. Весной 1778 года отношения двух влюбленных были уже отнюдь не платоническими⁴⁰. Вероятно, в то же время появились первые мысли о женитьбе. Если бы эти мысли трансформировались в решение до середины 1779 года, никакой таинственности в женитьбе наверняка не было бы.

Заметим, что сестру Марии Екатерину Алексеевну Дьяков успел выдать замуж, незадолго до драматических событий. Накануне венчания граф Стенбок подал прошение, которое полагалось писать при заключении брака лютеранина с православной:

Прошение

Гавриилу, архиепископу Новгородскому и Санкт-Петербургскому,

от бригадира Якова Федоровича Штенбока от 28.01.1779

О бракосочетании с дочерью статского советника

Дьякова Екатериной

От роду ему 34-й год. Родился в Эстляндии, отец его Федор Магнусов, в службе с 1760 г.

Разведен с женой⁴¹ в 1774 году Юстиц-коллегией.

Катерина от роду 21-й год, рождение в городе Шлютенбурге, отец — статский советник Алексей Афанасьев сын Дьяков, а мать — Авдотья княж Петрова дочь Мышенского⁴².

³⁹ См.: РНБ, ф. 342, оп. 1, № 1544, л. 13, 148 об.

⁴⁰ См.: Лаппо-Данилевский К. Ю. *Miscellanea Lvoviana* // Генний вкуса: Н. А. Львов. Материалы и исследования. Сб. 3. Тверь, 2003. С. 118.

⁴¹ Первой женой графа Я. Ф. Стенбока была Сара, урожд. графиня Фермор.

⁴² ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 1, № 10516, л. 1.

Яков Федорович и Екатерина Алексеевна обвенчались 3 февраля 1779 года. В метрической книге Благовещенской, что на Васильевском острове, церкви записано: «Брегадир вдовец Яков Федорович сын Станбок <вступил в брак с> статского советника Алексея Афанасьевича Дьякова дочерью сво девицею Екатериной Алексеевной. Поручители: Правительствующего сената секретарь Андрей Хвостов и полковник Егор Дамосов»⁴³.

Почему Львов не женился на Дьяковой раньше? Не чувствовал себя готовым к семейной жизни, или же существенной преградой была «цыганская жизнь» с постоянными разъездами? Трудно сказать. Но начиная с июня — июля 1779 года тучи, сгустившиеся над головой Алексея Афанасьевича Дьякова, стали очень серьезным резонем для того, чтобы Львов решил повременить с женитьбой. Казнокрадство считалось государственным преступлением и если наказывалось, то каралось очень строго. Так или иначе, это касалось всех близких родственников осужденного. Известны даже случаи, когда, стремясь отмежеваться от преступника, шли на смену фамилии. Так, например, известный военный историк А. И. Михайловский-Данилевский носил первоначально фамилию Данилевский. В царствование Павла I отец историка обратился к императору с прошением о смене фамилии, чтобы его не считали родственником государственного преступника Данилевского. Павел I, озабоченный в то время строительством Михайловского замка, повелел прибавить к старой фамилии «Михайловский»⁴⁴.

Наличие тестя, находящегося под судом по подозрению в казнокрадстве, наверняка повредило бы карьере Львова, тем более что служил он в таком серьезном ведомстве, как Коллегия иностранных дел. Это, конечно же, не входило в планы Николая Александровича. И если бы Львов сам не решил повременить с женитьбой, то ему бы посоветовали это сделать начальники по службе. В те годы для женитьбы требовалось получить разрешение начальства. Положение это соблюдалось не очень строго, особенно в гражданских ведом-

⁴³ Там же, ф. 19, оп. 111, № 87, л. 146 об. Цитируем с сохранением орфографии оригинала.

⁴⁴ См.: Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары 1814–1815. СПб., 2001. С. 4–5.

ствах. Но если бы Львов все же обратился с такого рода прошением, то начальник, искренне желавший Николаю Александровичу добра, если не запретил бы жениться, то настоятельно порекомендовал бы с этим повременить.

Даже В. В. Капнист, который не связывал свои ближайшие планы со служебной карьерой, решил повременить с женитьбой. Он убеждал в необходимости этого свою возлюбленную Александру Алексеевну Дьякову в письмах: «Будем действовать, дорогая моя, согласно велению разума, а не настроений наших. Придется несколько времени пострадать, чтобы прочнее утвердить счастье нашей жизни. Довольно мне, мой друг, учить вас уму-разуму. Прибавлю еще только, что любезному вашему батюшке напишу после того, как поговорю с вашим дядей Г. А.»; «Я просил Григория Алекс<севича> замолвить за меня словечко, предпринял все необходимые шаги, чтобы оправдать себя в ваших глазах <...>»; «...она (А. П. Дьякова. — С. Д.) хочет заставить меня отказаться от дружества и привязать меня к вам перасторжимыми узами. Я сотни раз убеждал вас, что для последнего время еще не пришло, а, зная мое постоянство, вы должны быть удостоверены в том, что первое невозможно»⁴⁵.

Переговоры Капнист вел, судя по письмам, не столько с Алексеем Афанасьевичем, сколько с Авдотьей Петровной Дьяковой. Дьяков, по-видимому следуя рекомендации Брюса, «умножал старания» на стройке, а в свободное время, если оно случалось, обдумывал варианты защиты.

В письмах Капниста этого периода, адресованных Дьяковой, неоднократно упоминается «дядя Г. А.», «Григорий Алекс<севич>». Кто такой этот дядя и почему письмо Дьякову нужно было предварить разговором с Григорием Алексеевичем? Почему этот Г. А. встречается в переписке именно этого периода? Ответить на эти вопросы оказалось делом непростым. Едва ли Г. А. мог быть родным дядей Александры, тогда он встречался бы чаще и в другие годы упоминался бы тоже. Да и родные братья Алексея Афанасьевича и Авдотьи Петровны отпадали сразу по несовпадению отчества. Маловероятно, хотя и не исключено, что дядя был троюродным: едва ли столь дальний родственник невесты был бы так значим для Кап-

⁴⁵ Капнист В. В. Собр. соч.: В 2 т. / Ред., вступит. ст. и примеч. Д. С. Бабкина. М.: Л., 1960. Т. 2. С. 250–254.

ниста, что неоднократно упоминался бы в относительно короткий период. Наиболее вероятным представлялось двоюродное родство. Но родственника с таким именем и отчеством все никак не удавалось обнаружить. В девяти томах «гровских» Сочинений Державина упоминается лишь один Григорий Алексеевич — подполковник Бутлеров, доставивший Державину во время Пугачевского бунта рескрипт. Это лицо едва ли имеет отношение к делу. В адрес-календарях за годы 1764–1795 встречается всего 23 человека с таким именем и отчеством, однако родственников Дьяковых среди них обнаружить не удалось. Найденного Б. А. Градовой князя Григория Алексеевича Долгорукова, матерью которого была Евдокия Григорьевна, урожденная княжна Мышецкая, пришлось было отставить. В наиболее полном из опубликованных родословий князей Мышецких (составлено М. Ю. Лебединским)⁴⁶ княжна Евдокия, в замужестве княгиня Долгорукова, показана дочерью князя Григория Борисовича Мышецкого, тогда как Авдотья Петровна Дьякова была внучкой князя Григория Ефимовича Мышецкого. В русских родословиях до XIX века женские линии обычно представлены неполно и грешат ошибками. Не представляет исключения и упомянутое родословие Мышецких. Так, например, княжна Прасковья Петровна, в замужестве Яхонтова, показана там очень дальней родственницей Авдотьи Петровны Дьяковой, в действительности — ее родной сестры. Княжна Евдокия Григорьевна Мышецкая, дочь владельца усадьбы Васильково Новоладожского уезда подконстабеля князя Григория Ефимовича Мышецкого⁴⁷, в родословии вовсе отсутствует. Упомянувшаяся выше княгиня Евфросинья Семеновна Мышецкая, урожденная Львова, названа Евфросиньей Львовной, и т. д. Из родословия остается неясным, насколько основателен вывод о том, что Евдокия Григорьевна Долгорукова была дочерью именно Григория Борисовича. Это обстоятельство в совокупности с многочисленными неточностями родословной росписи заставило нас пересмотреть

⁴⁶ См.: Лебединский М. Ю. Хроника князей Мышецких // <http://www.lib.ru/HISTORY/LEBEDINSKIJ/myshec.txt>

⁴⁷ Она упоминается в исповедных росписях Троицкой церкви Георгиевского Теребужского погоста Новоладожского уезда (например, в 1744 году). См.: ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 112, № 58, л. 66.

ранее сделанный вывод. В родословии находим трех Григориев Мышецких, в числе которых (по критерию возраста) мог быть и отец Евдокии Григорьевны Долгоруковой, — Григория Борисовича и двух Григориев Ефимовичей. В 1751 году дочери подконстапеля Евдокии Григорьевне было 14 лет. Ее отцу — 64. Сведения о возрасте из исповедной росписи, обычно сомнительные, в данном случае вполне надежны, так как многократно подтверждаются росписями за предыдущие годы. Точный возраст ее сына Григория Алексеевича Долгорукова нам пока неизвестен, однако в большинстве источников указывается, что дата его рождения приходится на 1740-е годы. Совместными усилиями с М. О. Мельциным, крупнейшим знатоком генеалогии князей Долгоруковых, удалось установить, что дочь подконстапеля не могла быть матерью Григория Алексеевича, поскольку его мать Евдокия Григорьевна в июне 1743 года по духовному завещанию своего отца получила образ Знамени Пресвятой Богородицы. Значит, ее отец умер в 1743 году или ранее. Согласно родословной росписи, князь Григорий Борисович умер в 1744 году. Следовательно, можно сделать предварительный пока вывод о том, что княгиня Евдокия Григорьевна Долгорукова была родной сестрой князя Петра Григорьевича Мышецкого, отца Авдотьи Петровны Дьяковой. Это утверждение требует дополнительной проверки, однако если принять его, то на вопросы, возникшие по поводу писем В. В. Капниста, как будет показано ниже, ответы дать легко.

О князе Григории Алексеевиче Долгорукове нам пока мало что известно. В 1768 году он поступил в морской кадетский корпус. В 1769 году произведен в гардемарины⁴⁸. Дата поступления в корпус плохо согласуется с рождением в 1740-е годы, однако заметим, что в гардемарины Долгоруков был произведен уже через год после поступления, а обычно на это уходило не менее 5–6 лет. Таким образом, заключаем: либо год поступления в корпус указан ошибочно, либо Григорий Алексеевич был персведен туда из другого учебного заведения, в котором успел отучиться несколько лет.

В 1769–1774 годах Долгоруков ежегодно находился в плавании в Балтийском море, совершил переход из Архангельска в Кронштадт. В 1773 году, 1 мая, он был произведен в мичманы. В 1774-м

⁴⁸ См.: Общий морской список. Т. III. СПб., 1890. С. 496–497.

переведен в морской корпус с переименованием в подпоручики. В 1776 году на фрегате «Северный орел» князь Долгорукий отправился из Кронштадта в Средиземное море. В 1777 году на фрегате «Павел» он плывал из Ливорно в Константинополь и обратно. 7 января 1778 года Григорий Алексеевич был произведен в лейтенанты. В 1778 году на фрегате «Северный орел» он плывал между Ливорно и Гибралтаром. В 1779-м на том же фрегате возвратился из Ливорно в Кронштадт. В 1780–1781 годах на корабле «Спиридон» плывал от Кронштадта до Ливорно и обратно. В 1783–1785 ежегодно находился в плавании в Балтийском море. 1 января 1785 года князь Г. А. Долгоруков был произведен в капитан-лейтенанты. В 1788 году он командовал брантвахтенным фрегатом «Богемия» в Кронштадте, затем был назначен на должность помощника капитана над галерным портом. В 1796 году, 1 января, князь Долгоруков был произведен в капитаны 2 ранга и уволен от службы в чине капитана 1 ранга 22 сентября 1797 года.

В 1806 году Григорий Алексеевич был начальником уездного ополчения.

Князь Г. А. Долгоруков был масоном, членом ложи «Нептун», а в 1780–1781 годах членом ложи теоретического градуса в Петербурге, кавалером ордена розенкрейцеров⁴⁹.

Григорий Алексеевич Долгоруков умер 31 декабря 1812 года в собственном имении Вязовка Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. Детей не имел и завещал свое имение племяннику. В Государственной Третьяковской галерее имеется его портрет кисти Д. Г. Левицкого.

В. В. Капнист встречался с князем Г. А. Долгоруковым, очевидно, после плавания Григория Алексеевича на фрегате «Северный орел» (1778–1779), но перед плаванием на корабле «Спиридон» (1780–1781). Дальний поход «Северного орла» под командованием Т. Г. Козлянинова (1740–1798) завершился в мае 1779 года⁵⁰. Заметим, что участником этого похода на том же самом корабле был и А. С. Шишков (1754–1841). «Спиридон» отправился в плавание в

⁴⁹ См.: Серков А. И. Русское масонство 1731–2000: Энцикл. словарь. М., 2001. С. 308.

⁵⁰ См.: Материалы для истории русского флота. Ч. XII. СПб., 1888. С. 489.

составе эскадры под командованием бригадира Палибина в июне 1780 года⁵¹. Упомянутые выше письма В. В. Капниста мы можем отнести к периоду с июня 1779-го по ноябрь 1780 года (ранее считалось, что они написаны в конце 1770-х годов). Таким образом, встреча Василия Васильевича с Долгоруковым вполне могла состояться. Повышенный интерес Василия Васильевича к Долгорукову в этот период легко объяснить, если рассмотреть родственное окружение Григория Алексеевича. Оказывается, что княжна Екатерина Алексеевна Долгорукова, родная сестра отца Г. А. Долгорукова, была второй женой графа Александра Романовича Брюса. Поскольку граф Яков Александрович был сыном от первого брака, Екатерина Алексеевна приходилась ему мачехой. Она рано умерла (в 1747 году) и замужем пробыла недолго (мнее трех лет), так что такое родство едва ли могло предполагать близкие родственные отношения между Я. А. Брюсом и Г. А. Долгоруковым. Конечно, их и не было, иначе служебная карьера Григория Алексеевича была бы куда более впечатляющей. Но все же Брюс и Долгоруков были не совсем чужими людьми, и можно было рассчитывать если не повлиять на Брюса, то, по крайней мере, узнать, насколько все серьезно в деле Дьякова.

При установлении личности упоминавшегося Капнистом дяди сестер Дьяковых следует учитывать то, что «Григорий Алекс.» может расшифровываться и как Григорий Александрович. В результате поисков нами выявлен лишь один человек с такими именем и отчеством, проживавший в 1779–1780 годах в Петербурге и приблизительно подходящий по возрасту. Это член Дворянского банка Г. А. Воейков (р. около 1747). К сожалению, нам пока остаются неизвестными его мать и мать его жены Евдокии Михайловны (р. около 1757), урожденной Ярославовой. Однако если предположить, что Воейков — двоюродный дядя, то его дети (Виссарион, Федор, Александр, Елена и Анастасия) оказываются троюродными братьями и сестрами. Но при таком близком родстве едва ли возможно отсутствие упоминаний перечисленных персон в последующие годы в документах Державиных, Львовых и Капнистов.

Юстиц-контора заслушала показания истца — кузнеца Вегнера, ответ Дьякова, показания свидетелей Хвостова, Метлина и Бас-

⁵¹ См.: Там же. С. 545.

какова. Если Дьяков рассчитывал на то, что придется лишь доказать отсутствие насилия при отборе подписи у кузнеца, то он сильно недооценил противника. Вегнер заявил, что все слова о том, что Дьяков заставил его расписаться силой, не более чем неточность перевода. По его словам, он расписался по «обнадеживанию» Дьякова, который обещал ему в обмен на расписку в книге выдать 6000 рублей⁵². Никаких расписок, по его словам, Алексей Афанасьевич ему не давал. Впоследствии Дьяков, по его словам, уклонялся от выдачи денег, а затем предложил удовольствоваться меньшей суммой. В доказательство кузнец предъявил записку от Дьякова следующего содержания: «Г. Вегнер, придите ко мне с г. Вебером, и если вы хотите, то мы уже сделаемся на 2500 рублях, в коих дам вам вексель»⁵³. Записка эта во всех последующих разбирательствах считалась главной уликой против Алексея Афанасьевича. Вегнер посчитал, что 2500 рублей вместо положенных 6000 — это слишком мало, и написал прошение на высочайшее имя.

Дьяков признал, что записка писана его рукой. Однако он написал ее много раньше, и относилась она к партикулярному делу, которое у него было с кузнецом Вегнером и слесарем Вебером. Дата на записке указана не была. Сумма представляется огромной для партикулярного заказа, однако позднее Дьяков в доказательство представил счет, выписанный Вегнером, на 3217 рублей 50 копеек. Вегнер на это заявил, что действительно он для Дьякова неоднократно выполнял партикулярные заказы, но за все получил деньги сполна. Заметим, что из слов кузнеца следует участие Дьякова в строительстве не только казенных, но и частных зданий в Петербурге.

В показаниях казначея Баскакова и секретаря Метлина ничего неожиданного не было. Они изъясняли вышеизложенную историю в части, их касающейся. Отметим только, в качестве положительного для Дьякова момента, упоминание Метлиным эпизода, предшествовавшего событиям 1 июня, когда Дьяков в комиссии (в своей конторе) говорил Метлину и Баскакову о выплаченных кузнецу 6000 рублях и показывал его расписки.

Самыми неприятными для Вегнера были показания А. С. Хвостова, который заявил, что присутствовал при встрече Дьякова с

⁵² См.: ЦГИА СПб., ф. 757, оп. 1, № 98, л. 32 об.

⁵³ Там же, л. 26.

Вегнером и что видел, как кузнец расписывался в шнуrowой книге без всякого принуждения. По поводу расписок он показал, что видел только верхнюю, в которой успел заметить, что она 1779 года и составлена на немецком языке. Также он видел, что расписок всего было три и что Дьяков передал их Вегнеру все, одну за другой. Против таких показаний трудно что-то возразить, и кузнец не придумал ничего лучше, как заявить, что все это ложь и что Хвостова даже не было в то время в доме Дьякова.

Разбирательство в Юстиц-конторе затягивалось. Дьяков в это время спешно завершал строительство. К этому же периоду относятся, вероятно, и первые архитектурные работы Н. А. Львова — Невские ворота Петропавловской крепости⁵⁴ и оформление зала Общего собрания Правительствующего Сената⁵⁵. Обе эти работы выполнялись при очевидном посредстве Алексея Афанасьевича. Ко второй прямое отношение имел и Державин, о чем свидетельствует помещаемый ниже документ.

Г. коллежскому советнику Державину.

Приказ

По репорту вашему о разных примеченных неисправностях при известной переделке и починке дома сенатского предписал я архитектору Патону⁵⁶ как наискорее все исправить под особым вашим надзиранием и, по переделке всего нужного, ожидаю от вас обстоятельного репорта с тем, что, как на все починки и разные исправления ассигнована уже известная по подряду сумма, то и надлежит все из тех же денег окончить, ибо сверх того ничего в добаву выделено не будет.

Ноября 29 дня 1780 г. Генерал-прокурор Вяземский⁵⁷.

⁵⁴ См.: Никитина А. Б. Архитектурное наследие Н. А. Львова. СПб., 2006. С. 64.

⁵⁵ См.: Там же. С. 66.

⁵⁶ Упоминался выше как архитектор, работавший в комиссии А. А. Дьякова.

⁵⁷ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 5. СПб., 1869. С. 366.

В июле 1780 года Дьяков, не выдержав столь длительного состояния неопределенности по своему делу, обратился с просьбой на высочайшее имя перенести дело в суд для скорейшего решения. 5 августа 1780 года указом Правительствующего Сената дело было передано в Санкт-Петербургское губернское правление, а оттуда 12 августа — в Санкт-Петербургский уездный суд. Последний, рассмотрев дело 26 августа, счел материалы Юстиц-конторы недостаточными и постановил снова заслушать всех свидетелей и дополнительно слесаря Вебера, а также истца и ответчика⁵⁸. Вебера допрашивали уже 27 августа, Метлина 28 августа, Хвостова — 9 сентября. Хвостов ничего нового не сообщил, Вебер заявил, что во всем верит Вегнеру, а по поводу партикулярных работ сообщил, что не принимал в них участия. Дьяков попытался дать отвод Веберу на том основании, что они находились в ссоре по поводу, не имевшему отношения к разбирательству⁵⁹. Отвод судом принят не был. Вегнер, в свою очередь, пытался дать отвод Хвостову: «Хвостов весьма часто бывал в доме Дьякова, также часто обедал или ужинавал и не только имел приятельское, но и дружеское обращение и так, как домашний человек. Да и не знает, не обязан ли он, Хвостов, каким с ним (Дьяковым. — С. Д.) свойством?»⁶⁰ Если бы Вегнер смог доказать близкое родство или свойство Хвостова с Алексеем Афанасьевичем, то отвод судом был бы принят, и Дьяков лишился бы своего главного свидетеля. Есть несколько линий, по которым Хвостов был в очень дальнем свойстве с Дьяковым (через Шишковых, Сеченовых), однако о каком-то близком свойстве нам пока неизвестно. Не знал о нем и суд, отвод был отклонен. Вегнер продолжал утверждать, что в доме Хвостова не было. Дьяков заявил, что в то время в доме, помимо Хвостова, находились коллежский ассессор Львов и гвардии подпоручик Капнист, которые могут подтвердить наличие в тот момент Хвостова, однако сами они находились в соседнем покое и расписок видеть не могли. В свою очередь Хвостов подтвердил присутствие в то время в доме Львова и Капниста, однако суд не счел нужным вызвать их для допроса.

⁵⁸ См.: ЦГИА СПб., ф. 757, оп. 1, № 98, л. 44 об.

⁵⁹ См.: Там же, л. 47 об.

⁶⁰ Там же, л. 48 об.

Баскаков и Метлин, подвергшиеся, видимо, мощному давлению, отказались от прежних показаний. Суть новых показаний обоих сводилась приблизительно к тому, что они ничего не знают о выплате Дьяковым кузнецу 6000 рублей и ни подтвердить, ни опровергнуть этого не могут.

Дьяков настаивал на том, что выплаты были и после 1776 года, в частности в 1779 году, и приводил косвенные доказательства. Кузнец совершил серьезную ошибку, заявив, что выплата была, но в счет прежних 10 000 рублей, и предъявил расписку, в которой Хвостов и Дьяков узнали одну из трех, а именно — на сумму 1000 рублей от апреля 1779 года. К тому же оказалось, что писана она была рукой Баскакова. Тем не менее суд счел оправдания Дьякова неосновательными и 7 октября 1780 года вынес решение: «Как из всех по делу обстоятельств видно, что статский советник Дьяков кузнецу денег не даывал, то оные с него, Дьякова, взыскав законным порядком, удовольствовать кузнеца Вегнера, да сверх того <...> с него ж взыскать пошлин по гривне с рубля <...>»⁶¹. На подачу апелляции Дьякову был дан месяц.

После такого решения суда угроза для Алексея Афанасьевича в ближайшей перспективе потерять не только должность, но и чин, имение, дворянство, а не исключено, что и жизнь, стала вполне реальной. Конечно же, Дьяков не собирался сдаваться, но, надеясь на лучшее, надо было все же подстраховаться. И, не в последнюю очередь, важно было пристроить дочерей. Если Анна и Екатерина были уже замужем, а Дарья была еще слишком молода, то у Марьи и Александры женихи были уже давно, да вот только не спешили жениться. Если даже Дьяковы и видели какие-то изъяны в Львово-женихе, то в такой ситуации о них следовало забыть. Естественно предположить, что в этих условиях Капнист и Львов подверглись сильнейшему нажиму со стороны родителей своих невест, вплоть до шантажа тем, что им откажут в посещении дома, если они незамедлительно не женятся. Это и отразилось в письмах Капниста. Василий Васильевич и Николай Александрович, по-видимому, действовали солидарно. Капнист, вероятно, подвергался большему прессингу, как более слабое звено, поскольку для него ситуация большой опас-

⁶¹ Там же, л. 53.

ности не представляла: он был уже в отставке и собирался уехать в Малороссию. Не выдержав нажима, друзья сдались. В конце концов, они любили своих невест и собирались на них жениться, но только позже. Капнист женился открыто. Львов же убедил, видимо, Дьяковых в необходимости венчаться тайно и сохранять брак в тайне до тех пор, пока не минует опасность.

Напомним, в письме к Воронцову Львов говорил о нескольких резонах. Первый резон был связан со службой Львова и с опасностью испортить карьеру. Второй, тоже весьма серьезный резон, состоял в том, что Львов мог оказаться важным свидетелем в суде для подтверждения факта присутствия в доме Хвостова. Уездный суд не стал вызывать Николая Александровича для дачи показаний, но это мог сделать суд следующей инстанции: на это свидетельство, судя по содержанию апелляционной жалобы Дьякова, возлагались большие надежды. Но если бы кузнецу Вегнеру стало известно о том, что Львов — зять Дьякова, то он незамедлительно дал бы Николаю Александровичу отвод как свидетелю. Относительно родства Львова с Авдотьей Петровной Дьяковой, по-видимому, предполагали, что Вегнер до этого не докопается. Третий, пожалуй, наименее важный резон, возможно, был связан с приданым. В сложившейся ситуации переговоры о приданом уместно было бы перенести на более спокойное время. Если бы о браке было объявлено открыто, то Львову пришлось бы отвечать на вопросы об этом друзей, сослуживцев, знакомых, поскольку в те годы было принято интересоваться, что взято в приданое.

Если Капнист обещал Николаю Александровичу, что женится только после него, то он свое слово сдержал. Как отмечалось выше, Львов венчался 8 ноября 1780 года. А 9 ноября того же года в метрической книге Благовещенской, что на Васильевской острове, церкви была сделана запись: «Лейб-гвардии Преображенского полку отставной подпоручик Василей Копсистов⁶², отрок, статского советника Алексея Дьякова дочь его девицу Александру Алексееву. Поручители: Тобольского пехотного полку капитан Петр Вельяминов и лейб-гвардии Измайловского полку сержант Петр Дьяков»⁶³.

⁶² Так в документе.

⁶³ Там же, ф. 19, оп. 111, № 89, л. 166.

Ранее считалось, что Капнист женился весной 1781 года. Свадьбы, очевидно, играли 9 ноября. Львов как бы просто гулял на свадьбе у друга. И лишь посвященные знали, что свадеб на самом деле две.

Не следует полагать, конечно, что Львов, Капнист и другие родственники Дьякова безучастно наблюдали за попытками Алексея Афанасьевича выбраться из сложившейся ситуации. Разумеется, многие пытались оказывать посильную помощь. Однако специфика дела была такова, что лишняя огласка представлялась крайне нежелательной. По этой причине мы едва ли много сможем узнать о тех усилиях, которые предпринимали родственники и друзья Львова и Дьякова, чтобы вытащить Алексея Афанасьевича из беды. Но некоторой информацией, в частности об участии Державина в этом деле, мы обладаем. По-видимому, Гавриил Романович, который не знал еще, что выручает своего будущего тестя, а просто оказывал услугу своему лучшему другу Львову, участвовал в событиях с самого начала. Но документально подтверждается его участие только с момента подготовки Дьяковым апелляции на неправос решение уездного суда.

В архиве Державина сохранился черновик апелляции, датированный 3 ноября 1780 года⁶⁴. В документе два двойных листа гербовой бумаги 1780 и 1778 годов, а также три листа обычной бумаги голландского производства (с филигранями «VAN DER LEY» с левой стороны и «Pro Patria» — с правой). На гербовой бумаге почерк писарский, на простой — два разных почерка, один из которых установить не удалось, а другой — самого Алексея Афанасьевича Дьякова. Апелляция адресована на высочайшее имя. Писать черновики на гербовой бумаге было бы бессмысленным расточительством, поэтому делаем однозначный вывод, что первоначальный чистовой вариант апелляции был по каким-то причинам забракован и часть его вошла в данный черновик. Само наличие этого документа в архиве Державина говорит об активном участии поэта в подготовке прошений, апелляций и, как увидим несколько ниже, других важных документов, касающихся этого дела. По-видимому, Гавриил Романович был в этой области лучшим специалистом из всего окружения Львова и Дьякова.

⁶⁴ См.: РНБ, ф. 247, т. 17, л. 27–35.

Апелляция была подготовлена тщательно, выделены все сильные места защиты и все слабые обвинения, особо отмечено нежелание уездного суда заслушать важных свидетелей — Львова и Капниста.

Интересы истца на дальнейших слушаниях представлял слесарь Вебер, поскольку кузнец Вегнер к тому моменту умер. Опекунскими к его детям были назначены петербургский купец Козлов и Вебер. Еще до отправки Дьяковым апелляции Вебер написал прошение на высочайшее имя, в котором просил выдать ему 2000 рублей, якобы не выплаченные ему Дьяковым за изготовление электрического отвода. По-видимому, этим усиливалась основная улика против Дьякова — записка. Без этого прошения было неясно, почему в ней вообще фигурирует Вебер, если речь шла только о долге Вегнеру.

Поскольку по документам получалось, что расчет со слесарем был произведен в полном объеме, Вебер заявил, что имела место ошибка Баскакова, который деньги, отданные за ремонт кровли, провел по бухгалтерии как выплаченные за громоотвод.

Разбор апелляции проводил Верхний надворный суд, Второй его департамент (гражданских дел).

Дьяков и его окружение возлагали серьезные надежды на одного из членов суда — Аникиту Сергеевича Ярцова (1737–1819), который, как известно, был мужем родной сестры Н. А. Львова Надежды⁶⁵. Аникита Сергеевич, служивший тогда в Санкт-Петербургском губернском правлении, мог оказать существенное влияние на ход разбирательств. Однако противник был недооценен. Ярцову был дан отвод, а в материалах дела появилась запись: «Находящемуся при рассмотрении того дела в числе того суда г. присутствующих г. надворному советнику Ярцову за ближайшим его с г. бригадиром Дьяковым, который в сем деле участие имеет, родством, не присутствовать. Сие рукоприкладство писал за неумением опекуна Вебера российской грамоте Санкт-петербургского городского магистрата в должности переводчика регистратор Венедикт Петров»⁶⁶. В деле не

⁶⁵ См.: Львова А. П., Бочкарева И. А. Род Львовых. С. 21.

⁶⁶ ЦГИА СПб., ф. 757, оп. 1, № 98, л. 81–81 об. Цитируем с сохранением орфографии подлинника.

уточняется, о каком родстве идет речь: о том, что Надежда — двоюродная племянница Авдотьи Петровны Дьяковой или все же произошла утечка информации о женитьбе Николая Александровича. Скорее всего — первое, поскольку при втором варианте в последующих жалобах и апелляции Дьяков вряд ли даже упоминал бы Львова и Капниста. Дьяков же упоминал Николая Александровича и Василия Васильевича и в дальнейшем как свидетелей в качестве дополнительного аргумента в свою пользу, отдавая, впрочем, себе отчет в том, что если Львова вызовут в суд, то он неминуемо получит отвод. Итак, один из резонов к сохранению брака Львова в тайне утратил свою значимость с отводом Ярцова.

Трудно заподозрить слесаря Вебера в столь основательном знании генеалогии Дьякова и Львова. Наверняка кто-то оказывал ему помощь. Но едва ли граф Брюс сохранял тогда интерес к делу. Петропавловский собор был построен уже в 1780 году, а карьера Якова Александровича продолжала стремительно развиваться. Он совмещал множество высоких должностей, в том числе был одновременно Тверским и Новгородским генерал-губернатором (чуть позже стал одновременно генерал-губернатором и в Москве, и в Петербурге), а Дьяков был для Брюса уже отработанным материалом. Впрочем, нельзя исключить, что экскурс в генеалогию был старой заготовкой, относящейся к началу процесса.

Верхний земский суд сосредоточился главным образом на двух тысячах рублей, якобы недополученных Вебером. При этом вопрос об отдаче Веберу этих денег даже не ставился за непредставлением доказательств слесарем. Внимание суда привлекло другое обстоятельство: из недоплаты двух тысяч Веберу автоматически следует переплата такой же суммы Вегнеру. Были затребованы документы из Ревизион-конторы. Оказалось, что за деньги, предназначенные в уплату работ по изготовлению громоотвода, расписался кузнец Вегнер. От Дьякова потребовали объяснений, почему он вводит суд в заблуждение, утверждая, что Вегнеру было выплачено 10 000 рублей по 1776 год, тогда как в действительности он получил 12 000 рублей. Таких же разъяснений потребовали с Баскакова. Суть их ответов сводилась к тому, что Вебер и Вегнер состояли в товариществе и один вполне мог получить деньги за другого. Баскаков добавил даже, что отслеживал всегда лишь совпадение сумм, а за что кон-

кретно производился платеж — его мало интересовало. Такие объяснения суд не удовлетворили. Суд счел установленным, что по 1776 год Вегнером получено 12 тысяч с сотнями рублей. Из дальнейших выплат действительной была признана тысяча рублей, выданная в 1779 году по расписке, которую кузнец имел неосторожность сам принести в суд. Таким образом, иск, предъявляемый к Дьякову, уменьшался до 3000 рублей. Но тем самым более правдоподобной становилась главная улика против Дьякова — злополучная записка с предложением удовольствоваться 2500 рублями.

Алексей Афанасьевич, ссылаясь на болезнь, на заседаниях суда не присутствовал. Его интересы в суде представляли бригадир Стенбок, подпоручик Иван Андреевич большой Романов, в конце процесса — сын Дьякова Петр Алексеевич.

Тем временем Николай Александрович и Мария Алексеевна Львовы продолжали тщательно скрывать тайну своего брака. Сложнее всего приходилось Марье Алексеевне, постоянно подвергавшейся давлению со стороны своих родителей, желавших предать брак огласке. Кроме того, то и дело возникали ситуации, когда могло произойти разглашение тайны. Так, например, Марья Алексеевна ходила к исповеди в церковь, ее вносили в исповедную роспись. В 1782 году, например, семья Дьяковых была на исповеди дважды: в Благовещенской, что на Васильевском острове, церкви и в Сергиевской, при Артиллерийских слободах. Оба раза в исповедные росписи Марья Алексеевна была внесена как дочь Дьякова, тогда как ее сестра Екатерина была вписана как жена бригадира Якова Стенбока⁶⁷. Еще более сложная ситуация возникла, когда подпоручик Санкт-Петербургского пятого батальона Иван Романов (по-видимому, меньшой) попросил Марью Алексеевну быть восприемницей при крещении его сына Петра 10 января 1781 года в Андреевской, что на Васильевском острове, церкви. Заметим, что Романов, ставя Львову в столь затруднительное положение, едва ли был посвящен в тайну.

Наверняка сложившаяся ситуация обсуждалась Львовыми на семейном совете. По-видимому, отказаться сочли неудобным, и в метрической книге появилась запись: «...сын Петр родился 1 января, крещен 10-го января, восприемники: Военной коллегии полковник

⁶⁷ См.: Там же, ф. 19, оп. 112, № 302, л. 845, 1156.

Егор Александрович Наумов да брегaдира Алексея Афанасьевича Дьякова дочь девица Мария»⁶⁸.

Верхний земский суд не пришел к определенному решению по поводу записки Дьякова о 2500 рублях и постановил 22 марта 1781 года привести Алексея Афанасьевича к присяге. Такой способ допускался лишь в тех случаях, когда исчерпывались все другие способы узнать истину. С одной стороны, это было уже почти оправданием Дьякова. Если бы Алексей Афанасьевич присягнул, что записка написана по партикулярному, а не по казенному делу, то главная улика в деле уничтожалась бы. Если бы в деле не возникло никаких новых обстоятельств, что вполне вероятно, то суду пришлось бы оправдать Дьякова. Соблазн согласиться с решением суда и пойти на присягу был, наверное, велик для Дьякова, уставшего от состояния неопределенности. Но такое оправдание было, так сказать, оправданием второго сорта, что-то вроде оправдания за недостатком улик («...Сия присяга презираема и осторожности достойна есть»)⁶⁹. Алексей Афанасьевич хотел для себя полного и безоговорочного оправдания: «В деле обстоятельства и без присяги ясно защищают мою невинность, почему и желаю, чтобы несправедливость кузнецова решена была по ясным в деле обстоятельствам и тем учинено мне было законное от поклевки на меня просьбы защищение. А когда я присягу учиню, тогда не по обстоятельствам и несправедливому кузнецову прошению решение последует, а по учиненной мною присяге, чего для и останусь я решенным не по обстоятельствам, в деле видимым, а по присяге, следовательно, и удовлетворения за напрасное пред престолом Вашего Императорского Величества меня оклеветание и за поношение меня в ответах и доказательствах ево разными укоризнами я получить не могу, да и велено присягать ответчику при истце, кузнец же умер»⁷⁰.

Духовная консистория 8 июня 1781 года по определению губернского правления предписала Дьякову присягать в Петропавловском соборе⁷¹. Такое решение о присяге в соборе, им построенном,

⁶⁸ Там же, ф. 19, оп. 111, № 91, л. 108. Цитируем с сохранением орфографии подлинника.

⁶⁹ Там же, ф. 757, оп. 1, № 98, л. 86.

⁷⁰ Там же, л. 11 об.

⁷¹ См.: Там же, л. 82.

Алексей Афанасьевич воспринял как издевательское. Апелляция на неправоое решение Верхнего земского суда была подана 14 июня 1781 года⁷².

Палата гражданского суда, рассмотрев апелляционную челобитную, вынесла 29 декабря 1781 года решение об учинении надлежащего рассмотрения без привода ответчика к присяге⁷³.

Верхний земский суд вынес 4 апреля 1782 года решение⁷⁴, которое было объявлено сторонам 14 апреля. Согласно этому решению, за Дьяковым признавался долг в размере 3000 рублей. За приписку к исковой сумме 3000 рублей на кузнеца налагался штраф 900 рублей. Таким образом, наследникам Вегнера полагалось получить только 2100 рублей. 20 апреля бригадир Стенбок, действовавший по доверенности Дьякова, объявил, что решением суда не доволен и что Дьяков будет подавать апелляцию. Опекуны Козлов и Вебер расписались 22 апреля в том, что решением суда довольны⁷⁵.

Челобитную Алексей Афанасьевич подал 6 мая 1782 года⁷⁶, а 13 мая последовал высочайший указ, который предписывал рассматривать апелляцию палате гражданского суда⁷⁷. Гражданская палата каких-либо новых обстоятельств в деле не усмотрела, за исключением того, что представители кузнеца, высказав удовлетворение решением суда, тем самым признали незаконность изначального требования 6000 рублей. Это обстоятельство было признано серьезным аргументом в пользу Дьякова.

8 декабря 1782 года палата, «входя в подробности сего дела и имея довольное рассуждение, приказала определение Верхнего земского суда отставить»⁷⁸. Обоснование такого решения было дано в пространном определении, из которого приведем следующий фрагмент:

«4. Кузнец, в поданном Ея Императорскому Величеству прошении написал, что Дьяков его в шести тысячах рублей расписаться

⁷² См.: Там же, л. 7–12.

⁷³ См.: Там же, л. 128–129.

⁷⁴ См.: Там же, л. 86 об. – 99.

⁷⁵ См.: Там же, л. 99.

⁷⁶ См.: Там же, л. 99 об. – 119 об., 140–162.

⁷⁷ См.: Там же, л. 165.

⁷⁸ Там же, л. 166.

принудил, в ответе ж своим сказал, что он расписался в чаянии получения денег по обнадеживанию Дьякова, из чего следует, что он сам себе противоречит.

5. Оба сии противоречия не утвердил он никакими законными доказательствами, ибо если бы Дьяков его расписаться принудил, то не преминул бы он, Вегнер, о том где надлежит немелленно заявить; ежели он расписался по обнадеживанию, то имел к Дьякову безсумнительную доверенность, а, утвердя ее законным порядком, то есть распискою в шпуровой книге, не видно, чтоб опровергал оную какими законными доказательствами»⁷⁹.

В приложении 2 к нашей статье приведен текст из архива Державина, в котором Гавриил Романович изложил свое мнение по делу Дьякова. В описании архива документ назван «писанным рукой Державина черновым оригиналом мнения по этому делу Дьякова с Вегнером»⁸⁰. Текст написан на обычной бумаге, где отчетливо видны следы ее складывания вчетверо. На обороте последнего листа документа — надпись: «Милостивому государю моему Гавриле Романовичу Державину» — и фрагмент сургучной печати. Сравнение приведенного фрагмента определения суда с пунктами 1 и 2 мнения Державина приводят к удивительному результату: тексты совпадают с точностью до самых минимальных редакторских правок. Из дальнейшего сравнения текстов усматриваем, что пункт 6 определения совпадает с пунктом 3 мнения, пункты 7–10 определения — с пунктами 6–9 мнения.

Каким же образом текст мнения Державина попал в решение палаты гражданского суда? Ответ на этот вопрос дает анализ состава участников разбора, подписавших решение: председатель палаты действительный статский советник Василий Филиппович Мягков (1717–1784)⁸¹, советники Осип Петрович Козодавлев и Александр Николаевич Пузыревский, ассессоры Василий Дмитриевич Львов⁸² и Иван Варфоломеевич Чоглоков. Нетрудно догадаться, что исполь-

⁷⁹ Там же, л. 167 об.

⁸⁰ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. С. 24.

⁸¹ См.: [Сантов В. И.]. Петербургский некрополь. Т. 3. СПб., 1912. С. 196.

⁸² В. Д. Львов, по-видимому, был однофамильцем Николая Александровича.

зовал державинский текст О. П. Козодавлев (1754–1819). Осип Петрович был давним знакомцем Державина, именно в его доме Гавриил Романович познакомился со своей будущей женой — Екатериной Яковлевной Бастидон. С 1777 года Козодавлев служил экзекутором в Сенате, а в 1780 году был назначен советником Петербургской Гражданской палаты⁸³. Будучи в составе суда, Осип Петрович, вероятно, оказал существенное влияние на ход слушаний, а при подготовке определения воспользовался текстом, который ему передал Державин. По милованию надобности он отправил текст Гавриилу Романовичу обратно, скорее всего, с нарочным.

Решение суда состоялось 8 декабря 1782 года, но о том, что оно будет в пользу Дьякова, было известно заметно раньше, что следует из письма

И. И. Хемницера Н. А. Львову из Смирны от 20 ноября 1782 года: «Дело Алексея Афанасьевича, каково ни есть, да хорошо, что конец ему»⁸⁴. Положительный исход разбора апелляции незамедлительно повлиял и на выплату жалованья Дьякову, о чем узнаем также из письма Хемницера, от 18 декабря 1782 года: «Выдача полного жалованья Алексею Афанасьевичу, ты можешь представить, что непосредственно меня порадовала»⁸⁵.

22 декабря 1782 года определение суда «при открытых дверях читал и оным решением доволен и копию с оного получил, подписался по доверенности отца моего статского советника Алексея Афанасьевича Дьякова сын его лейб-гвардии прапорщик Петр Дьяков». Дело можно было бы считать закрытым, если бы не следующее обстоятельство: «1782 г. декабря 28 дня умершего кузнешного дела мастера Крестьяна Вегнера опекуны: сын родной ево кузнешной подмастерье Иван Вегнер, Санкт-Петербургский купец Тимофей Козлов и вместо опекунии — жены оного Вегнера вдовы Анны Вегнеровой попечитель ее слесарный мастер Степан Вебер объявили, что вышеписанным определением недовольны и будут просить по

⁸³ См.: Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи 1802–1917. СПб., 2001. С. 300.

⁸⁴ Соч. и письма Хемницера по подлинным его рукописям с биогр. ст. и примеч. Я. Грота. СПб., 1873. С. 87.

⁸⁵ Там же. С. 70.

апелляции в Правительствующем сенате и поистине думают, что они правое дело имеют, в чем вместо присяги и расписываются».

На апелляцию представителям кузнеца был дан год. Николай Александрович и Марья Алексеевна решили подождать с обнародованием женитьбы до полного окончания дела. Такая осторожность представляется, возможно, чрезмерной. Однако Львовы, в отличие от нас, не знали, каким будет окончательный исход. К тому же нельзя исключить и того, что Львов все же имел запрещение жениться от начальства. В этом случае у него не было формального повода поднимать вопрос снова, поскольку дело не было завершено.

Трудно было предположить, что представители кузнеца, имея год на подачу апелляции, будут делать это в последние дни. Однако Львовы, по-видимому, откладывали объявление о женитьбе до последнего дня апелляционного срока. Графу Воронцову тайна была раскрыта приблизительно на месяц раньше по вполне понятной причине. Львов предполагал, что Александр Романович может всерьез обидеться на то, что такой важный факт скрывался от него в течение трех лет. Николай Александрович не мог допустить, чтобы Воронцов узнал об этом от третьего лица. Поэтому он открыл Александру Романовичу (вероятно, не только ему) тайну чуть раньше, чем она стала всеобщим достоянием.

Апелляционный срок истек в декабре 1783 года. По-видимому, в январе 1784 года М.А. Львова впервые подписала в письме своей настоящей фамилией, что следует из ответного письма И. И. Хемницера из Смирны от 29/18 февраля 1784 года: «Вам, милостивая государыня Марья Алексеевна, *уже без страха* ЛЬВОВА, скажу, что я вашим письмом теперешним, где вы уже без страха подписались Львовой, как быть как водится доволен был»⁸⁶.

16 июля 1784 года последовал «Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Правительствующего сената Санкт-Петербургской палате гражданского суда»: «В прошлом 1783 году генваря 20-го числа внесено из оной палаты решенное в 1782 году декабря 8-го дня дело по подписанной там апелляции от определенных от здешнего городского сиротского суда к имению

⁸⁶ Соч. и письма Хемницера по подлинным его рукописям с биогр. ст. и примеч. Я. Грота. С. 92 (так в источнике!).

кузнечного мастера Христиана Вегнера опекунов <...>, по которому от них, опекунов, в положенный именным <1>762-го года июля 30 дня указом в годовой срок апелляционной челобитной не подано, и оное хранится запечатанное; по указу Ея Императорского Величества Правительствующий сенат ПРИКАЗАЛИ: показанное дело за неподачею в годовой срок от апелляторов апелляционной челобитной по силе упомянутого <...> указа отослать Санкт-Петербургской губернии в гражданскую палату к надлежащему исполнению при указе, который при сем и послан июля 16 дня 1784 года»⁸⁷.

Итак, Алексей Афанасьевич Дьяков после более чем трехлетних тяжелых испытаний одержал нелегкую победу с помощью родных, своих друзей и друзей родственников. Однако эта победа была не из разряда тех, которыми принято гордиться. О победах такого рода, по понятным причинам, не принято распространяться. Это обстоятельство, очевидно, и было причиной возникновения легенды о женитьбе Львова, имевшей, как мы теперь ясно видим, очень мало общего с действительностью.

Автор настоящей статьи далек от мысли, что в результате его работы легенда о тайном браке Львова полностью выйдет из употребления. Напротив, есть даже уверенность в том, что предание будет продолжать жить в отрыве от реального героя и на радость читателей. Но все же хочется задать вопрос: а так ли уж привлекателен герой легенды, боявшийся родителей своей жены настолько, что не открывался им из-за этого нелепого страха несколько лет, создавая серьезные проблемы себе и своей жене, в сравнении с реальным героем, подчинившем свою жизнь в то время «резонам»?

⁸⁷ ЦГИА СПб, ф. 757, оп. 1, № 98, л. 171.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1*

Об установке курантов на колокольню Петропавловского собора
Л. 1.

В канцелярию строения Ея Императорского Величества домов
и садов. От находящегося при строении Петропавловской колоколь-
ни полковника Дьякова.

Доношение,
что во время строения оной колокольни
и прочия ее части и принадлежности
заблаговременно к соединению заготавливались

А большая важность состоит в том, дабы находящиеся в Пет-
ропавловской крепости выписанные из Голландии для той коло-
кольни колокольные часы и куранты исправлены, а по совершению
колокольни и навешены были. А по осмотру моему принадлежащее
для оных все механическое и колес, и прочих частей собрание тре-
буют от ржавчины довольно вычищения, так же, как мне кажется,
великого исправления. И если к приведению в настоящее действие
и порядок тех часов в ведении помянутой канцелярии такого масте-
ра нет, то сыскан мною по объявлению его к тому способный воль-
ный часовой мастер Иоганн Ердман Ридигер, который в прошлом
1764 году в ноябре месяце для исправления тех колокольных часов
канцелярии себя представлял.

Того ради канцелярии строения Ея Императорского Величе-
ства домов и садов покорно представляю: не повелено ль будет по-
мянутому мастеру Ридигеру в оной канцелярии явиться?

Полковник Алексей Дьяков.
Июля 15-го дня 1768 года.

* ЦГИА СПб., ф. 757, оп. 1, № 98. Поскольку воспроизводимые ниже до-
кументы даются в извлечениях, соответствующие листы дела указаны непос-
редственно перед приводимым текстом. Цитируем с сохранением орфографии
подлинников.

Л. 2.

...1764 го да 24 сентября часовой мастер Орткрас исправленные им в Голландии часы в Санкт-Петербург привез и здесь устанавливать их начал. Не окончив тех часов, в мае сего года умре.

Л. 38.

В контору строения Ея Императорского Величества домов и садов.

От находящегося при строении Петропавловской колокольни полковника Дьякова.

Доношение

Ея Императорское Величество соизволила высочайше указать строящуюся Петропавловскую колокольню и шпиц с постановлением на оную курантных часов во окончание привести без продолжения времени, которое высочайшее повеление мне объявил его сиятельство г. генерал-прокурор и кавалер князь Александр Алексеевич Вяземский. И во исполнение того о исправлении одного шпица старание прилагается неусыпное, а куранты, с часами сделанные, от бывшей канцелярии от строений в Голландии явившимися по публикам у меня вольными из здешней фабрики часовыми мастерами в крепости осматриваны, которые по осмотру их объявили, что те часы по причине в них механических правил упущения и многих недостатков (которые они во многих пунктах подробно описали, а особливо тот, что те часы чрез всякие 12 часов заводить должно) требуют великого поправления и немалой перемены, и за исправление и приведение тех курантов в такой порядок, что бы они в полном совершенстве верный ход и курантную игру имели, те мастера к заplate полагают немалую сумму денег, в сообщенной же ко мне из той бывшей канцелярии от строений в прошлом 768 году при указе подрядившегося в Голландии часового мастера Баренц Орт Краса с контракта копия явствует: поставить ему оные часы с курантами совсем исправные и знающими часовыми мастерами их осмотреть и опробовать, а чрез сколько времени они по завождению ход свой иметь могли, того в оном контракте не изъяснено.

Того ради реченной конторе строения Ея Императорского Величества домов и садов представляя, прошу: в непродолжительном

времени дать мне знать, о завождении тех часов со оным мастером Орт Красом договор или повеление было ль? И в какую пренорму оное ему делать определено? Так же и по привозе им сюда оные часы с курантами осматриваны ль? И какими именно мастерами, и был ли при том часовой мастер Лероу, и в которых годах те осмотры происходили, и сколько раз осматриваны, и пробованы ль, и какие в них неисправности по их осмотру тогда оказывались именно, и для чего оные поныне без исправления оставлены?

Полковник Алексей Дьяков.

Марта 1 дня 1772 года.

По справке оказалось, что поржавели часы при доставке на корабле.

3 сентября 1863 года Орт Крас объявил, что часы исправны. 25 ноября велено было осмотреть часы мастерам Ферстеру и Миллеру.

После смерти Орт Краса эти мастера осматривали часы. Друнк Миллер нашел часы совсем не в таком состоянии, как они в контракте обещаны, причиною же той большой и непоправляемой ошибки есть чертеж оной, который совсем неисправен. По оному внутренняя работа курантов сделана весьма велика <...>.

Л. 64.

В канцелярию строения Ея Императорского Величества домов и садов.

От полковника Дьякова.

Репорт

Прошедшего 1772 года октября 8 дня Ея Императорского Величества указом из оной конторы ко мне предписано привезенным де из Голландии часам, состоящим в Петропавловской крепости в башне (в рассуждении, что строение Петропавловской колокольни производится под смотрением моим, которых и с постановлением тех курантных часов по высочайшему Ея Императорского Величества указу повелено во окончание привести мне без продолжения времени), надлежит быть в моем же ведомстве того для истребо-

вано, чтоб я определил те часы с принадлежностями из ведомства оной конторы принять в свое смотрение и кому принять определяю в ту контору репортом, а как по представлению моему ж по внесению Ея Императорскому Величеству от правительствующего сената докладу о починке и о приведении объявленных часов и курантов в совершенство Санкт-Петербургской часовой фабрики часовым мастером Сандо Ибазисельи высочайшая конфирмация последовала, вследствие чего и было б от вышепереченной конторы строения Ея Величества домов и садов определить те часы куранты по надлежащей описи отдать для исправления их оным часовым мастерам и мне б о том дать знать, о чем и тем мастерам от меня ордером предложено.

Полковник Алексей Дьяков.
Мая 27 дня 1773 года.

Л. 67.

...указ Ея Императорского Величества от 4 июня об отдаче часов с курантами для исправления и приведения их в совершенство от капитана князя Мещерского мною получен того же числа.

Полковник Дьяков.

Л. 74.

Из конторы строения Ея Императорского Величества домов и садов к строению Петропавловской колокольни благоволено было просить прописать, как ныне Петропавловской шниц во окончание приходит и курантные колокола на оном повешены и играющие теми колоколами разных арий происходит, но понеже при игании на тех колоколах мастером Ридигером слухом вычувствовано, что некоторые колокола, особливо малые, голосами своими против других разнствуют, да и голоса их несветлы и нечисты, и в рассуждении, что те курантные часы выписаны были от бывшей канцелярии строения домов и садов и что б познать, было ли в тех колоколах, как оныя из заморья привезены, от мастеров в голосах их и впрочем какое свидетельство, также и то знать потребно, для игаия во всякое время курантов и для содержания в верности, в порядке и в исправности часовой машины, в верном хождении часов и прочего, за какую го-

довую цену такой часовой мастер со обучением учеников, и сколько их было числом, определен был.

Алексей Дьяков февраля 23 дня 1776 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2**

Мнение Г. Р. Державина по делу А. А. Дьякова с кузнецом Вегнером

Рассмотрев дело господина Дьякова с кузнецом Вегнером, нахожу в нем следующие обстоятельства.

1-е. Кузнец в поданном Ея Императорскому Величеству прошении написал, что Дьяков его в 6000 рублей расписываться принудил, в ответе же своем сказал, что он расписался в чаянии получения денег по обнадеживанию Дьякова, из чего следует, что он сам себе противоречит.

2-е. Оба сии противоречия не утвердил он никакими законными доказательствами, ибо ежели Дьяков его расписываться принудил, то не видно, что он сделал о том кому явку. Ежели он расписался по обнадеживанию, то имел к Дьякову безсумнительную доверенность, а, утвердя ее законным порядком, то есть распиской в шнуровой книге, не видно, чтобы он опровергал оную какими законными доказательствами.

3. Кузнец сказал, что когда расписывался, то в то время запрещена уже была Дьякову выдача денег и по приказу графа Брюса деньги уже были не у него, Дьякова, но у казначея Баскакова, следовательно, ежели в ведомстве Дьякова денег не было, то какое обнадеживанис за вероятное в получении денег кузнец иметь мог?

4. Кузнец показывает, что когда он расписался в книге, то Хвостова и никого не видел, расписок на 6000 рублей Дьяков ему не отдавал, и он их не брал, но против же того Хвостов говорит, что при нем Кузнец расписывался в 6000 рублей и с ним разговаривал и

* РНБ, ф. 247, т. 17, л. 36-42. Печатается с сохранением орфографии подлинника.

расписки свои он, кузнец, от Дьякова взял и прежде того те расписки Хвостов видел.

5. Из сего противоречия, потому что кузнец на Хвостова общей ссылки не делал, хотя и не можно было достоверно выяснить, в самом ли деле были расписки и отдавал <ли> их Дьяков кузнецу, но, как сам кузнец после предоставил расписку, писанную в 1779 году в апреле месяце, в 1000 рублей, которою и уличен, что та расписка была из числа тех, по коим ему 6000 рублей выдано было и вместо коих он расписался при Хвостове в книге, то по сему обстоятельству свидетельство Хвостова и можно уже приписать за самое вероятное, ибо оно по реченной расписке подкрепляется, так сказать, собственным признанием кузнечовым. Утвердя же таким образом бесспорное бытие одной расписки и имея на стороне Дьякова свидетеля, не должно ль заключить, что и прочие расписки были, что кузнец их взял от Дьякова и расписался вместо их в книге, тем более что и Баскаков понес их с шнуровою книгою к кузнецу на дом и, встретившись с ним на мосту, возвратился в дом Дьякова, хотя и не говорит, на сколько тех расписок было и за них ли расписался кузнец в книге, но, тем не менее, что он их видел и читал руку кузнечову, доказывает бытие оных, а как после в шнуровой книге значилась расписка кузнечова, то и ощутительно, что кузнец по получении оных расписался в той самой сумме, на сколько их было.

6. Кузнец говорит, что означенную в вышепереченной расписке тысячу рублей получил он в 1779 году в число прежних 10 000 рублей, но по делу видно, что в 10 000 рублях кузнец в разные годы по 1777 год в шнуровой книге расписался и те книги находились уже в ревизион-коллегии. Следовательно, взятые им в 1779 году 1000 рублей не могут уже быть в числе прежде взятых им 10 000 рублей, ибо нет правдоподобия, чтоб, в одной сумме расписавшись в книге, давать после еще на новую и расписку.

7. У Дьякова и кузнечова общая ссылка на Баскакова в том, что когда Баскаков подал графу Брюсу репорт, сколько получено кузнечом денег, то Баскаков показал, что кузнецу не 10 000, но 16 000 рублей выдано, следовательно, сим и доказательно, что кузнец 6000 рублей получил и просит о другой такой же сумме покленно.

8. Что Баскаков в другом месте говорит, что им в число тех 6000 рублей кузнецу ничего выдаваемо не было, то хотя против прежнего

своего показания и разноречится, а потому в обоих не заслуживает вероятия⁸⁸. Ежели принять в свидетельство его показания, то надлежит принять первое, поелику оно до открытия еще тяжёбного дела, склоняющего его на ту или другую сторону, изъяснено было им в репорте главнокомандующему, требующему истинного донесения, ибо за ложный репорт законами предписана смерть.

9. Кузнец представил от Дьякова записку, писанную без года, месяца и числа, о которой утверждает, что будто Дьяков прислал оную к нему с таким предложением, дабы он взял вместо 6000 рублей показанные в той записке 2500 рублей, но Дьяков пишет, что та записка давнишняя и к сему делу не принадлежащая, а писана к нему, кузнецу, по имевшимся у него партикулярным его работам, в которых и счет представил. А как кузнец сказал, что партикулярные работы от Дьякова имел и деньги за них сполна получил, следовательно, ежели Дьяков точно не доказал, что та расписка писана была подлинно по партикулярным работам, то не можно же принять за истину и показания кузнецовы, что она относилась к какому-либо казенному делу, ибо в ней ни того, ни другого не изображено, а видно только единственно предложение Дьякова, чтобы кузнец не вместо 6000 рублей, но просто доволен был 2500 рублей и взял бы с него в том вексель. А при том, как в ней не назначено и время, чем бы хоть вероподобно можно было согласиться с прочими обстоятельствами сего дела или с показанием кузнецовым, то и принять ее к судному сему разбору нимало не следует.

10. Сообразя все сии вышеписанные мне дела сего обстоятельства и не изъяснив никакие из них подробно, предложу и по одному только по тому вопрос: кузнец, расписавшись в шнуровой книге в получении 6000 рублей, но действительно их не получа, имел ли право объявить о том в каком-нибудь судебном месте и просить о взыскании их с Дьякова? Ежели он таковое право имел, то учинил ли он где-нибудь об оном объявление и просьбу и не пропустил ли назначенного законами к тому срока? Законами же положено, и буде и то с принуждением, и против своей воли учинить какую кабалу, то объявить о том окольным людям, и в приказах судьям, и воеводам вскоре, дни в три или в четыре, и больше в неделю, и прочес. Кузнец же, как из всего дела весьма ясно видно, не только

⁸⁸ Так в рукописи.

тогда, как он в книге расписывался, не объявил о неполучении денег кому, но и после молчал, не просил о том ни в каком судебном месте, но, спустя уже долгое время после назначенного законами срока, дерзнул утруждать Ея Императорское Величество письмом своим, донося, что он, не получив тех 6000 рублей, в книге расписывался с принуждением, но, как принуждение нигде не заявил, то без всякого сомнения или какого-либо другого постороннего доказательства, то есть неясных партикулярных расписок, неосновательных и противоречащих самим себе свидетелей, по вышеписанному единственно закону сия кабала, то есть расписка в шнуровой книге, в получении написанных в ней денег действительно справедлива и никакому отрицанию неподвержена, а потому в сходствие сего закона ответчик статский советник Дьяков в сем деле совершенно прав, а кузнец без оправдания виноват.

11. Что ж принадлежит до Верхнего земского суда, то по изобретенным им в решении сего дела трудностям, отступя от вышеизображенного ясного закона, сколько ни уважил он показания кузнецовы и ни приводил в сумнение оправдания Дьякова, так что сперва отдал он сие дело на присягу, потом же, по обращению к нему одного, взявшись за разбор расписок и расчет по оным, которого никаким образом без чистосердечного признания истца и ответчика по запутанности между ними дел их вывести нельзя, должен был, наконец, при всем том заключить, что кузнец к иску своему 3000 рублей прибавил, а потому и кажется вероятным, что он не вошел в подлинное существо сего дела, ибо, не подведя первое свое решение под настоящий закон, одними догадками мог и в другой раз решить его несправедливо.

12. Как же и опекуны наследников кузнецовых остались довольны тем решением Верхнего земского суда, то есть согласились на определение с него получить, с Дьякова, половинный иск, о котором дело производилось, то и доказали они сим чрез сие ложное кузнецово трех тысяч требование, а тем самым оказали более уважения к оправдыванию Дьякова и к вероятию тому, что ежели кузнец в просьбе своей к самому высочайшему лицу Ея Императорского Величества дерзнул предстать с показанием поклепного иска, то какой клеветы и неправды не был он в состоянии вымыслить к незаконному доказательству, в пользу его по сему делу служащему?

13. А потому я кратко разбор сего дела заключу таковым мнением: когда какое действие ясно подходит под какой закон, то нет нужды изыскивать других средств и обстоятельств, которые бы подводили его под смысл другого закона. Ежели кузнец под принуждением или по обнадеживанию расписался в книге, но не заявил того и не принес жалобы где должно в срок, то выше изображенный закон довольно ясен, чтоб обвинить его. Прочие же обстоятельства все сомнительны, да ежели бы некоторые из них и подавали вероятие, что Дьяков кузнецу подлинно не отдал денег, то за расписанием в шнуровой книге и за пропущением узаконенного срока все они весьма слабы. Принять же их в уважение — не что иное, как дать повод ябедникам, которые, расписавшись в книгах или дав на себя какое-либо законное обязательство, могли бы и по прошествии положенного срока вчинять просьбы и опровергать сии условия, утвержденные силой закона.

13 <14>. Впрочем, не можно умолчать того, что в деле сем явно видно упущение Дьяковым в должности его законного порядка, то есть выдачи под расписки наперед денег, долгое время не записывая оных в шнуровые книги, посылка книг для расписки на дом к кузнецу и прочие законом непозволительные поступки. Также и кузнец Вегнер дерзает, не прося нигде в иных местах о своем иске, осмелиться в противность узаконению утверждать прямо Ея Императорское Величество, а при том, как и Верхний земский суд признал, с показанием еще и поклепного иска. Но как сии их истца и ответчика преступления по существу своему суть уголовные, то гражданская палата и войти в разбирательство не имеет долгу.

Л. А. Федоровская

МУЗЫКА И МУЗЫКАНТЫ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Н. А. ЛЬВОВА

СТАТЬЯ 3*

Вопрос о степени участия Н. А. Львова в появлении «Собрания народных русских песен» до настоящего времени окончательно не разрешен. Принадлежность Львову «Предисловия» к этому сборнику не оспаривается. Что же касается собирания и издания песен, то тут мнения и сведения расходятся. По этому «делу» известны три свидетельства современников — Г. Р. Державина, Ф. П. Львова и митрополита Евгения (Болховитинова).

Державин в трактате «Рассуждение о лирической поэзии, или Об оде» («О песне») называет Н. А. Львова издателем и собирателем сборника: «О характере, мелодии и сходстве их («русских старинных песен». — Л. Ф.) с древними греческими видно в Предисловии покойного тайного советника и кавалера Львова, при книге, изданной им в 1790 году, о народном русском пении, где всякого содержания песни, собранные старанием его, положены на ноты придворным капельмейстером Прачем»¹.

Федор Петрович Львов, двоюродный брат архитектора, возглавлявший Придворный хор с 1826 года, в брошюре «О пении в

* Статьи 1 и 2 были напечатаны ранее; см.: Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. тр. Вып. 2. СПб., 2005. С. 104–118; [Вып. 3]. СПб., 2007. С. 117–134.

¹ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 7. СПб., 1872. С. 605.

России» (1834) называет Николая Александровича автором «Предисловия» и собирателем песен: «В 1790 году член нашей Академии художеств, покойный тайный советник Николай Александрович Львов при помощи охотников и родственников, в его доме беспрестанно певших, в числе которых имел честь быть и я, сделал новое собрание песен, которые с наших голосов положил на ноты г. Прача; Предисловие при сем написано было г. Львовым»².

Но Н. А. Львов в «Предисловии» к сборнику (1790) пишет о «неписанных, на нескольких тысячах верстах рассыпанных песнях» и о «часто фальшивом пении неискусных певцов», что противоречит воспоминаниям Федора Петровича.

Гораздо достовернее свидетельство митрополита Евгения (Болховитинова), который называет Н. А. Львова автором «Предисловия», а И. Прача — издателем сборника. Ученый монах высоко оценил «Предисловие» Н. А. Львова. В ответах на вопросы «гейдельбергского профессора г-на Тибо» о русской церковной и народной музыке Болховитинов пишет: «О народной музыке нашей не считаю я нужным сообщить Вам свои замечания, потому что покойный Н. А. Львов написал о ней прекрасный трактат, помещенный в Предисловии к Собранию русских народных песен с их голосами, изданному г. Прачем в С.-Петербурге в 1790 и 1806 годах»³.

Известный советский исследователь Ю. В. Келдыш назвал Н. А. Львова «инициатором издания и, вероятно, составителем сборника»⁴, полагая, что основной корпус песен был заимствован из сборника В. Трутовского и частично сообщен композитором Е. И. Фоминым, а также дополнен из других источников.

² [Львов Ф. П.]. О пении в России. СПб.: Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1834. С. 45.

³ Отечественные записки. 1821. № 19. Ч. VIII. Ноябрь. С. 145–146. Болховитинов ошибочно считал «Предупреждение» в издании 1806 года повторением «Предисловия» Н. А. Львова.

⁴ Келдыш Ю. Опера «Ямщики на подставе» и ее авторы // Фомина Е. И. «Ямщики на подставе»: Опера. Партитура / Публ. и переложение для фортепиано И. М. Ветлицыной; Исследования Ю. В. Келдыша и И. М. Ветлицыной. М., 1977. С. 194. (Памятники русского музыкального искусства. Вып. 6). См. также: Лапин В. А. Рукописная версия «Собрания Львова — Прача» (Еще раз к истории легендарного сборника) // Из фондов Кабинета рукописей РИИИ. Вып. 2. СПб., 2003. С. 32–52.

Когда в 1819–1820 годах при возобновлении интереса к народным песням (статьи Н. А. Цергелева) встал вопрос об их публикации, обратились к опыту старого издания. Сохранился текст расписки Н. М. Карамзина, данной А. Н. Оленину в получении им нужной книги: «1820 года декабря 29 я, нижеподписавшийся, взял от его превосходительства господина директора Императорской публичной библиотеки А. Н. Оленина книгу “О русском народном пении”, без заглавного листа, известную под названием “Песенник Прача”, с тем чтобы при первом востребовании возвратить оную в целости. Н. Карамзин»⁵.

Но какова же роль Н. А. Львова в организации сборника, если песни «переводил на ноты» и издавал Прач? Специального музыкального образования, которое бы позволяло записывать песни с голоса по камертону, Н. А. Львов не имел, однако хорошо понимал трудности предпринятой Прачем работы и высоко оценил ее в «Предисловии». «Сколь трудно было собрать голоса народных неписанных, на нескольких тысячах верстах разсыпанных песен и положить оныя на ноту часто с фальшивого пения неискusstvenных певцов, всякой представить может, — писал Н. А. Львов, завершая «Предисловие» к сборнику Прача, — но трудность еще не меньшая предстояла в том, чтобы, не повредя народной мелодии, сопроводить оную правильным басом, который бы и сам был в характере народном. Сие, однако, с возможным рачением исполнено, и бас положен почти везде так; а инде весьма близко, как при исправном хоре, в народных песнях поют оный. Сохранив таким образом все свойство народного российского пения, собрание сие имеет все достоинства подлинника: простота и целость оного ни украшением музыкальным, ни поправками иногда странной Мелодии нигде не нарушены»⁶.

Надо полагать, именно с этой задачей — записью «на нескольких тысячах верстах разсыпанных песен» — связаны увольнение от службы и отъезд Прача из С.-Петербурга. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» № 34 от 26 апреля 1790 года в разделе «Отъез-

⁵ Цитирую «по памяти, по записям» (А. В. Бахрах).

⁶ Собрание народных русских песен с их голосами: На музыку положил И. Прач / Под ред. и с вступит. ст. В. М. Беляева. М., 1955. С. 51, 53; 42–43 (обл.: [Львов – Прач]).

жающие» значится: «И. Прачъ, учитель музыки благородных девиц, со слугою Спиридоном, жительство имеет по Фонтанке, в доме Его Превосходительства П. Ал. Соймонова». В документах отмечено увольнение Прача сроком на год (1790–1791) от должности учителя музыки в Институте благородных девиц (Смольный), где он служил дважды: с 1780 по 1790 годы и с 1791 по 1795-й⁷.

Путаницу в вопрос о принадлежности сборника внесли воспоминания Ф. П. Львова: говоря о событиях 45-летней давности, Федор Петрович авторитетно заявил, что «Львов <...> сделал новое собрание песен, которое с наших голосов положил на ноты г. Прач»⁸. Что означает фраза «Новое собрание песен»? Может быть, речь идет о другом сборнике народных песен, наподобие «Нового российского песенника» (1792) Тимофея Полежаева или «Печальному утеха, или Новый русский песенник», неизвестного автора?

Полиграфическое описание сохранившихся в Российской государственной библиотеке трех экземпляров сборника выявляет следующие особенности. В 1790 году сборник был опубликован с полным названием: «Собрание Народных Русских песен с их голосами. На музыку положил Иван Прач. Часть 1-я. Печатано в Типографии Горного училища. 1790». Гравированный титульный лист гравирован; встречается в трех вариантах. Первый вариант приведен выше. Второй — без подзаголовка «На музыку положил Иван Прач. Часть 1-я». Третий — с подзаголовком, но без указания «Часть 1-я»⁹. «Предисловие» отмечено в варианте с полным титулом.

В 1806 году (после смерти Н. А. Львова) Прач переиздал сборник под измененным заглавием: «Собрание Русских народных песен с голосами, положенных на музыку Иваном Прачем, вновь изданное с прибавлением к оным второй части». Экземпляр Российской национальной библиотеки открывается подношением: «Его императорскому Величеству Всемилоштивейшему Государю императору Александру Павловичу, самодержцу всероссийскому, с глубочайшим благоговением подносит верноподданный Иван Прач».

⁷ См.: Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц: Ист. очерк. 1764–1914. Т. III. Пг., 1915. С. 439.

⁸ [Львов Ф. П.]. О пении в России. С. 45.

⁹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800: В 5 т. М., 1964. Т. 2. С. 1861 (№ 3832).

Подноситель своего сочинения, как правило, получал от царственной особы значительную сумму или равнозначный по стоимости подарок. В связи с этим существовала практика апробаций представляемых к подношению и к посвящению произведений. Музыкальные сочинения оценивал глава Придворного хора Д. С. Бортнянский. Так, например, Бортнянский на запрос Г. И. Вилламова, секретаря императрицы Марии Федоровны, «по случаю присланного <...> государыне <...> прошения, позволить посвятить имени Ея в честь издаваемую на французском и русском языке книгу под заглавием «Легчайшие музыкальные правила» сочинения покойного капельмейстера Мартына (Мартин-и-Солера. — Л. Ф.)» отвечал: «Получа от издателя один экземпляр, просмотрел оный, нашел его приличным для употребления начального учения»¹⁰.

Подношение, напечатанное в «Части 1-й» сборника, означало, что Прач получил разрешение на посвящение своего сочинения особе Государя.

Авторское право Прача на сборник подтверждает также его Прощение (1811) в Типографию Академии наук, «чтобы Типография своим копитом и на своей хорошей бумаге отпечатала для него 600 экземпляров текстов и 900 экземпляров музыки. За сие г. профессор Прач предоставляет Типографии: 1-е) навсегда 157 медных досок, на кото рых гравирована музыка; 2-е) предоставляет также и право Авторское, которым может пользоваться навсегда, отпечатывая музыку, и продавать в свою пользу»¹¹.

«Предисловие» Н. А. Львова — серьезная научная статья, что совсем не требовалось при сборнике песен для домашнего музицирования. Очень вероятно, что на это исследование Н. А. Львова подвигнул А. И. Мусин-Пушкин¹², назначенный в 1790 году директором

¹⁰ РГИА, ф. 759 (Канцелярия двора вдовствующей императрицы Марии Федоровны), оп. 1, № 271, л. 2 об. (запись от 11 августа 1806 года).

¹¹ Цит. по: Финдейзен Ник. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. Т. 2. Вып. VI. М., 1929. С. 331. Существует другая точка зрения на авторство сборника (в пользу Н. А. Львова); см.: Лебедева О. Русская народная песня в XVIII веке и главный фольклористический труд Н. А. Львова // Гений вкуса. Вып. 4. Тверь, 2005. С. 201–210.

¹² См.: Лоранский А. Исторический очерк Горного института. СПб., 1873. С. 22–25.

Типографии Горного училища (где печатался песенный сборник), весьма просвещенный человек, археограф, коллекционер, владелец рукописи «Слова о полку Игореве», подготавливаемой к печати.

Н. А. Львов в эти годы был увлечен историческими темами. Он обнаружил и опубликовал пятитомный «Летописец Руской от пришествия Рурика до царя Иоанна Васильевича» (СПб., 1792), который имелся в библиотеке А. С. Пушкина. Поэт использовал его как документальный источник при работе над трагедией «Борис Годунов», о чем свидетельствуют три закладки, сделанные им в первом томе.

Переложенная Н. А. Львовым на русский язык «образом древнего стихотворения» «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго, из древней Исландской летописи Книтлинга г. Маллетом выписанная и в Датской истории помещенная» (1793), была знакома К. Н. Батюшкову и Пушкину, что подтверждают поэтические реминисценции в их сочинениях. Нам представляется, что фабулой, а также песенной структурой с припевом львовской «Песни Гаральда Храброго» Пушкин воспользовался для баллады Финна в поэме «Руслан и Людмила» (1817–1820).

Работа над «народной оперой» и над сборником народных песен сыграла важную роль в формировании нового поэтического стиля Н. А. Львова, который можно с полным правом назвать песенным. Преимущественно это свойство проявилось в его, как он называл, «поэмках» — «Русский 1791 год» и «Добрыня». В сочинениях этих лет преобладают былинные мотивы, действуют — соответственно — былинные герои: «русский дух», «затейные старики», «русская Зима». Им соответствуют и статьи речей, описание народной обрядности и особенностей упоминаемого старинного пения, в котором поэт оказался весьма сведущ. «Люди грамотны, люди умны! -- обращается поэт к современникам, взывая услышать звуки старых богатырских времен. — Я пою вам ведь песню старую / И пою на строй тех времен простых <...>» («Добрыня»)¹³.

¹³ Львов Н. А. Избр. соч. / Предисл. Д. С. Лихачева; Вступ. ст., сост., подг. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского; Перечень архитектурных работ подг. А. В. Татариновым — L'vov N. A. Ausgewählte Werke / Mit einem Geleitwort von D. S. Lichacev; Hrsg. und komment. von K. Ju. Lappo-Danilevskij; Zur architektonischen Tätigkeit von A. V. Tatarinov. Кельн, Веймар, Вена; СПб., 1994

В поэме «Русский 1791 год» Н. А. Львов дает любопытное описание пения подблюдных песен на святочных гаданиях:

...Иль крылатый коновод
Занимал собой народ,
Ходя с блюдом в громких хорах,
В блюде кольцами гремел
И припев старинный пел,
Где российские забавы
Не кончались без славы
У затейных стариков <...>¹⁴.

В поэме «Добрыня» Н. А. Львов описывает необычный музыкальный инструмент — гудок, народную скрипку:

Тут на месте, где герой стоял,
Я нашёл с смычком некрашенный,
На разлад гудок настроенный.
Я гудок взял, не знаю как,
Задержав на чудной лад,
Как телега немазана;
На колене играючи,
Поплелся ковыляючи...¹⁵

В современной справочной литературе сообщается, что «гудок — <это> один из древних музыкальных инструментов восточных славян, с долбленным овальным корпусом и тремя струнами, наиболее распространенный в старину у скоморохов. Во время игры гудок держали перед собой вертикально, опирая корпус о колено (при игре сидя), или прижимали к груди (при игре стоя)»¹⁶. «На С. 200. (Новая русская словесность и культура. Т. I — Neue russische Literatur und Kultur. Bd. I).

¹⁴ Там же. С. 171.

Возглас «Слава!» замыкает стихи подблюдных песен. — *Примеч. К. Ю. Лаппо-Данилевского.*

¹⁵ Там же. С. 194.

¹⁶ Вертков К., Благодатов Г., Язовицкая Э. Атлас музыкальных инструментов народов СССР. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1975. С. 36.

колене играючи», — описывает свой исполнительский опыт Львов. Мелодию играли на первой струне, а две другие являлись бурдонными, то есть дающими непрерывно звучащие призвуки, дребезжащими. «...На разлад <...> настроенный» и «...Задержал на чудной лад <...>», — достаточно точно определяет характер звучания инструмента Львов.

В цитированной статье о гудке чрезвычайно интересно замечание о том, что «ни одного экземпляра гудка нигде до сих пор не обнаружено, и представление о нем дают лишь иконографические материалы XVIII–XIX веков»¹⁷.

Не вызывает сомнений, что Н. А. Львову указанный инструмент был знаком: это доказывают совпадения описания инструмента и приемов игры на нем в стихах Львова и в справочнике. Надо полагать, любопытствующий Львов держал в руках гудок и пробовал играть на нем во время поездок по Украине и югу России.

Неоднократно упоминает гудок Державин. В стихотворении «На счастье» поэт пишет:

...От божеской твоей десницы
Гудок гудит на тон скрыпцы
И вьется локоном хохол¹⁸.

В стихотворном послании «Храповицкому» («Товарищ давний, вновь сосед...»), написанном летом 1793 года, когда оба секретаря императрицы жили в Царском Селе, Державин прибегает к иносказанию: поэт — гудок, творец своей судьбы («...И был — гудком — / Давно мурза с большим усом»). И если оба эти примера с упоминанием гудка можно привести с некоторой натяжкой, то картину сельского веселья, нарисованную поэтом в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская», гудок замечательно оживляет:

...Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками¹⁹.

¹⁷ Там же. С. 39.

¹⁸ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 1. СПб., 1864. С. 255.

¹⁹ Там же. Т. II. СПб., 1865. С. 642.

Интересно, что Н. А. Львов в поэме «Добрыня», воображая, что играет на гудке, представлял себя скоморохом:

Ведь не лира — гудок гудит,
Не Алцей — новотор поет.
Не покиньте товарища,
Скоморохи различных мер!²⁰

Алцей (Алкей) — один из величайших лирических поэтов древней Греции; новотор — повоторжец, житель нового Торжка, то есть сам Н. А. Львов, также лирический поэт.

Описание и изображение гудка в числе шести старинных народных музыкальных инструментов помещено в диссертации М. Гютри (Guthrie, Matthieu) «Dissertations sur les antiquites de Russie» («Рассуждения о российских древностях»), опубликованной в Петербурге в 1795 году. В ней, как указал Н. Ф. Финдейзен, почти полностью использовано «Предисловие» Н. А. Львова²¹.

Прямых свидетельств общения Н. А. Львова и Гютри, кроме факта этого заимствования, пока что не имеется, но оно вполне возможно, хотя бы на почве общего интереса к античности.

Свое мнение о происхождении музыки как древнейшего из искусств, а также старинных русских песен от древнегреческих Н. А. Львов обосновывает, ссылаясь на труды античных и старинных европейских авторов. В «Предисловии» к «Собранию...» он упоминает Страбона, Ж.-Ж. Руссо, П.-Д. Гюи (Guis), А. Кирхера, П.-Ж. Бюретта²², сочинения которых не так легко было найти.

²⁰ Львов Н. А. Избр. соч. С. 195.

²¹ См.: Финдейзен Ник. Очерки по истории музыки в России... Т. 2. Вып. VI. С. XLVI.

²² К упоминанию Страбона Н. А. Львов делает примечания: «Geogr.: L. I.» (то есть «География», L. I.); «Essai sur l'origine des langues, page 285. J. J. Rousseau»; «Guis. Voyage Litteraire de la Grece. Tome I. Page 219 (Jeux etc...)». Сочинение П.-Д. Гюэ (Гуэция Историческое разсуждение о начале романов, с Прибавлением Беллегардова Разговора о том, какую можно получить пользу от чтения романов / Пер. с фр. яз. И. Крыковым. М.: Изданием Н. Новиков и Комп., 1783) имелось в библиотеке Державина; см.: Морозова Н. П., Егоров С. К. Материалы к описанию библиотеки Г. Р. Державина // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. тр. [Вып. 1]. СПб., 2004. С.141.

По разным свидетельствам, Н. А. Львов, заядлый книголюб, собрал интересную библиотеку²³. Страсть книжника выдают откровения, рассеянные в письмах к друзьям. Так, в письме к В. В. Капнисту от 23 декабря 1789 года, разбирая «негладкости» его стихов, Львов сообщает ему о своих «книжных страданиях» — поисках тома «Путешествия юного Анахарсиса по древней Греции»: «Говорят, что это книга книг. <...> Я написал в Голландию, чтобы ее получить. Стоит она дорого, но дешевле, нежели того заслуживает»²⁴. Необходимые сочинения он разыскивал «по всем весям». «Сделайте милость, мой почтенный г<раф>, — писал Н. А. Львов А. Р. Воронцову в Москву 4 марта 1801 года, только оправившись от серьезной болезни, — прикажите меня ссудить из библиотеки вашей, мне очень нужно "Les arts et metiers"²⁵. Г<раф> Бутурлин мне дал I том, да приставили с обнаженными шпагами часовых, чтобы не замарал, так как что выписать можно?»²⁶

Художник А. И. Иванов, обучавший детей Н. А. Львова, в письме от 29 августа 1799 года к своему приятелю А. Х. Востокову, описывая заставленный книжными шкафами кабинет Львова в Тюфелях, называет некоторые интересные книги — «все тома Энциклопедии, все тома Паранезия»²⁷. Примерно в это время, изучая материалы для написания «Предисловия», Н. А. Львов начал огромную работу по переводу «Стихотворений Анакреона Тийского», для

²³ О библиотеке Н. А. Львова см.: Фоменко И. Ю. Материалы Н. А. Львова в собрании Музея книги (НИО редких книг) РГБ // Румянцевские чтения: Материалы международной науч. конф. 10–12 апреля 2007 г. М., 2007. С. 355.

²⁴ Львов Н. А. Избр. соч. С. 337.

²⁵ «Искусства и ремесла» (франц.). Имеется в виду 34-томное «Описание искусств и ремесел», выпущенное в 1761–1789 гг. в Париже французской Академией наук. — Прим. К. Ю. Лаппо-Данилевского.

²⁶ Там же. С. 357.

²⁷ Глузов А. И. Н. А. Львов. М., 1980. С. 160. Речь идет 1) об энциклопедии Д. Дидро и д'Аламбера («La grande Encyclopedie») в 28 томах in folio (1751–1772): «Энциклопедия, или Систематический словарь наук, искусств и ремесел, выбранный из лучших авторов»; 2) о «всех томах Паранезия» — сборниках гравюр итальянского гравера Джамбаттисты Пиранези (1720–1778) с видами и архитектурными памятниками Рима и Нижней Италии, которые издавались в 1760–1784 годах.

чего просмотрел 38 иностранных переводов, причем не только на европейские языки.

Кстати, такое редкое сочинение, как упоминаемый Н. А. Львовым трактат ученого монаха А. Кирхера²⁸ (у Львова — Киршера) «*Musurgia universalis*» («Всеобщая наука о музыке», 1650), которое можно было обнаружить только в очень специальном собрании, тоже нуждалось в переводе. Полагаем, что для своей работы Н. А. Львов мог пользоваться коллекцией музыкальных трактатов европейских авторов Р. М. Цебрикова, собранной последним во время обучения в Германии²⁹.

Роман Цебриков по возвращении в Россию в 1785 году служил переводчиком в Коллегии иностранных дел, с которой был тесно связан ранее служивший здесь же Н. А. Львов.

Р. М. Цебриков, назначенный в 1788 году «состоять при походной канцелярии кн. Потемкина», под Очаковым перевел и посвятил графу Александру Андреевичу Безбородко «за благодеяния, оказанные им его брату и ему самому» трактат «Мир Европы не может иначе восстановиться, как только по продолжительном перемирии, или Проект всеобщего замирения, сопряженного купно с отложением оружия на двадцать лет между всеми политическими державами» (СПб., 1789). Нет сомнения, что ходатаем перед графом за Цебрикова и его брата выступал Н. А. Львов, незаменимый помощник влиятельного сановника.

Страстный библиофил и библиограф, эдакий непризнанный князь В. Ф. Одоевский XVIII века, Цебриков в своем собрании имел трактаты, на которые ссылается Н. А. Львов. Так, о трудах упоминаемого Львовым П. Бюретта Цебриков замечает: «Рассуждения его о музыке, помещенные в Записках французской Академии изящных наук, весьма славятся»³⁰.

²⁸ Кирхер, Атанасиус (Kircher, Athanasius; 1602–1680) — немецкий ученый монах; написал много трудов по математике и естествознанию; музыке посвящены сочинения «*Musurgia universalis*» и «*Phonurgia nova*» («Новая наука о звуке»).

²⁹ См.: РНБ, ф. 830 (Цебриков Р. М.), т. 1, л. 75 об. («Отрывки о музыке, рассуждая о ней в нравственном смысле»).

³⁰ Там же. Бюретт, Пьер Жан (1665–1747) — антиквар, автор трудов по музыке.

Убеждение Н. А. Львова в зависимости русской песенности от древнегреческой укрепилось при изучении им «Оды Пиндаровой», впервые опубликованной Кирхером. «К удовлетворению желания любителей древней музыки, — пишет Львов в «Предисловии» к «Собранию народных русских песен», — отец Киршер и г. Бюретт по долгому и трудному изысканию нашли и перевели на нынешние наши ноты два отрывка древней Греческой музыки — Гимн Немезиде и Оду Пиндарову. Исследовав сию последнюю с примечанием, к удивлению находим, что мы в народном пении нашем наследовали от древних Греков не только разделение оного на две части; но в протяжных песнях и некоторое ощутительное подобие Мелодии, и образ сложения оных: ибо старинная наша песня под № 34 («Высоко сокол летает». — Л. Ф.) и многие другие начинаются выходкою одного голоса, а возвышаются потом общим хором. Так точно расположена и Ода Пиндарова, имеющая характер пения, *Canto fermo* итальянцами называемого»³¹.

Митрополит Евгений (Болховитинов), горячий приверженец идеи зависимости российской мелопеи от древнегреческой, оценил статью Н. А. Львова как «прекрасный трактат». Позднее, вспоминая Державину в его трудах при написании «Рассуждения о лирической поэзии...», ученый монах писал: «Сверх примечаний я перевел для вас две статьи, одну из Руссова музыкального словаря о *Греческих песнях и разделении оных*, а другую — из Мармонтелена Литературного словаря о *Еврейской лирической поэзии*»³².

Эти труды хорошо знал и неоднократно цитировал Н. А. Львов.

Сведения о «Пиндаровой оде» во времена Н. А. Львова, и даже значительно позднее, были достаточно распространены, и ее подлинность не подвергалась сомнению. Державин сообщал митрополиту Евгению 20 июня 1816 года, что «Пиндарова древняя музыка» «по лексикону, не помню чьему-то» давно ему «известна была, даже певаема и играна как-то недавно, и в прошлых годах Бортнянский в хор для "Беседы" взял нечто из оной»³³. Державин имеет в виду

³¹ Собрание народных русских песен с их голосами... С. 39 («Предисловие» к первому изд.). *Canto fermo* (итал.), *cantus firmus* (лат.) — основной голос в полифонии.

³² Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 6. СПб., 1870. С. 312.

³³ Там же. С. 340; 340-341; 341.

кантату «Сретение Орфеево солнца», сочиненную Д. С. Бортнянским на его слова в 1811 году для предполагаемого посещения императором Александром I заседания «Беседы любителей русского слова».

В своем «Предисловии» Н. А. Львов предсказал интерес к «Собранию народных русских песен» в современной ему музыкальной Европе: «Можно себе вообразить, какой богатый источник представит собрание сие для талантов музыкальных как новое и обширное ристалище не токмо для Гейденов, Плеилев (имеется в виду Плейель. — Л. Ф.), Даво и проч., но и для самых сочинителей Опер, какое славное употребление могут сделать они и из самой странности музыкальной, какая есть в некоторых песнях наших»³⁴.

Не случайно в ряде сочинений Й. Гайдна были услышаны интонации, близкие русским песням, что дало повод считать «гайдновскими» источники ряда популярных русских песен, таких как «Волга-реченька глубоко...»³⁵. Пять песен из «сборника Прача» заимствовал Л. Бетховен для струнных квартетов (ор. 59), посвященных русскому посланнику в Вене Андрею Разумовскому, а также для своего сборника «Песни разных народов».

Определяя историческую значимость издаваемого «Собрания народных русских песен», Н. А. Львов обращается к авторитету немецкого музыковеда Иоганна Николауса Форкеля: «Может быть, не бесполезно будет сие собрание и для самой философии, и ученый доктор Форкель, толь искусно музыкальную стезю просвещающий, будет, конечно, уметь оным воспользоваться ко славе своей и ко славе музыки нашей»³⁶.

В авторской сноске к тексту Н. А. Львов поясняет: «Доктор Форкель пишет Историю музыки, которой 2 тома уже напечатаны». Он имеет в виду составляемый Форкелем многотомный труд «Allgemeine Geschichte der Musik», первый том которого был опубликован в 1788 году в лейпцигском издательстве Швигерта

³⁴ Львов Н. А. О русском народном пении // Собрание народных русских песен с их голосами... С. 42 («Предисловие»).

³⁵ Штейнпресс Б. Музыка Гайдна в России при жизни композитора // Музыкальное исполнительство. Вып. 6. М., 1970. С. 273–274.

³⁶ Львов Н. А. О русском народном пении // Собрание народных русских песен с их голосами... С. 42 («Предисловие»).

(Schwicker); второй же том в действительности появился только через десять лет, в 1801 году³⁷.

О работе Форкеля Н. А. Львов приводит неточные сведения, так как явно получил их из «вторых рук». Полагаем, что этими «руками» мог быть русский посланник в Дрездене князь А. М. Белосельский, автор книги «De la musique en Italie» (Гаага, 1778), ряд фрагментов которой Форкель перевел на немецкий язык для своей «Allgemeine Geschichte der Musik», а небольшой «отчет» («a rendu»... «compte de ce petit ouvrage») о книге и ее авторе³⁸ поместил в своей «Musikalisch-kritische Bibliothek»³⁹.

Брошюру А. М. Белосельского и необходимые биографические сведения Форкель получил, надо полагать, от автора, который в 1779–1789 годах был русским посланником в Дрездене, куда в апреле 1781 года «в чине посольства советника был пожалован» капитан Н. А. Львов. Неизвестно, удалось ли Львову послужить в Дрездене, так как этим же указом он был «оставлен здесь и употребляем при Кабинете», а затем «определен в Главное почтовых дел правление на место советника»⁴⁰. Н. А. Львов во время этой службы совершал неоднократные поездки в различные страны, в том числе — довольно продолжительную — в Италию, о чем свидетельствует его «Итальянская тетрадь»⁴¹.

Вероятно, Н. А. Львов бывал и в Дрездене, поддерживая контакты с А. М. Белосельским, о чем имеются некоторые косвенные данные.

³⁷ См.: Forkel J. N. // Die Musik in Geschichte und Gegenwart: Allgemeine Enzyklopädie der Musik / Hrsg. von F. Blume. Bd. 4. Kassel, 1955. S. 516–520.

³⁸ См.: Beloselsky A. // Fétis F.-J. Biographie universelle des musiciens et bibliographie générale de la musique. 2e éd. Vol. 1. Paris, 1860. P. 330.

³⁹ См.: Forkel J. N. Musikalisch-kritische Bibliothek. Bd. III. Gotha, 1779. S. 312.

⁴⁰ Лаппо-Данилевский К. Ю. Новые данные к биографии Н. А. Львова (1770-е годы) // Русская литература. 1988. № 2. С. 140.

⁴¹ См.: L'vov N. A. Italienische Tagebuch = Итальянский дневник / Hrsg. und komment. von K. Ju. Lappo-Danilevskij; In Zusammenarbeit mit dem Puškinskij Dom (RAN), Sankt-Peterburg; [Übers. aus dem Russ. von H. Rothe und A. Lauhus]. Köln; Weimar; Wien, 1998. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen; Neue Folge. Bd. 13); Львов Н. А. Итальянский дневник. 1781 г. (Путевые замечания) // Рус. старина. 1878. Т. XXIII. С. 412.

Среди бумаг Державина хранятся сочиненные Н. А. Львовым «Слова под готовую музыку Зейделямана» («Сердце, счастьем растворенно...») со следующим примечанием стихотворца: «Намерение сочинителя было изобразить свойство дружбы в уподоблениях ручейка, и потому многие несвойственные песне слова вынужден был оставить»⁴². Стало быть, речь идет о стихотворном переводе с немецкого языка одного из дуэтов Ф. Зейделямана. Сделанный Н. А. Львовым перевод датирован 30 августа 1793 года.

Исемецкий историк музыки Гуго Риман (Riemann, Hugo) свидетельствует, что из обширного наследия Зейделямана дуэты остались неопубликованными. Следовательно, для подтекстовки Н. А. Львову были переданы рукописные ноты.

Дрезденский композитор Франц Зейдельман (1748–1806), получивший образование в Италии, проявил себя в самых различных жанрах — от церковной музыки до театральной. Пользуясь на протяжении многих лет протекцией русского посла в Дрездене А. М. Белосельского, музыкант многое сумел опубликовать и даже поставить на сцене, что сделало его довольно известным⁴³. Правда, В.-А. Моцарт в письме к своей жене от 16 мая 1789 года из Дрездена много иронизировал по поводу Зейделямана⁴⁴.

Сочиненная Зейделяманом по заказу А. М. Белосельского кантата «Circe» («Цирцея») на французский текст Жана-Батиста Руссо, была исполнена 4 августа 1787 года на суаре (вечере) в доме посла капеллой курфюрста и певицей М. Аллегранти». Небольшое «Известие» об этом событии тогда же напечатал А. М. Белосельский в дрезденской Королевской типографии (см.: Circe. Cantate. L'avertissement par l'autor de la musique en Italie. M. Le P. B. Dresden, 1787).

Вполне вероятно, что кантата Зейделямана имеет отношение к сюжетной линии Цирцеи в русской поэзии. Сделанный Державиным в 1806 году перевод «Цирцеи» Ж.-Б. Руссо был тогда же на-

⁴² Львов Н. А. Избр. соч. С. 53. Рукопись хранится в РГБ (ф. 247, т. 37, л. 2 об.).

⁴³ См.: Seydelmann Franz // Die Musik in Geschichte und Gegenwart... Bd. 12. Kassel, 1966. S. 598–602.

⁴⁴ См.: Die Musik in Geschichte und Gegenwart... Bd. 12. S. 600.

печатан М. Каченовским в журнале «Вестник Европы»⁴⁵. Десятью годами ранее, в майском номере журнала «Муза» за 1796 год, была опубликована кантата «Цирцея» неназванного автора, перевод из Ж.-Б. Руссо, — по словам редактора, «лучшая из двух присланных»: «Средь пропастей, горы гранитной на стремнине, / Которой дикий верх скрывался в облаках, / Цирцея в томности и смерть нося в очах, / Рыдала в горестной судьбине» (С. 133).

Неизвестно, каким текстом располагал для работы над переводом Державин и существует ли связь его оды с кантатой Зейдельмана. Сведения об исполнении последней в доме А. М. Белосельского могли стать известны в России через друзей и корреспондентов князя⁴⁶, в частности, его приятеля И. И. Дмитриева, близко общавшегося с Державиным⁴⁷. Кроме того, в 1803 году в Петербурге была опубликована мелодрама А. Я. Княжнина «Цирцея и Улис», которая могла быть связана с кантатой Зейдельмана и могла быть известна Державину.

В 1793 году завершилась дипломатическая служба А. М. Белосельского в Турине. Очень возможно, что, вернувшись в Петербург, этот меломан, большой любитель живописи, владелец одного из богатейших собраний картин возобновил старые знакомства, в том числе с Н. А. Львовым, и тогда же передал ему нотную рукопись Зейдельмана, видимо, с посвящением А. М. Белосельскому. Тем более что на 30 августа, которым помечена рукопись, приходилось те-зоименитство князя.

⁴⁵ См.: Вестник Европы. 1806. Ч. XXV. № 3. С. 164.

⁴⁶ См.: Seydelmann Franz // Die Musik in Geschichte und Gegenwart... Bd. 12. S. 600.

⁴⁷ См.: Русский архив. 1886. Кн. 2.

Н. П. Морозова

Г. Р. ДЕРЖАВИН И Н. М. КАРАМЗИН
МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Большая часть приводимых ниже сведений в той или иной степени привлекалась исследователями, которые занимались творчеством Г. Р. Державина и Н. М. Карамзина¹. Тем не менее, собранные восديو, они позволяют более смко представить характер личного и творческого общения двух крупнейших представителей русской словесности XVIII — начала XIX века.

К сожалснию, многие документальные свидетельства, в первую очередь письма, утрачены или пока не обнаружены. Поэтому список использованных в летописи источников не может претендовать на полноту и остается открытым для дальнейшего пополнения.

Все источники цитируются по современным нормам орфографии и пунктуации, с сохранением ряда характерных особенностей языка XVIII — начала XIX века. Даты указываются по старому стилю.

Список сокращений

Аксаков — Аксаков С. Т. Знакомство с Державиным // Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 4 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1955—

¹ В общих чертах взаимоотношения Державина и Карамзина рассмотрены Я. К. Гротом в его исследовании «Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам» (1880—1883).

1956 / Т. 2: [Воспоминания; Очерки и незавершенные произведения]. М., 1955. С. 314–336.

Грот — Грот Я. Жизнь Державина: [Биография]. М.: Алгоритм, 1997. (Серия «Гений в искусстве») / По изд.: Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 8. СПб.: В Тип. Императорской Академии наук, 1880.

Державин — Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 1–9. СПб.: В Тип. Императорской Академии наук, 1864–1883 / Т. 1: 1864; Т. 2: 1865; Т. 3: 1866; Т. 4: 1867; Т. 5: 1869; Т. 6: 1870; Т. 7: 1872; Т. 8: 1880; Т. 9: 1883.

Дмитриев 1893 — Дмитриев И. И. Соч.: В 2 т. / Ред. и примеч. А. А. Флоридова. СПб.: Изд. Евг. Евдокимова, 1893. Т. 2: Проза; Письма.

Жихарев — Жихарев С. П. Записки современника / Ред., статьи и комментарии Б. М. Эйхенбаума. М.; Л., 1955. (Серия «Лит. памятники»).

Карамзин 1862 — Погодин М. П. Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. Ч. 1. СПб.: В Тип. Н. Тиблена и Комп., 1862.

Панаев — Панаев В. И. О Державине: (Из моих воспоминаний) // Братчина: [Сб.]. Ч. 1. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1859. С. 107–128.

ПКД — Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / По поручению Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук издали с примеч. и указателями Я. Грот и П. Пескарский. СПб.: В Тип. Императорской Академии наук, 1866.

Погодин 1866 — Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии / С примеч. и объясн. М. Погодина. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1866. Ч. 1–II.

1790 год, сентябрь. Петербург. И. И. Дмитриев знакомит Державина с Карамзиным.

«Уже сказано мною, что в том же году порадован я был свиданием с Карамзиным, прибывшим на корабле из Лондона. Я познакомил его с Державиным, который известен ему был по одной первой оде его к Киргиз-кайсацкой царевне Фелице» (*Дмитриев 1893, 47*).

Я. К. Грот (со слов Д. Н. Блудова) сообщает:

«Когда Карамзин, возвращаясь из своего заграничного путешествия, три недели оставался в Петербурге (в сентябре 1790 года), то Дмитриев ввел его в дом Державина. Поэт пригласил приезжего писателя к обеду. За столом Карамзин сидел возле любезной и прекрасной хозяйки. Между прочим речь зашла о французской революции; Карамзин, недавно бывший свидетелем некоторых явлений ее, отзывался о ней довольно снисходительно. Во время этого разговора Катерина Яковлевна несколько раз толкала ногою своего соседа, который, однако, никак не мог догадаться, что бы это значило. После обеда, отведя его в сторону, она ему объяснила, что хотела предостеречь его, так как тут же сидел П. И. Новосильцев, петербургский вице-губернатор (некогда сослуживец Державина): жена его, рожденная Торсукова, была племянницей М. С. Перекусихиной, и неосторожные речи молодого путешественника могли в тот же день дойти до сведения императрицы» (*Грот, 401–402*).

Ср.:

«Возвратясь в Петербург осенью 1790 года, — говорит Бантыш-Каменский, — в модном фраке, с шиньоном и гребнем на голове, с лентами на башмаках, Карамзин введен был И.И. Дмитриевым в дом славного Державина и умными, любопытными рассказами обратил на себя его внимание. Державин одобрил его намерение издавать журнал и обещал сообщать ему свои сочинения. Посторонние лица, посещавшие Державина, гордясь витиеватым, напыщенным слогом своим, показывали молчанием и язвительною улыбкою пренебрежение к молодому франту, не ожидая от него ничего доброго».

Однажды за обедом у Державина молодой путешественник заспорил горячо с Новосильцовым (?) и выражал некоторые мнения, не совсем согласные с общепринятым в России образом мыслей. Жена Державина, подле которой он сидел, дала ему знак пожатием ноги, чтоб он выражался осторожнее» (*Погодин 1866, I, 168*).

1790, 12 ноября. Москва. Н. М. Карамзин — Г. Р. Державину:

«М. г., Гаврило Романович! В бытность мою в Петербурге был я столько обязан вашею ласкою, что всегда буду почитать себя

* Так в источнике. — П. М.

** Так слышал К. С. С<ербинович> от самого Н<иколая> М<ихайловича> в июне 1825 года. — *Примеч. М. П. Погодина.*

должником вашим. Я вас сердечно почитаю, и всегда почитать буду, вместе со всеми теми, которые вас знают и которые умеют чувствовать достоинства.

Через Ивана Ивановича Дмитриева получил я окончание *Видения Мурзы*², за которое вас покорнейше благодарю. Могу ли сию в своем роде прекрасную пиесу напечатать в январе или в феврале месяце? Мне очень хочется, чтобы вы отвечали *да*. Хотя и немного, однако ж есть у нас люди со вкусом; люди, знающие, что такое Поэзия, знающие, что Мурза есть истинной Поэт. Я приступаю к исполнению своего намерения, вам известного, и с января начну издавать Журнал³, который, по крайней мере, хотя тем будет примечания достоин, что в нем поместятся сочинения Певца Фелицы. При сем прилагаю опубликованное мною объявление. Нельзя ли показать его в Петербурге вашим знакомым, любящим Литтературу? Вы бы потрудились сообщить мне имена охотников с их адресом. За верность пересылки Журнала ручаюсь. В первых числах января могу прислать в Петербург первую книжку. Весь год с пересылкою будет стоить семь рублей. Но я боюсь вас обеспокоить. Только прошу вас не позабыть меня и впредь присылать мне, что вдохнет в дух ваша Муза. Когда вы окончите оду *Коварство*⁴, то вспомните, что для нее бережется место в моем Журнале. Не оставьте меня в сиротстве. Певец *Россияды* и *Владимира*⁵ сообщил мне две небольшие пиесы.

Я бы осмелился спросить вас, навсегда ли вы думаете остаться в Петербурге или нет?

Прошу засвидетельствовать мое почтение милостивой государыне Екатерине Яковлевне⁶. — Впрочем, прося вас о продолжении ваших ко мне милостей, имею честь быть, милостивый государь! вашим покорнейшим слугою» (*Державин*, 5, 775–776).

² Основной текст оды был окончен Державиным, по свидетельству его «Записок», в Нарве весной 1784 года.

³ То есть «Московский журнал»; издавался Карамзиным в 1791–1792 гг.

⁴ Ода «Коварство» была впервые напечатана в «Сочинениях Державина» (Ч. 1. М.: В Университетской тип. у Ридигера и Клаудия, 1798).

⁵ Имеется в виду писатель М. М. Херасков (1733–1807), куратор Московского университета.

⁶ Речь идет о первой супруге Державина, в девичестве Бастидон (1761–1794).

1790, 12 ноября. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:
«*Видение мурзы* получил и к Певцу писал на сей почте» (ПКД, 14).

1790, 16 декабря. Москва. Н. М. Карамзин — Г. Р. Державину:
«М. г., Гаврило Романович. Вчера имел я честь получить ваше письмо, за которое и приношу вам мою благодарность.

Некоторые, пишете вы, не довольны тем, что я в своем объявлении превознес похвалами имя Певца Фелицы. Я сих господ не понимаю. Разве Певец Фелицы не достоин похвалы? или разве я слишком похвалил его? Правда, можно слишком похвалить и Гомера, и Оссиана, и Шекспира, и Клопшотока; но в чем же состояла излишняя похвала моя? Я сказал только: *Кто не знает Певца мудрой Фелицы?* Правда, в сем вопросе есть похвала; я полагаю, что сей Певец известен всем, читающим Русские стихи; но кому же из сих людей он в самом деле неизвестен? Где тут излишняя похвала? И не так еще можно похвалить Мурзу, не сказав никакой неправды. — Мне сделают много чести, естли и по выходе первой книжки моего Журнала скажут, что вы его издаете. Между тем, конечно, нельзя вам собирать субскрибентов, когда так говорят.

Вы меня чувствительно одолжите, прислав мне оду *Коварство*. Можно ли будет ее напечатать или нет, одолжение ваше останется в равной цене. Журнал мой уже печатается. В сей первой книжке помещено *Видение Мурзы*. Пожалуйста, не оставляйте меня и впредь. М. М. Херасков хочет писать для моего Журнала и стихами и прозою. Я надеюсь на вас — надеюсь на вашу ко мне благосклонность и на вашу любовь к Литтературе. — Как скоро первая книжка будет отпечатана, тотчас ее к вам доставлю. Я осмелился не взять денег у Господина Офицера, который отдал мне ваше письмо и хотел заплатить за ваш экземпляр Журнала. Позвольте мне иметь удовольствие доставлять его вам без семи рублей.

К Ивану Ивановичу⁷ буду скоро писать и скажу ему, что вы приказываете.

Прошу вас уверить милостивую государыню Екатерину Яковлевну в моем почтении к ее достоинствам.

⁷ То есть к И. И. Дмитриеву (1730–1837), поэту, близкому другу Карамзина.

Желая вам всех возможных благ — здоровья, спокойствия и поэтического досуга — имею честь быть, милостивый государь! вашим покорнейшим слугою» (*Державин, 5, 776–777*).

1791, январь. В «Московском журнале» (Ч. 1. Кн. 1. С. 8–15; подпись: ***) опубликована ода Державина «Видение мурзы».

1791, февраль. В «Московском журнале» (Ч. 1. Кн. 1. С. 137–146; подпись: ***) опубликована ода Державина «Новый год: Песнь дому, любящему науки и художества»⁸.

1791, апрель. В «Московском журнале» (Ч. 2. Кн. 1. С. 3–6; подпись: ***) опубликована державинская «Ода к Эвтерпе: По случаю пляски, бывшей на мызе у Ивана Ивановича Шувалова, 1789 года августа 24 дня»⁹.

1791, 23 апреля. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:
«Я очень рад, что любезные наши Державины против нас не переменились. Уверь их, любезной друг, в моем почтении и в моей благодарности. При случае можешь сказать Гаврилу Романовичу, что я все еще надеюсь получить от него что-нибудь для моего журнала» (*ПКД, 17*).

1791, 1 июня. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:
«Благодарю за все, что получил от тебя. К Гаврилу Романовичу писал <...>. <...> Тверди Державиным, что я их люблю и почитаю» (*ПКД, 18–19*).

1791, июнь. В «Московском журнале» (Ч. 2. Кн. 3. С. 221, 281–287; подпись: ***) опубликованы «Надпись к портрету князя

⁸ Впервые напечатана «на отдельных листках» (СПб., 1791). Адресована графу А. С. Строганову, «на день которого рождения, то есть 3 января, сия ода писана». В издании «Сочинений Державина» 1798 года опубликована под названием «Песнь любителю художеств», в сноске отмечено: «Музыка Бортнянского». В журнальной публикации строфы, предназначавшиеся для пения, помечены словами *Ария* или *Хор*.

⁹ Под Эвтерпой подразумевается Марья Львовна Нарышкина, которая нравилась Г. А. Потемкину.

Каптемира» и «Хоры, петье в праздник, бывший у его светлости г. генерал-фельдмаршала и великого гетмана, князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, в присутствии ее императорского величества и их императорских высочеств, апреля 28 дня 1791 году, в Санктпетербурге».

1791, 23 июня. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Прогулку в Сарском селе получил и тотчас узнал сочинителя. Я напечатал ее в августе (разумеется, что имени моего тут не будет)¹⁰. Какого quiproquo ты боялся, по своей дружбе ко мне? Однако ж не сказывай Гаврилу Романовичу, что я знаю автора. — Стихи из описания князева праздника также получил от него» (НКД, 20).

1791, август. В «Московском журнале» (Ч. 3. Кн. 2. С. 119–123, 125–127) опубликованы (без указания фамилии автора) державинские «Стихи из описания празднества, бывшего у его светлости господина генерал-фельдмаршала и великого гетмана, князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, в присутствии ее императорского величества и их императорских высочеств, в С. Петербурге, в доме его близ Конной гвардии, 1791 года апреля 28 дня» и «Прогулка в Сарском селе». В этой же книжке журнала опубликован перевод Карамзина из Оссиана «Сельские песни», с надписью: «Гаврилу Романовичу Державину посвящает переводчик»¹¹.

1791, <август — сентябрь>¹². Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву.

«Пожалуй, скажи, знает ли наш любезной Державин, что И в Московском журнале означает Ивана Ивановича Дмитриева? Получил ли он письмо мое, в котором я писал к нему, что Шувалов отпирается от пляски, бывшей некогда у него на мызе и подавшей

¹⁰ Имеются в виду заключительные строки обсуждаемого стихотворения: «Пой, Карамзин! — и в прозе / Глас слышен соловьи». В журнальной публикации вместо «Карамзин» было напечатано: «...и».

¹¹ Об оссианизме Державина и Карамзина см.: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе: Конец XVIII — первая треть XIX века. Л., 1980. С. 35–42.

¹² Письмо датировано по фразе: «Надобно, чтобы вы уже давно получили Июнь месяц журнала. Август дней через семь может отправиться в Петербург».

повод к сочинению Эвтерпы? И что Державин говорит об этом? Пожалуй, любезной друг, не поленись меня уведомить» (ПКД, 21).

1791, 1 сентября. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Впрочем, я из экономии не напечатал в августе ни одной из твоих пьес, кроме *Ефрема*¹³; тут было довольно державинских. <...> При случае уверяй Державиных, что я их очень, очень почитаю» (ПКД, 22–23).

1791, октябрь. В «Московском журнале» (Ч. 4. Кн. 1. С. 3–9, 46–50; подпись: ***) опубликованы стихотворения Державина «Величество Божие» и «Памятник Герою».

1791, ноябрь. В «Московском журнале» (Ч. 4. Кн. 2. С. 117; подпись: Из Петербурга от неизвестной особы) опубликовано стихотворение Державина «На рождение Петра Великого».

1791, 2 декабря. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«О Державине ничего не знаю; но думаю на сих днях писать к нему, и когда получу ответ, тебя уведомлю» (ПКД, 25).

1791, <декабрь>. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Державин взят в Кабинетские Секретари¹⁴, пишет ко мне и зовет меня в Петербург» (ПКД, 16).

1791, декабрь. В «Московском журнале» (Ч. 4. Кн. 3. С. 254; подпись: Из Петербурга от неизвестной особы) опубликовано стихотворение Державина «Надпись к портрету ее величества».

¹³ Речь идет о стихотворении «Надпись к портрету» («Глядите: вот Ефрем...»; 1791).

¹⁴ Указ о назначении Державина статс-секретарем императрицы Екатерины II был подписан 12 декабря 1791 года.

1792, февраль. В «Московском журнале» (Ч. 5. Кн. 2. С. 167–168) без указания фамилии автора опубликовано стихотворение Державина «Прощание» («Неизбежным уже роком...»)¹⁵.

1792, март. В «Московском журнале» (Ч. 5. Кн. 3. С. 301–304) без указания фамилии автора опубликовано стихотворение Державина «Песня роскошного и трезвого философа» («Сосед! На свете все пустое...»)¹⁶.

1792, май. В «Московском журнале» (Ч. 6. Кн. 2. С. 181) без указания фамилии автора (при «Письме к издателю» за подписью Феостиг-Филетер¹⁷) опубликовано стихотворение Державина «Надпись к портрету княгини Е. Н. Орловой»¹⁸ («Как ангел красоты, являемый с небес...»).

1792, 14 июня. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Я очень рад, что ты в Державиных по-видимому не нашел перемены и что они по-прежнему любят своих приятелей. Что принадлежит до Петрова¹⁹, то мне кажется, что они еще не знают его, — кажется, что и ты вместе с ними его не знаешь. Такого человека нельзя судить так, как судят обыкновенных людей. Он дик и чувствителен — при незнакомых молчалив и холоден, а с другом сокровище. *Наипаче* ответа его: “Я привык дома обедать” — не должно принимать за грубость: он напоминает ответы Руссувы.

¹⁵ Создано в 1770-е годы, позднее редактировалось Державиным и было включено в «театральное представление с музыкою» «Добрыня» (1804).

¹⁶ Написано в 1789 году в Петербурге. В дальнейшем публиковалось под названием «Философы пьяный и трезвый».

¹⁷ В данном «Письме к издателю» содержится такой отзыв о Державине: «Вот надпись, сочиненная дражайшим сердцу моему старинным моим другом и новым благодетелем, коего душа красотою своею подобна душе, в сей надписи им воспетой. Перо его вам известно. Оно украсило стихами некоторые книжки вашего журнала».

¹⁸ Екатерина Николаевна Орлова (1758–1782), супруга кн. Г. Г. Орлова.

¹⁹ Речь идет об Александре Андреевиче Петрове (1763–1793), широко образованном литераторе, близком друге Карамзина. 21 декабря 1791 года он был зачислен в ведомство Кабинета ее императорского величества, в канцелярию Державина по принятию прошений.

Дай мне идею о *Водопаде* Державина, и скажи ему, что я жду его с нетерпением, — разумеется, если это будет кстати сказать.

<...> Уведомь: в Петербурге ли Коцебу? Гаврило Романович может поздравить себя с таким хорошим переводчиком²⁰. Он имеет жени, дух и силу. Я хотел бы знать его лично» (ПКД, 26).

1792, 18 июля. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Я нимало не сердился на тебя за то, что ты писал ко мне об Александре Андреевиче²¹. Напротив того, еще благодарю тебя, потому что мне очень хотелось знать, как думают об нем Г. Р. и К. Я.²² По *человеколюбию*, которое мне приписываешь, желал бы простить тебя, но не могу, потому что ты ни в чем не согрешил передо мною. Сколь ни люблю Александра Андреевича, однако ж соглашусь, что он может показаться странным тому, кто не хорошо знает его, — и особливо женщине, даже самой любезной и самой почтенной, например К...с Я...с. И вперед, мой милой друг, прошу тебя писать ко мне о их расположении к моему любезному нелюдиму.

Мысль привести к водопаду зверей кажется мне ниитическою; в рассуждении солдата и П... (Г. А. Потемкина. — Н. М.) не скажу ничего — надобно прочесть стихи. Положение умершего, думаю, хорошо и трогательно описано. Полушек не понимаю. Когда пиеса будет окончена, нельзя ли достать ее для прочтения?

<...> Пожалуй, любезный, изъяви благодарность мою Гаврилу Романовичу за присланную им пиесу, которая напечатана будет в июле» (ПКД, 27; 28–29).

1792, июль. В «Московском журнале» (Ч. 7. Кн. 1. С. 3–7; подпись: Из Софии²³ от неизвестной особы) без указания фамилии автора опубликованы стихотворения Державина «Песнь на всерадостное рождение ее высочества великой княжны Ольги Павловны, июля 11 дня 1792 года» («Едва исчезла темнота...») и «К Приятнос-

²⁰ А. Коцебу (1761–1819) перевел на немецкий язык оды Державина «Видение муз», «Изображение Фелицы» и ряд других.

²¹ Петрове.

²² Екатерины Яковлевны Державина.

²³ Город София с 1805 года включен в состав Царского Села.

тям. На случай балов, бываемых в Колошнадной галерсе, в Сарском селе» («Что, Приятности, в вас видим?..»)²⁴.

1792, август. В «Московском журнале» (Ч. 7. Кн. 2. С. 105–108; подпись: Из П<стер> Б<урга> от неизвестной особы) без указания фамилии автора опубликована державинская «Ода к Н. А. Л<ьвову>». Напечатано сообщение о переводе А. Коцебу на немецкий язык оды Державина «Видение мурзы», с похвальным отзывом (С. 254).

1792, 6 сентября. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«В каком состоянии Бобров?²⁵ Стихи его и Львова и Державина напечатаны в августе, который скоро вы<й>дет» (ИКД, 30–31).

1792, сентябрь. В «Московском журнале» (Ч. 7. Кн. 3. С. 259–260; подпись: Из Петербурга) без указания фамилии автора напечатаны державинские «Стихи, поднесенные епископу Феофилу²⁶, когда он посетил Тамбовскую типографию» и стихотворение «К портрету А. В. Б<раницкой>»²⁷. Напечатано сообщение о переводе Коцебу на немецкий язык оды Державина «Изображение Фелицы», с примечанием: «Строгая немецкая критика (в Йенских ученых ведомостях) не весьма довольна переводом, находя в нем некоторые неисправности и слабые прозаические стихи» (С. 377).

1792, 21 октября. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Что наш Гаврило Романович? Вспоминает ли иногда об нас?» (ИКД, 32).

²⁴ В дальнейшем печаталось под названием «К Грациям», под которыми «разумелись великие княжны».

²⁵ Речь идет о поэте и переводчике Семене Сергеевиче Боброве (1765–1810), принадлежавшем к лагерю «архаистов».

²⁶ Феофил (Расв; 1737–1811), епископ Тамбовский и Пензенский (1788–1811).

²⁷ Браницкая Александра Васильевна (1754–1831), племянница Г. А. Потемкина. Падпись переведена с французского языка в 1780 году.

1792, октябрь — ноябрь. В «Московском журнале» (Ч. 8. Кн. 2. С. 131–137) без указания фамилии автора напечатана ода Державина «К Каллиопе. В 31 день октября 1792 года» («Сойди, бессмертная, с небес...»)²⁸.

1792, декабрь. В «Московском журнале» (Ч. 8. Кн. 3. С. 193–195) без указания фамилии автора напечатано стихотворение Державина «Ласточка» (первая ред.)²⁹.

1793, 3 января. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:
«Уведомь, любезной друг, как расположен Г<аврила> Р<оманович> к Александру Андреевичу³⁰ и часто ли ты бываешь у первого» (ПКД, 33).

1793, 21 марта, Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:
«Сердечно благодарю почтенного и любезного Гаврилы Романовича за его вторичное благосклонное предложение; но я по разным причинам не могу им воспользоваться» (ПКД, 35).

1793, 4 мая. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:
«Часто ли бываешь у Гаврилы Романовича? Не сердит ли он на меня за то, что я не принял его предложения? Засвидетельствуй ему мое почтение, также и Катерине Яковлевне» (ПКД, 36).

1793, 2 июня. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:
«Сию минуту, любезный Иван Иванович, получил письмо твоё, стихи и Державина Оду³¹, о которой не скажу тебе ни слова. Пере-

²⁸ Написана на приезд в Петербург принцессы Баденской Луизы Марии Августы, будущей императрицы Елизаветы Алексеевны. Вначале была напечатана отдельным изданием.

²⁹ После смерти в 1794 году первой супруги Державина Екатерины Яковлевны стихотворение было дополнено двумя строками и посвящено ее памяти.

³⁰ Петрову.

³¹ По-видимому, речь идет об издании прозаического перевода оды Державина на французском языке: «Ода на панихиду в Католической церкви, бывшую в Санкт-Петербурге, по покойном Короле Французском Людовике XVI марта 16 дня 1793 года, сопровождаемую музыкою г. Сарття <...>» (СПб., 1793).

вод самый не пиитический. Briser les cachots³² и некоторые другие выражения показывают, что переводчик не Француз» (ПКД, 36).

1793, 17 августа. Орловское наместничество, село Знаменское. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Желаю видеть *полные творения* нашего Г<аврила> Роман<овича>. Вероятно, что издание будет великолепное» (ПКД, 42).

1793, 20 сентября. Москва. Н. М. Карамзин — Г. Р. Державину:

«М. г. Г<аврила> Р<оманович>. Имею честь поздравить вас с получением новых Царских милостей³³. Сердечно радуюсь тому и желаю, чтобы вы были всегда довольны и счастливы.

За доставленный мне [через И. Ив. Дмитриева] Немецкой перевод ваших сочинений³⁴ приношу вам искреннюю мою благодарность. С великим удовольствием читал я все пиесы и радовался, узнавая мысли Российского Пиита в Немецких выражениях.

Я живу теперь в деревне; но скоро думаю возвратиться в Москву — и тогда, может быть, осмелюсь послать к вам в Петербург некоторые печатные безделки. Времена нынешние не весьма благоприятны для Литтературы.

Пожалуйте, и впредь не забывайте усердного почитателя Музы и души вашей, который предан вам сердечно.

Прося засвидетельствовать мое почтение милостивой государыне Екатерине Яковлевне, имею честь быть, милостивый государы вашим покорнейшим слугою» (Державин, 5, 820–821).

1794, 28 апреля. Петербург. Г. Р. Державин — И. И. Дмитриеву:

«Мне очень совестно пред Николаем Михайловичем, что я, *Аг-лаю*³⁵ Николаевну получа, его не уведомил. Она прекрасна и прият-

³² Скорее всего, вместо фр. «briser les chaînes» (разбить, сбросить оковы). Cachot — карцер, тюрьма (фр.)

³³ 2 сентября 1793 года Державин был пожалован в сенаторы, произведен в тайные советники и награжден орденом Владимира 2-й степени.

³⁴ Имеется в виду издание: Gedichte des Herrn Staatsraths von Derschavin / Übers. v. A. v. Kotzebue. Leipzig, 1793.

³⁵ Речь идет об альманахе «Аглая» (1794–1795. Кн. 1–2).

на; во многом должно бы ее мне хвалить ему. Собирался по всякой день и за хлопотами упустил время; то теперь и неловко. Извини, пожалуй, меня перед ним. Но я сожалею, что вы с ним не вместе. Еще бы приятнее для вас время было. К. Я. моя насилу, насилу теперь только стала отдыхать и воскресать из мертвых; так отдыхают теперь и оживляются растения и цветы. <...> К. Я. спит, однако вам кланяется, для того, что она и во сне помнит о своих приятелях. Хотел было к вам продолжать мою беседу, но едет на двор отец Самборской³⁶ с стихами своего воспитанника³⁷, приславшего недавно из Англии, которые он вчера поднес Ее Величеству» (*Державин*, б, 6-7).

1794, 2 августа. <Знаменское>. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Радуюсь, что Гавр<ила> Романович помнит меня. Ежели буду жив, покосн и выдам вторую книжку *Аглаи*, то напишу к нему письмо» (*ПКД*, 49).

1794, 8 ноября. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Знаешь ли, любезный, что твой *Глас Патриота*³⁸ напечатан в Петербурге и ходит там и здесь под именем Державина? Я за должность почел открыть истину нашим стихолюбителям и прибавить новый венок к венкам твоим. <...> Смерть Катерины Яковлевны меня очень тронула. Я начал писать стихи к Гаврилу Романовичу, но не кончил» (*ПКД*, 51-52).

³⁶ Самборский Андрей Афанасьевич (1732-1815), законоучитель великих князей Александра и Константина Павловичей.

³⁷ Речь идет о поэме Степана Семеновича Джунковского (1762-1839) «Александрова, увеселительный сад...» (1793; тит. изд. 1794; тогда же — во фр. пер. Ш.-Ф.-Ф. Массона, в то время секретаря вел. кн. Александра Павловича), описывающей дачу, которая была выстроена Екатериной II в 1780-х годах под Павловском для вел. кн. Александра Павловича и являлась своеобразной декорацией к написанной для него императрицей «Сказке о царевиче Хлоре» (1781).

³⁸ Имеется в виду отдельное издание 1794 года, под названием «На разбитие Костюшки. Глас Патриота».

1795, 12 февраля. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Сказывают, что Гаврило Романович уже женился³⁹. Поздравь его от меня, еслии НВ. *придется кстати*» (ПКД, 52).

1795, 5 апреля. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«При случае засвидетельствуй мое почтение Гаврилу Романовичу» (ПКД, 53).

1795, 11 июля. Знаменское. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Печатаются ли сочинения нашего любезного Гаврила Романовича? Уведомь, когда могу получить их» (ПКД, 56).

1795, 9 августа. Знаменское. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Итак, новые творения нашего Певского Барда, по словам твоим, неудачны? Музы имеют свои капризы и не всегда слушаются поэтов. — Дай мне идею о *Добрыне*⁴⁰, еслии он что-нибудь значит» (ПКД, 57).

1795, 17 октября. Знаменское. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Дней пять занимаюсь я новым планом: выдать к новому году русской *Almanach des Muses*⁴¹, в маленькой формат, на голландской бумаге, и проч. <...> ...а ты мог бы в Петербурге сказать о том Гавр<илу> Романовичу, Львову, Козодавлеву и прочим. <...> При случае можешь сказать Гавр<илу> Романовичу, что я душевно люблю его и почитаю» (ПКД, 61–62).

³⁹ 31 января 1795 года Державин женился на Дарье Алексеевне Дьяковой (1769–1842).

⁴⁰ Речь идет о державинском «театральном представлении с музыкою» «Добрыня» (1804).

⁴¹ «Альманах Муз» (фр.). Имеется в виду альманах «Аонида» (1796–1799. Кн. 1–3).

1796, 2 февраля. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Стихи Державина и Капнистовы⁴² получил; изъяви им мою благодарность» (ПКД, 64).

1796, 4 июня. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Нынешний год вы<й>дет только одна книжка *Аонид. Приглашение к обеду* — останется между моими бумагами и не пойдет в типографию⁴³. Нет ли еще чего-нибудь у Гаврила Романовича? Поблаговари от меня Николая Александровича Львова; его пиесы уже напечатаны» (ПКД, 67).

1796. Выходит первая книга альманаха «Аониды», в которой за подписью Д-н напечатаны четыре стихотворения Державина — «Спящий Эрот» (С. 30–31), «Хариты. На случай пляски их императорских высочеств, великих княжон Александры Павловны и Елены Павловны в тронной зале Зимнего дворца в первый день святок, 25 декабря 1795 года» («По следам Анакреона...»; С. 117–119), «Стихи на покорение Дербента графом Валерианом Александровичем Зубовым» («Герой, который мной воспет...»; С. 170–172), «Стихи на кончину графа Федора Григорьевича Орлова» (С. 173–174).

1796, 5 августа. Петербург. Г. Р. Державин — И. И. Дмитриеву:

«Я получил от Николая Михайловича *Аониды* — книжка, в которой много прекрасных стихов, а особливо его эпистола к женщи-

⁴² Подразумеваются оды В. В. Капниста «Уныние» и «Мотылек».

⁴³ Стихотворение было впервые напечатано в «Сочинениях Державина» (Ч. 1. М., 1798). Трудно сказать, по какой причине «Приглашение к обеду» не было включено в первую часть «Аонид». Возможно, оно просто было получено Карамзиным слишком поздно. Во второй же части альманаха, вышедшей в павловское время, печатать «Приглашение к обеду» было не вполне уместно, поскольку в оде были строки, где речь шла о П. А. Зубове и императрице Екатерине II.

нам *очень, очень* хороша; но я недоволен окончанием, т<о> е<сть> последним стихом⁴⁴, на который тотчас приходит мысль:

Что с таковыми жен друзьями
Мужья с рогами.

И соловей⁴⁵, *правда ваша*, не весьма громок; впрочем, я много ему благодарен, сколько за подарок, а вдвое, что он трудится к пользе литературы не так, как некто: ленится и ничего не прислал в сию складчину стихотворцев. Но для чего вы не отдали ему *Гремислав-вы?*⁴⁶ (Державин, 6, 55–56).

1796, 28 августа. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Гаврило Романович прислал ко мне две новые пьесы свои и хочет, чтобы я непременно выдал вторую книжку Аонид» (ПКД, 69).

1796, 6 октября. Петербург. Г. Р. Державин — И. И. Дмитриеву, высказывая свое мнение по поводу «Послания к женщинам» Карамзина: «По второй материи⁴⁷ на ответ ваш я не согласен; а примечание мое шутя не для того сообщил я вам, что подозреваю чье развращение, а вот ради чего:

⁴⁴ Имеются в виду три последние строчки стихотворения Карамзина «Послание к женщинам»:

Что Истина своей рукою
Напишет над моей могилой? *Он любил;*
Он нежной женщины нежнейшим другом был!

⁴⁵ Стихотворение Карамзина «Соловей» послужило А. А. Шаховскому поводом для пасмешки в комедии «Новый Стерн»; см.: Державин, 3, 693.

⁴⁶ Ода Державина «На рождение царицы Гремиславы. Л. А. Нарышкину» была впервые напечатана в «Сочинениях Державина» (Ч. 1. М., 1798). Я. К. Грот пишет: «Любопытно, что в оглавлении *Музы* Мартынова за сентябрь 1796 года (ч. III) помещено заглавие: *В день рождения царицы Гремиславы*, но самой оды ни в этой, ни в следующих книжках не оказывается, из чего можно заключить, что напечатание ее было остановлено, вероятно, из опасения не угодить ей Зубову и другим сильным того времени» (Державин, 1, 730).

⁴⁷ То есть о стихотворении Карамзина «Послание к женщинам».

В замужней женщине, прекрасной,
Себе кто дружбу приобрел,
Для толков, для молвы напрасной
Он лучше бы ее не пел:
Как холодный ветерок чума для нежных роз,
Так при муже и друг вмиг отморозит нос.

Не погневайся: это истина; но прошу меня не поссорить с Николаем Михайловичем; я его люблю. Его привязанность к добродетели и восторг поэта побудили похвалиться дружбою дамы⁴⁸; но благоразумие в сем случае друга, то есть ваше, должно было остеречь его в сей нежной материи. Но оставим ссору. И то и другое прошу знать только про себя» (*Державин*, 6, 58).

1796, 6 ноября. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Г. Р. Державин прислал мне писс десять, из которых на смерть Бецкого⁴⁹ самая лучшая. Один стих рассмешил меня, и я вспомнил, что ты мне сказывал» (*ПКД*, 70).

1797, 21 января. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Что наш Гаврило Романович?» (*ПКД*, 73).

1797, 17 июня. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Сию минуту получил письмецо твое от 11 июня, в котором ни слова не говоришь о другом письме моем: разве ты не получил его? я на одной почте писал к Гавр<иле> Роман<овичу> и к тебе. — От него имею ответ» (*ПКД*, 78).

1797, июнь. Петербург. Г. Р. Державин — И. И. Шувалову, сообщая И. И. Шувалову о намерении издать свои сочинения:

«Примечанье всякого рода ошибок, и при тиснении произойти могущих, препоручил я хорошему моему приятелю, Николаю Михайловичу г. Карамзину, живущему в Москве; то и прошу покорнейше приказать сообщать ему отпечатанные листы, которые в нужном

⁴⁸ Имеется в виду Настасья Ивановна Плещеева, урожденная Протасова.

⁴⁹ Имеется в виду державинская «Ода на кончину благотворителя» (1795).

случае, по переписке со мною, не оставит он без задержания возвращать в типографию. Впрочем, цензура обязана исполнять свою должность. Печатать на мой счет. С типографией договориться доверяю я ему же, г. Карамзину» (*Державин*, 6, 68).

1797, 10 августа. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Сочинения Гаврила Романовича в цензуре; скажи ему» (*ПКД*, 80).

1797, 10 декабря. Москва. П. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Сочинения Гавр<ила> Роман<овича> делают мне множество хлопот. Цензоры остановили в печати два листа, а он упрямится и не хочет переменить замеченных ими мест. Что же пользы? В типографии остановка, убыток, а мне с обеих сторон неудовольствие» (*ПКД*, 84).

1797. Выходит вторая книга альманаха «Аонида», в которой за подписью Д-н опубликованы следующие стихотворения Державина: «Ода на Новый 1797 год» (С. 15–24), «Мечта» (С. 148–159), «На кончину благотворителя, приключившуюся 1795 года августа 31 дня в Санктпетербурге» (С. 208), «Эпитафия Екатерины II» (С. 244), «Сафо» (С. 245), «К Сафе» (С. 246), «Даше в светлое Христово воскресенье. Апр. 5, 1797»⁵⁰ (С. 281–283), «Призывание и явление Плениры»⁵¹. 1794 года» (С. 301–302).

1798, 17 июня. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Гавр<ила> Ром<анович> мне не отвечает; видно, он рассердился — жаль. Пожалуй, спроси у него, что он прикажет делать с напечатанною книгою. Надобно чем-нибудь кончить. Я должен разделаться с типографией. Если он не хочет выдавать напечатанного, то я брошу все в огонь и более не скажу ему ни слова. Эта шутка будет мне стоить рублей пятсот и поболее» (*ПКД*, 96).

⁵⁰ Ранняя редакция стихотворения «К Музе»: «Строй, Даша, арфу золотую...». Написано по случаю восшествия Павла I на престол.

⁵¹ Так Державин называл в стихах первую супругу Екатерину Яковлевну.

1798, 17 июня. Петербург. Г. Р. Державин — Ф. Н. Голицыну:

«Сочинения мои перепортили в Москве. Кроме того, что не по тому порядку напечатали, как я приказал, и не те пьесы, коим в 1-й части быть следует; но само по себе так скверно, что истинно в руки взять не можно, и бумага, и печать плоха, и ошибок множество. Итак, я рассудил, заплатя типографии, весь завод истребить; а поелику сим я огорчу Н. М. Карамзина, которому я поручил смотрение над печатанием и который мне хороший приятель, то и хочется мне это так сделать, чтоб он и не сведал» (*Державин*, 6, 82).

1798, 12 октября. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Гаврило Романович в письме своем сказал (говоря о женитьбе А. А. Плещеева), что *и ты намерен жениться*. Я согласен с тобою, что *добрую жену* скорей можно найти в Сарепте, нежели на сцене большого света и в так называемой *bonne compagnie*»⁵² (*ПКД*, 104).

1798, 13 декабря. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«В печатных сочинениях Гаврила Романовича есть пропуски оттого, что они были в манускрипте. Какая беспечность, послать рукопись в типографию, не взяв на себя труда прочитать ее!» (*ПКД*, 106).

1799. Выходит третья книга альманаха «Аонида», в которой опубликованы четыре оды Державина: «Ода на рождение его императорского высочества великого князя Михаила Павловича» (С. 8), «К арфе Н. Н.»⁵³ (С. 16), «Ода на поднесение его императорскому величеству великого магистерства Ордена святого Иоанна Иерусалимского и на победу, над французами российским флотом одержанную 1798 года» (С. 194), «Стихи на случай отбытия графа Су-

⁵² Хорошем обществе (фр.). В цитируемой фразе употреблен женский род, восходящий к грамматическому роду французского слова «*compagnie*».

⁵³ Сочинено в Званке «для Пелагеи Михайловны Бакуниной, которая играла на арфе». П. Бакунина (в замужестве Нилова) — двоюродная племянница Дарьи Алексеевны Державиной. Вместе со своими сестрами Пелагеей и Варварой подолгу жила у Державиных.

ворова-Рымникского в Австрию, 1799 февраля <13> дня» (С. 210; позднее печаталась под названием «Орел»).

1802, август. В журнале «Вестник Европы» (Ч. 4. № 16) опубликовано стихотворение Державина «Утро» (С. 314–319), с примечанием издателя: «Оно напечатано в Петербурге вместе с Гимном Клеанта⁵⁴. Для удовольствия читателей Вестника, живущих в Москве и в провинциях, помещаю здесь эту в самом деле живописную картину утра».

1802, сентябрь. В «Вестнике Европы» (Ч. 5. № 17) анонимно опубликованы «Стихи Гаврилу Романовичу Державину на персвод Пиндара» О. Д. Баранова⁵⁵ (С. 28; с пометой: Присланы из Петербурга).

1803, февраль. В «Вестнике Европы» опубликована державинская «Первая Пиндарова пифическая песнь Этнянину Хирону, королю сиракузскому, на победу его колесницы» (С. 268–275), с примечанием Карамзина: «Любители русского стихотворства порадуются, что славный поэт наш и среди важнейших государственных дел еще занимается Музами. Они не могут упрекнуть любимца своего неблагодарностью. К.»⁵⁶.

1803, октябрь. В «Вестнике Европы» анонимно опубликовано стихотворение А. Ф. Лабзина «Индийскому брамину»⁵⁷ (С. 201–203; подпись: Прислано из Петербурга от неизвестного).

⁵⁴ Эти произведения изданы отдельной брошюрой.

⁵⁵ Баранов Дмитрий Осипович (1773–1834) – поэт, переводчик, член «Беседы любителей русского слова».

⁵⁶ Державин «тогда только что вступил в должность министра юстиции». Карамзину, возможно, было неизвестно, что перевод был выполнен в 1800 году.

⁵⁷ Под «индийским брамином» автор подразумевал Державина – автора «Послания индийского брамина» (1803). Подробнее см.: Морозова Н. П. О стихотворении Г. Р. Державина «К царевичу Хлору» // Н. А. Львов и его современники: Литераторы, люди искусства. СПб., 2002. С. 58–65.

1804, 11 февраля. Петербург. Основываясь на ложном слухе, Державин в письме И. И. Дмитриеву предостерегает Карамзина от редактирования жизнеописания жены А. А. Ушакова, в котором «будто г-жа автор описывает не токмо мужа, но и отца и мать свою самыми дурными красками. <...> Итак, ежели дошедшая сюда история справедлива, остерегите по дружбе Николая Михайловича, чтобы он не вмешивался в сии сплетни и не давал веры развращенной женщине, которая поведением своим уже давно известна» (*Державин*, 6, 146–147).

1804, 28 февралл. Петербург. Г. Р. Державин — И. И. Дмитриеву:

«Г. Ши. (Шишков) вызывал меня в разговорах на похвалу своей критики, сделанной им насчет новых писателей и, как кажется, более Ни. Ми. (Н. М. Карамзина. — Н. М.) Я ему отвечал, что я не грамматик, о всех тонкостях языка судить не могу; но мне кажется, что слишком пристрастны его рассуждения. Он отошел с неудовольствием. Я желаю Ни. Ми. такого же успеха в истории, как в изданных им творениях; но боюсь подражателей его, что они, выказывая свои таланты, силятся слишком проповедывать те правила, которых следствия опасны. Мы видим тому примеры. Не быв в делах, они все легко принимают и ищут только блестящего. Но мудрость заключается в середине крайностей» (*Державин*, 6, 148).

1805, 10 января. Петербург. Г. Р. Державин — И. И. Дмитриеву:

«...предвижу я между Москвою и Петербургом великую литературную бурю. Твердят уже здесь на театре русского Штерна⁵⁸; тут-то полетят громы и молнии; штыки нового и старого штиля засверкают, меж коими я, прижавшись в уголку, с истинным почтением пребываю и проч.» (*Державин*, 6, 166–167).

1805. Державин, переписываясь по поводу новгородской истории с отцом Евгением Болховитиновым, который советовал ему написать поэму о Новгороде, посылает последнему повесть Карамзина

⁵⁸ Комедия А. А. Шаховского «Новый Стерн», направленная против Карамзина.

«Марфа Посадница, или Покорение Новгорода»; о ее получении Болховитинов сообщает в письме Державину от 4 ноября 1805 года из Повгорода:

«М. г., Г<аврила> Р<оманович>. По переезде моем теперь совсем на зиму в Новгород первым долгом почитаю отвечать на почтеннейшее письмо ваше, при котором получил я карамзину (sic!)^{*} Марфу Посадницу» (*Державин*, 6, 170).

1805, 21 ноября. Петербург. Г. Р. Державин — И. И. Дмитриеву:

«Здесь продают старинный манускрипт под заглавием *Ковчег Русской Правды*. Не знаю, известен ли он Николаю Михайловичу» (*Державин*, 6, 173).

1807, 24 марта. Петербург. Запись в «Дневнике» С. П. Жихарева, посещавшего в это время литературный круг А. С. Шишкова: «...Карамзиным восхищается один только Гаврила Романович и стоит за него горою <...>» (*Жихарев*, 438).

1809, 15 февраля. Петербург. Г. Р. Державин — И. И. Дмитриеву:

«М. г. мой, Иван Иванович. Услышав, что вы возвратились из комиссии вашей, препровождаю к вам и к Н. М. Карамзину по экземпляру моих сочинений, заключающихся каждый в четырех томах⁵⁹. Если вам не паскучат мои бредни и захотите вы прочесть драматические мои произведения, то можете вы и Николай Михайлович полюбопытствовать о том у Василья Ивановича Нелидова⁶⁰, которому я ныне послал трагедию мою *Евтраксию*⁶¹, а чрез несколько почт доставлю *Ирода и Мариамну*⁶². — Вы удивитесь и, верно, скажете про себя, что я под старость ряхнулся с ума, пустившись по неизвестной мне поныне дороге в храм Мельпомены; но что делать

^{*} Так в источнике. — И. М.

⁵⁹ См.: Соч. Державина. Ч. 1–5. СПб.: В тип. Шнора, 1808–1816. Ч. 1–4 вышли в 1808 году.

⁶⁰ Нелидов В. И. (1752–1810), сенатор.

⁶¹ Написана в 1808 году.

⁶² Трагедия написана в 1807 году.

от безделья? Оды уже наскучили; итак, я хотел испытать русскую поговорку: смелым Бог владеет! Пусть господа ваши критики ценят, как хотят, но дело уже сделано. Препываю и т. д.» (Державин, 6, 196–197).

1809, октябрь. Державин читает статью Карамзина «О Богдановиче и его сочинениях» (1803), перепечатанную П. П. Бекетовым из «Вестника Европы» (1803. № 9. С. 3–18; № 10. С. 75–111) в «Собрании сочинений и переводов» И. Ф. Богдановича (Ч. 1. СПб., 1809. С. 7–85). Бекетов 7 ноября 1809 года пишет из Москвы Державину:

«М. г., Г<аврила> Р<оманович>. Письмо ваше от 1-го числа я имел честь получить и спешу изъявить за оное мою покорнейшую благодарность, а равно и за сделанные вами замечания в биографии Ип<полита> Фед<оровича> Богдановича; в ответ на сие честь имею сказать в<аше>му в<ысоко>пр<евосходительству>, что биография писана г. Карамзиным вскоре по кончине Ип<полита> Фед<оровича> и напечатана была по частям в Вестнике Европы, откуда я и взял ее с согласия г. Карамзина; сведения же к нему доставлены были от родного брата покойного, которому, вероятно, и не известны были совершенно все обстоятельства, касательно до Литературы; что же касается до году кончины его, то, конечно, сделана тут типографическая ошибка, которой и я невольно последовал; повторяю теперь покорнейшую мою благодарность за доставление сих сведений, я постараюсь, если можно будет, исправить эти погрешности»⁶³ (Державин, 6, 199).

1811, 19 февраля. Москва. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«О Беседе»⁶⁴ шишковской слышал. Желая ей успеха, по только в добре. Для чего сии господа не хотят оставить меня в покое? Впрочем, мое правило не злиться» (ПКД, 139).

⁶³ Я. К. Грот в комментарии к письму отмечает: «Такой ошибки нет ни в самой статье Карамзина, ни в перепечатке Бекетова; там сказано: "В начале декабря 1802 года Богданович занемог <...>; томился четыре недели и кончил жизнь 6 января», — разумеется, следующего года, что совершенно правильно» (Державин, 6, 199, прим. 3).

⁶⁴ Имеется в виду литературное общество «Беседа любителей русского слова» (1811–1816).

1816, 2 февраля. Карамзин приезжает в Петербург из Москвы с князем П. А. Вяземским.

«Историограф повез его (П. А. Вяземского. — Н. М.) вместе с Жуковским к ветерану русского Парнаса. Державин пригласил всех троих к себе обедать; но в назначенный день Карамзин не мог ехать к нему, быв, кажется, приглашен к императрице Марии Фсодоровне: Жуковский и Вяземский одни обедали у Державина; Карамзин же был позван им в другой раз. (Слыш<ал> от кн. Вяземского)» (Грот Я. К. [Примечание к письму В. А. Жуковского Г. Р. Державину от 17 апреля 1816 года из Дертта] // Державин, 6, 335–336).

1816, 12 февраля. Петербург. Г. Р. Державин — А. С. Шишкову:

«Московский приезжий автор Николай Михайлович Карамзин будет ко мне в наступающий вторник обедать; не угодно ли и вам будет ко мне пожаловать и составить приятную компанию? Мне чрезвычайно хочется познакомить вас» (Державин, 6, 332).

1816, 14 февраля. Петербург. Н. М. Карамзин — Е. А. Карамзиной:

«Нынешний день буду у Державина обедать со всеми моими смешными *неприятелями* и скажу им: «Есмь един посреде вас и не устрашуся!»» (Карамзин 1862, 148).

1816, 18 февраля. Петербург. Н. М. Карамзин — Е. А. Карамзиной:

«Славный мой обед с *неприятелями* не был для них весел: все сидели пахмурясь, хотя я и старался забавлять их Грамматикою, Синтаксисом, Этимологиєю. Добрый старик Державин вздумал было произвести меня в члены Российской Шишковской академии; но я сказал ему, что до конца моей жизни *не назовусь* членом никакой Академии и не буду ни в каком так называемом ученом обществе» (Карамзин 1862, 150).

1816, февраль. Воспоминания В. И. Панаева:

«В начале 1816 года явился в Петербург Карамзин, с восемью томами своей «Истории». Это произвело огромное впечатление на

мыслящую часть петербургской публики. Все желали видеть его; если можно, послушать что-нибудь из его "Истории". Двор также был заинтересован прибытием историографа: положено было назначить ему день, для прочтения нескольких лучших мест из его "Истории", во дворце, в присутствии их императорских величеств. "Виделись ли вы с Карамзиным?" — спросил я однажды Гавриила Романовича. "Как же: он у меня был и по просьбе моей общал прочесть что-нибудь из своей "Истории", не прежде, однако ж, как прочтет у Двора; но как я не хочу один насладиться этим удовольствием, то просил у него позволения пригласить нескольких моих приятелей. На днях поеду к нему и покажу список, кого пригласить намерен; тебя я также включил. Но меня вот что затрудняет: Александр Семенович Шишков — мой давний приятель и главный сотоварищ по *Беседе*; не пригласить его нельзя, а между тем это может быть неприятно Николаю Михайловичу, которого, ты знаешь, он жестоко преследовал в книге своей «О старом и новом слог»». Через несколько дней Гавриил Романович рассказал мне, что он был у Карамзина, показывал ему список и объяснил затруднение свое относительно Шишкова; но Карамзин отозвался, что ему будет весьма лестно видеть в числе слушателей своих такого человека, как Александр Семенович, и что он не только не сердит на него за бывшие нападки, но, напротив, очень ему благодарен, поелику воспользовался многими его замечаниями. "Я уверен, — промолвил Державин с одушевлением, — что «История» будет хороша: кто так мыслит и чувствует, тот не может писать дурно". Предположенное чтение, однако ж, не состоялось, потому что во весь великий пост не могло состояться и у Двора; оно было отложено до переезда императорской фамилии в Царское Село, а вскоре после Пасхи Державин <...> уехал на Званку» (Панаев, 121–122).

Воспоминания С. Т. Аксакова:

«Однажды Карамзин уведомил его (Державина. — Н. М.) запиской, что в такой-то день, в семь часов вечера, придет и прочтет отрывок из "Истории Российского государства". Державин пригласил многих знакомых, большею частью людей почтенных уже по одним своим летам; не знаю почему, меня прислал он звать не более как за полчаса до условленного начала чтения. Я был дома и поспешил явиться: интерес мой особенно возбуждался тем, что дни

за три Н. М. Карамзин сказал мне, что обещал Державину прочесть что-нибудь из "Истории" и прочтет такое место, которым он сам доволен, но сомневается, чтоб оно понравилось другим. Я нашел у Державина:

А. С. Шишкова, известного стихотворца гр. Д. И. Хвостова⁶⁵, также А. С. Хвостова⁶⁶, известного едкостью критических замечаний и в общественных беседах и в рукописных стихах, Ф. П. Львова⁶⁷, П. А. Кикина⁶⁸, Н. И. Гнедича⁶⁹ и многих других. Бьет семь часов — Карамзина нет; в Державине сейчас обнаружилось нетерпение, которое возрастало крещендо с каждой минутой. Проходит полчаса, и нетерпение его перешло в беспокойство и волнение: он не мог сидеть на одном месте и беспрестанно ходил взад и вперед по своему длинному кабинету между сидящими по обеим сторонам гостями. Несколько раз хотел он послать к Карамзину и спросить: будет он или нет; но Дарья Алексеевна его удерживала. Наконец, бьет восемь часов, и Державин в досаде садится писать записку <...>. К счастью, в самое это время принесли письмо от Карамзина. Он извинялся, что его задержали, писал, что он все надеялся как-нибудь приехать, и потому промешкал, и что просит Гаврилу Романыча назначить день и час для чтения, когда ему угодно, хоть послезавтра» (Аксаков, 331–332).

1816, 28 марта. Карамзин возвращается из Петербурга в Москву.

1816, 18 мая. Карамзин вместе с семьей выезжает из Москвы в Петербург.

1816, 24 мая. Карамзин прибывает в Царское Село.

⁶⁵ Хвостов Дмитрий Иванович (1757–1835) – поэт.

⁶⁶ Хвостов Александр Семенович (1753–1820) – поэт.

⁶⁷ Львов Федор Петрович (1766–1836) – двоюродный брат Н. А. Львова.

⁶⁸ Кикин Петр Андреевич (1775–1836) – генерал-майор, действительный член «Беседы любителей русского слова».

⁶⁹ Гнедич Николай Иванович (1784–1833) – поэт, переводчик «Илиады» Гомера.

1816, 30 мая. Державин приезжает из Петербурга на лето в Званку.

1816, 18 июля. Царское Село. Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву:

«Ты с грустию писал ко мне о смерти нищелюбивого И. В. Лопухина, моего старинного приятеля, а я с грустию же пишу к тебе о кончине Г. Р. Державина. В один день узнали мы о той и другой. Меня кольнуло в сердце. Естественно вспоминать об усопших только добром. Наш Пиндар готовился дать сельский пир друзьям своим и пал в могилу, которая часто бывала рифмою в его стихах. До сей минуты не знаю никаких подробностей. Здесь мало занимаются мертвыми. В воскресенье мы обедали в Павловске: никто не сказал мне ни слова о смерти знаменитого Поэта! Один Грек ревуэт в *Сыне Отечества*. Sic transit gloria mundi!»⁷⁰ (ПКД, 191).

⁷⁰ Так проходит земная слава (лат.).

М. А. Коропова

**Н. М. КАРАМЗИН И В. А. ЖУКОВСКИЙ:
МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

В настоящей летописи нами предпринят опыт хронологической систематизации некоторых известных нам и документально подтверждаемых сведений о литературных и личных отношениях Н. М. Карамзина и В. А. Жуковского. Отметим, что это лишь материалы к истории литературных отношений двух писателей, так как тема эта, несомненно, еще недостаточно изучена и потребуются, вероятно, многолетние усилия для того, чтобы придать работе достаточную степень полноты, особенно учитывая объем все еще не опубликованного наследия Жуковского.

Все цитаты из источников приводятся по нормам современной орфографии и пунктуации, с сохранением некоторых характерных особенностей языка первой половины XIX века. Письма А. С. Пушкина цитируются по большому академическому изданию (см.: Пушкин [А. С.] Полн. собр. соч.: В 17 т. [М.; Л.]: Изд-во Академии наук СССР, 1937–1959. Т. 13: Переписка 1815–1827. [М.; Л.], 1937). Все даты указаны по Юлианскому календарю.

Список сокращений

Арапов — Летопись русского театра / Сост. П. Арапов. СПб.: В тип. Н. Тиблена и комп., 1861.

Арзамас — Арзамас: Сб. в 2 кн. / [Под общ. ред. В. Э. Вадура и А. Л. Основата; Сост., подг. текста В. Э. Вадура, А. А. Ильина-Томица, Л. Н. Киселевой, К. А. Кумпан, В. А. Мильчиной, А. Л. Основата, О. А. Проскурина]. М.: Художественная литература, 1994.

АБТ — Архив братьев Тургеневых. Вып. 1–6. СПб. (Пг.): Изд. Отд. рус. яз. и словесности Императорской Академии наук (Вып. 5–6: Российской Академии наук), 1911–1921 / Вып. 1: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 года (I том) / Под ред. и с примеч. Е. И. Тарасова. СПб., 1911; Вып. 2: Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805–1811 гг. / С введ. и примеч. В. М. Истрина. СПб., 1911; Вып. 3: Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811–1816 годы (II том) / Под ред. и с примеч. приват-доцента С.-Петербургского ун-та Е. И. Тарасова. СПб., 1913; Вып. 4: Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1814 году / Под ред. В. М. Истрина. Пг., 1915; Вып. 5: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1824 годы (III том) / Под ред. и с примеч. Е. И. Тарасова. Пг., 1921; Вып. 6: Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. I: 1814–1833 годы / Под ред. и с примеч. Н. К. Кульмана. Пг., 1921.

Афанасьев — Афанасьев В. Жуковский. М.: Молодая гвардия, 1986. (Серия «Жизнь замечательных людей»).

Батюшков 1989 — Батюшков К. Н. Соч.: В 2 т. / [Сост., подг. текста, вступит. ст. и коммент. В. А. Кошелева]. М.: Художественная литература, 1989.

БЖТ — Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. I–III. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978–1988.

ВЕ — журнал «Вестник Европы» (1802–1830).

Веселовский 1999 — Веселовский А. Н. В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения»: [Воспроизведение изд. 1904 г.]. [М.]: INTRADA, 1999.

ГМ — журнал «Голос минувшего» (1913–1923).

Дмитриев 1893 — Дмитриев И. И. Соч.: В 2 т. / Ред. и примеч. А. А. Флоридова. СПб.: Изд. Евг. Евдокимова, 1893. Т. 2: Проза; Письма.

Дмитриев 1869 — Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти: Вторым тиснением, с значительными дополнениями по рукописи автора. М.: Изд. «Русского архива», 1869.

ЕРОПД — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1981.

Жуковский 1878 — Жуковский В. А. Соч. Изд. 7-е, испр. и доп. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Изд. книгопродавца И. И. Глазунова, 1878. Т. 6: Проза (1835–1852) и письма (1799–1852).

Жуковский 1900 — Неизданные письма В. А. Жуковского / Примеч. И. А. Бычкова // Русский архив. 1900. Кн. 3. № 9. С. 5–54.

Жуковский 1902 — Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред., с биогр. очерком и примеч. проф. А. С. Архангельского. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1902. (Приложение к журналу «Нива» за 1902 г.).

Жуковский 1903 — Дневники В. А. Жуковского / С примеч. И. А. Бычкова. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1903.

Жуковский 1907 — Письма Василия Андреевича Жуковского к Императору Николаю I и к Императрице Александре Феодоровне 1821–1852 гг. // Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1907. Вып. 1. С. I–VI, 1–140 (1 и 2 паг.).

Жуковский 1960 — Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959–1960.

Жуковский 1985 — Жуковский В. А. Эстетика и критика / [Вступит. ст. Ф. З. Кануновой и А. С. Янушкевича; Подг. текста, сост. и примеч. Ф. З. Кануновой, О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича]. М.: Искусство, 1985.

Загарин 1883 — Загарин П. В. [Поливанов Л. И.] В. А. Жуковский и его произведения: 1783–1883. М.: Изд. Л. Поливанова, 1883.

Зейдлиц 1883 — Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. 1783–1852: По неизданным источникам и личным воспоминаниям К. К. Зейдлица, с портретом поэта, факсимиле, письмами и с предисл. П. А. Вяземского. СПб.: Изд. ред. «Вестника Европы», 1883.

Иезуитова 1976 — Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. [Л.]: Лениздат, 1976.

Иезуитова 1989 — Иезуитова Р. В. Жуковский и его время. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1989.

Карамзин 1862 — Неизданные соч. и переписка Николая Михайловича Карамзина. Ч. 1. СПб.: В Тип. Н. Тиблена и Комп., 1862.

Летопись 1999 — Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М.: Изд-во Слово / Slovo, 1999. Т. 1: 1799–1824 / Сост. М. А. Цявловский; Т. 2: 1825–1828 / Сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова.

Лотман 1997 — Лотман Ю. М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Лотман Ю. М. Карамзин: Сотворение Карамзина; Статьи и исследования 1957–1990; Заметки и рецензии. СПб.: Искусство — СПб, [1997]. С. 637–804.

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. [Т.] I–V. СПб.: Изд. графа С. Д. Шереметева, 1899–1913 / [Т.] I: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812–1819. СПб., 1899; [Т.] II: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820–1823. СПб., 1899; [Т.] III: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824–1836. СПб., 1899; [Т.] IV: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1837–1845. СПб., 1899; Т. V. Вып. 1. СПб., 1909; Т. V. Вып. 2. СПб., 1913 / [Т.] I–IV: Под ред. и с примеч. В. И. Сaitова; Т. V. Вып. 1–2: Под ред. и с примеч. П. Н. Шеффера.

Переписка — Пушкин [А. С.] Полн. собр. соч.: В 17 т. [М.; Л.]: Изд-во Академии наук СССР, 1937–1959. Т. 13: Переписка 1815–1827. [М.; Л.], 1937.

Погодин 1866 — Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии / С примеч. и объясн. М. Погодина. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1866. Ч. I–II.

ПЖТ — Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу / [Публ. А. Ф. Бычкова; Объяснит. примеч. А. Ф. Бычкова и П. Бартенева]. М.: Изд. «Русского архива» по подлинникам, хранящимся в Императорской Публичной библиотеке, 1895.

ПКВ — Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому // Старина и новизна: Исторический сб., издаваемый при Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память Им-

ператора Александра III. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1897. Кн. 1. С. 1–204 (3 паг.).

ПКД — Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / По поручению Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук издали с примеч. и указателями Я. Грот и П. Пекарский. СПб.: В Тип. Императорской Академии наук, 1866.

ПКК — Выписки из писем Историографа Ник. Мих. Карамзина к брату его Вас. Мих. Карамзину и четыре письма его же к Александру Ивановичу Тургеневу // Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М.: В тип. А. Семена, 1847. С. 361–392.

ПКМ — Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому и письма Грибоедова к Степану Никитичу Бегичеву / Под ред. действительного члена и секретаря Общества М. Н. Лонгинова. М.: Изд. Об-ва любителей российской словесности при Императорском Московском ун-те, 1860.

РА — журнал «Русский архив» (1863–1917).

Резанов 1906–1916 — Резанов В. И., проф. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб. (Пг.): Сенатская тип., 1906–1916. Вып. [I]–II.

РЛ — журнал «Русская литература» (1958–). Издание продолжается.

РС — журнал «Русская старина» (1870–1918).

СН — Старина и новизна: Исторический сб., издаваемый при Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III. Кн. 1: СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1897; Кн. 2: СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1898; Кн. 4: СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1901; Кн. 12. М.: Синодальная тип., 1907; Кн. 19: Пг.: Тип. Главного управления уделов, 1915.

Тихонравов 1898 — Тихонравов Н. С. Соч. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1898. Т. 3. Ч. 1–2: Русская литература XVIII и XIX вв.; Русская литература XVIII и XIX вв. — Приложения.

Тургенев 1987 — Письма Андрея Тургенева к Жуковскому / Публ. В. Э. Вацуро и М. Н. Виролайнен // Жуковский и русская культура: Сб. науч. тр. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1987. С. 350–451.

УС — Уткинский сборник. [Вып.] 1: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой. М., 1904.

Цявловский 1951 — Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. [Т.] I.

1797, начало февраля. Москва. Жуковский поступает в Университетский Благородный пансион (см.: *Загарин 1883, 9*).

1799. Москва. В Университетском Благородном пансионе образуется «Собрание воспитанников», председателем которого избирают Жуковского. На торжественных заседаниях Собрания нередко присутствовали почетные гости, в том числе Карамзин и И. И. Дмитриев (см.: *Дмитриев 1869, 181*).

1800, декабрь. Москва. Запись в дневнике Андрея Тургенева от 20 декабря: «Сегодня ввечеру имели мы трое, М<ерзляков>, Ж<уковский> и я, преинтересный разговор. Началось тем, что М<ерзляков> или Ж<уковский> спросил, будет ли следующий век так же обилён, или обильнее, писателями. Мы сказали свое мнение <...>». Спор этот, в частности, затронул и вопрос о роли Карамзина, так как далее Андрей Тургенев подробно излагает высказанное им мнение о Карамзине, в значительной степени повторяющее его речь «О русской литературе» (*АБТ, 2, 74 (2 pag.)*).

1801, 12 января. Москва. Андрей и Александр Тургеневы, братья Кайсаровы, С. Родзянко, А. Мерзляков, А. Восейков, Жуковский и А. Офросимов подписывают законы учрежденного ими «Дружеского литературного общества» (*Тихонравов, т. 3, ч. 2, 157; Резанов 1906–1916, I, 178*).

1801, 24 февраля. Москва. Жуковский произносит на заседании «Дружеского литературного общества» речь, открывающуюся пространной цитатой из карамзинского послания «К Дмитриеву», излагает литературную программу Карамзина и «пересыпает» ее «цитатами из его произведений» (*Лотман 1997, 685*).

1801, весна. Москва. Андрей Тургенев произносит на заседании «Дружеского литературного общества» речь «О русской лите-

ратуре», в которой, в частности, упрекает Карамзина в псевдонародности и утверждает, что литературная деятельность Карамзина «более вредна, нежели полезна нашей литературе», так как он «вопреки русскому характеру и климату и пр. слишком склонил нас к мягкости и разнеженности» (*Резанов 1906–1916, II, 147–148*).

1801, апрель. Москва. Карамзин женится на Е. И. Протасовой, родственнице Е. А. Протасовой, сводной сестры Жуковского (см.: *Погодин 1866, I, 323*).

1802, 21 марта. Андрей И. Тургенев — Жуковскому, по поводу поэзии Карамзина: «А гротос. Стихи “К Эмилии” ведь прекрасны! Но смотри же, как в нем угасло пламя поэзии, он уже не написал бы теперь “К неверной” и даже, думаю, “Милости” и “Песнь к Божеству”. Что стал прозаический слог его? Но ему потому только заботиться не о чем, что уже прежде все это написано, а не вперед еще писать надобно. Впрочем, это только en passant» (*Тургенев 1987, 402*).

1802, первая половина мая, после 4. Жуковский, оставив службу в Соляной конторе, уезжает в Мишенское (см.: *Резанов 1906–1916, II, 207*).

1802, после 5 мая. Андрей И. Тургенев — Жуковскому: «Скажи, брат, ты ли писал стихи в 8 № “Вестника”: “Миг, картина и дверь”? Уведомь меня, тут подписано “Ж.”, но, может быть, это и Карамзин». В этом же письме он просит Жуковского о совете по поводу опубликования своей «Элегии» в «Вестнике Европы»: «Я кончил “Элегию”. Что естли бы напечатать ее в “Вестнике”? Но надобно сделать так, чтобы Карам<зин> не сделал этого для меня и потому, что, будучи знако<м>, совестно было бы отказать, а чтобы он сам захотел: а это, кажется, трудно и почти невозможно. Что ты думаешь?» (*Тургенев 1987, 406*).

1802, лето. Москва. Жуковский часто бывает у И. И. Дмитриева, вышедшего в отставку и поселившегося в Москве, в собственном доме в приходе Харитония в Огородниках, где встречается, по-ви-

димому, и с Карамзиным: «Наконец, получа отставку, я переселился в Москву, купил у профессора Лангера за пять тысяч восемьсот рублей деревянный домик с маленьким садом, близ Красных ворот, в приходе Харитония в Огородниках <...>. <...> Но не проходил ни один день, чтоб я не видался с Карамзиным <...>. <...> Одиночество мое оживлялось довольно часто беседою и молодых писателей: Василья Львовича Пушкина; Владимира Васильевича Измайлова и Василья Андреевича Жуковского» (*Дмитриев 1893, 54, 56*).

1802, декабрь. Москва. Вышел «Вестник Европы» (Ч. 6. № 24), в котором опубликовано «Сельское кладбище». При этом Карамзин меняет окончание фамилии Жуковского с *-ой* на *-ий* (см.: *Зейдлиц 1883, 22*).

1802, 22 декабря. Москва. Карамзин пишет письмо Е. А. Протасовой, в котором упоминает о своем намерении посетить ее летом (см.: *РА 1870, стб. 1689–1690*).

1803, весна. Жуковский живет в подмосковном имении Карамзина Свирлово, куда Карамзин переехал после смерти жены (см.: *Погодин 1866, I, 388; ПЖТ, 11*). По этому поводу Андрей И. Тургенев пишет Жуковскому: «Ты славно проводишь время твое, и я тебя поздравляю с дружбою и связью с Карамзиным и Дмитриевым» (*Тургенев 1987, 425*).

1803, март. Москва. Вышел «Вестник Европы» (Ч. 8. № 6), в котором опубликована статья Жуковского «О путешествии в Малороссию», посвященная разбору произведения князя Шаликова.

1803 (?), 21 апреля. Жуковский — Е. А. Протасовой: «Скажу о себе, что я, может быть, месяцем позже вас увижу: я еду на месяц в Свирлово жить вместе с Николаем Михайловичем. Вообразите, какое блаженство, и порадитесь вместе со мною. Его знакомство для меня — счастье, и, верно, мой добрый дух сказал вам, чтобы вы послали меня с письмом к нему: без того я бы к нему от своей глупой застенчивости не поехал» (*РА 1895, 3, с. 494*).

1803, лето. Жуковский живет у Карамзина в Свирлове (см.: *Погодин 1866, I, 388*). К этому же времени относится появление замысла повести «Марьяна роща», написанной под влиянием повествовательной манеры Карамзина. Об этом сам Жуковский упоминает в письме И. П. Тургеневу¹ от 11 августа 1803 года: «Недавно, перечитывая стихи на *Марьяну рощу*, которые начал было я сочинять в Свирлове, я прочел в них с некоторым трепетом след<ующие> два стиха:

Чту ждет меня в дали на жизненном пути?

Чту мне назначено таинственной судьбою?»

(ПЖТ, 11).

1803, июль. Москва. Вышел «Вестник Европы» (Ч. 9. № 12. С. 244–279), в котором опубликован перевод повести С. Ф. де Жанлис «Меланхолия и воображение» (С. 3–37). Возможно, значительный фрагмент перевода повести принадлежит Жуковскому². В примечании ко второй части в июльском номере Карамзин упоминает о том, что «первые двадцать страниц переведены не издателем, а одним молодым человеком, которого приятный слог со временем будет замечен публикою».

1803, 11 августа. Жуковский — И. П. Тургеневу, в ответ на его письмо, содержащее сообщение о смерти Андрея И. Тургенева, последовавшей 8 июля 1803 года: «Как бы то ни было, доверенность к Провидению! как говорит Карамзин и как должен говорить всякой доброй человек» (ПЖТ, 10).

1803, осень. Жуковский в Белеве (см. письма А. Ф. Мерзлякова Жуковскому: РА 1871, стб. 0140–0144). Мерзляков — Жуковскому:

¹ Корреспондент Жуковского — Иван Петрович Тургенев, отец братьев Тургеневых, известный масон, директор Московского университета (1797–1803).

² См.: Петрунина Н. Н. Жуковский и пути становления русской повествовательной прозы // Жуковский и русская культура: Сб. науч. тр. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1987. С. 55.

«Что писать тебе о Карамзине? Ты его знаешь больше, нежели я. Он показался мне *почти* таким, как об нем говорят. За новость скажу, что он сделан почетным членом нашего университета и что он не будет уже на следующий год издавать Вестника. Книгопродавцы, опасаясь остаться без журнала, хотят поручить многим то, что он делал один. Они уговаривали меня взяться за это. Но мои обстоятельства совсем не такие, чтобы всегда быть в струне, как говорится. — Не хочешь ли ты? Мне поручено тебя спросить об этом» (РА 1871, стб. 0145).

1803, 31 октября. Карамзин назначен придворным историографом (см.: *Погодин 1866, I, 397*).

1803, декабрь. Выходит декабрьский номер «Вестника Европы» (Ч. 12. № 23–24), в котором Карамзин извещает читателей об отказе впредь быть редактором журнала (С. 282–285). В этом же журнале опубликованы повесть Жуковского «Вадим Повгородский» (С. 211–234), сюжет которой был подсказан Карамзиным (см.: *Резанов 1906–1916, II, 87; Тихонравов, т. 3, ч. 1, 437*), и переведенное им «Письмо французского путешественника».

1803, конец года — 1804, начало года. Жуковский читает «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова (СПб., 1803), оставляя на полях множество помет, касающихся Карамзина, с оценкой его творчества и роли в русской словесности: «Назовите хотя одно оригинальное русское сочинение в прозе прежде Карамзина» (*БЖТ, 1, 110*); «Кто эти новомодные писатели? Карамзин не есть новомодный, а лучший русский прозаист. Он один писал у нас свое в прозе, и так, как надобно» (*Там же, 111*).

1804, лето. Жуковский гостит в Свирлове, где с начала 1804 года большую часть времени живет и работает над «Историей государства Российского» Карамзин (*Погодин 1866, 1, 389*).

1804, 31 октября. Карамзин — Жуковскому: «Сердечно благодарю Вас, мой любезный Василий Андреевич! Катерина Андреевна, слава Богу! родила хорошо, и до сей минуты все идет, как надобно. С душевным удовольствием верю вашей дружбе и смею думать,

что между искренними, добрыми сердцами и моим не должно быть антипатии. Обнимаю вас мысленно и дам вам знать, когда можем увидаться без хлопот» (РА 1868, стб. 1827; РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1194а, л. 2).

1804, 24 ноября. Карамзин — Жуковскому: «Именинница вас искренно благодарит, любезный мой Василий Андреевич! Поздравьте от меня Катерину Семеновну³. Если не можно нынешний день, то нельзя ли обедать в субботу?» (РА 1868, стб. 1827–1828; РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1194а, л. 2 об.).

1805, 3–4 марта. Жуковский приезжает в Москву, чтобы отправиться с А. И. Тургеневым в Петербург, куда они уезжают 8 марта (АБТ, 2, 334 (3 pag.)). По-видимому, 6 марта Жуковский встречается с Карамзиным на обеде у А. И. Тургенева. А. И. Тургенев — А. С. Кайсарову⁴: «Мы часто бываем вместе с Карам<зиным> и Дмитриевым. Вчера я давал им и всем Пемецким Профессорам славный обед» (АБТ, 2, 335 (3 pag.)). 12 мая Жуковский еще в Москве (АБТ, 2, 338 (3 pag.)).

1805, лето — 1806, конец года. Жуковский проводит этот год почти безвыездно в Мишенском и Белеве (см.: Зейдлиц 1883, 29–32; Жуковский 1903, 10–36).

1806. Жуковский в дневнике исчисляет наиболее важные события своей жизни: «Знакомство с Дмитриевым. Козлятев⁵. С Карамзинным»; «Короткое знакомство с Карамзиным. Жизнь в Свирлопе. Смерть <Андрея> Тургенева. Вадим. Женитьба Карамзина» (Жуковский 1903, 39–40).

³ Вероятно, речь идет о Екатерине Семеновне Тургеневой, матери братьев Тургеневых.

⁴ Корреспондент А. И. Тургенева — Андрей Сергеевич Кайсаров (1782–1813), публицист, филолог, поэт.

⁵ Речь идет о Федоре Ильиче Козлятеве — друге И. И. Дмитриева, служившем вместе с ним в Семеновском полку.

1806. Москва. И. И. Дмитриев — Жуковскому: «...скоро ли мы увидим что-нибудь вашего произведения, не зародился ли какой-нибудь впуск *Марфы Посадницы*? Но я лучше бы желал увидеть колдунью в *Марьиной роще*, или, в роде идиллии, возвращающегося со службы воина в свою отчизну, или *барда на поле битвы после ночного сражения*, или оду: Песнопевец, или Четыре времени дня; но мало ли что приходит в голову на досуге!» (*Дмитриев 1893, 207; курсивом нами выделены названия сочинений Карамзина и Жуковского*).

1806, весна. Карамзин — Жуковскому: «Христос воскрес! Я не забыл нашего условия; но жестокая болезнь князя и несколько времени мое собственное нездоровье мешали мне назначить день для чтения. Князю опять нет лучше, и мы в крайнем беспокойстве. Поздравьте от меня с праздником любезного Димитрия Николаевича <Блудова> и скажите ему о причине моего долговременного молчания. Желаю, чтобы он не имел обо мне худых мыслей: ибо искренно уважаю его» (*РА 1868, стб. 1828; РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1194а, л. 2 об.*).

1806, конец года. Жуковский возвращается в Москву (см.: *ПЖТ, 19–20, 24*).

1807, начало февраля. Москва. Жуковский — А. И. Тургеневу: «В четверг буду у Карамзина и спрошу у него, что за птица *Большой Чертеж*» (*ПЖТ, 32*).

1807, июнь. Москва. Жуковский пишет Д. Н. Блудову о намерении взяться за издание «Вестника Европы»: «На будущий год непременно беру *Вестника*; товарищей у меня не будет: Мерзлякову нельзя, других не возьму, потому что это товарищество может легко обратиться в несогласие» (*Жуковский 1900, 5*).

1807, июнь — начало июля. Жуковский уезжает в Белев (см.: *ПЖТ, 34; Жуковский 1900, 5*).

1807, конец года, не позднее последних чисел ноября. Жуковский уже в Москве (см.: *ПЖТ, 37*).

1808, начало года. Жуковский окончательно переселяется в Москву и принимается за издание «Вестника Европы» (см.: *Зейдлиц* 1883, 34).

1808, до 26 августа. Вяземский — Жуковскому: «Как вы мне прислали критику, так и я вам пришлю в деревню на ваш Гимн: Н<иколай> М<ихайлович>, читая се, заметил в ней некоторые ошибки: вам, верно, будет приятно их знать» (РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 21, л. 43 — 43 об.). Основания датировки: в 1808 году Жуковский переводит «Гимн» Томпсона; уже в письме от 26 августа 1808 года Вяземский обращается к Жуковскому на «ты».

1808, июль. Москва. Вышел «Вестник Европы» (Ч. 40. № 14), в котором Жуковский публикует свой «Гимн», подражание Томпсону («Времена года»). Заглавие он заимствует у Карамзина, который еще в 1789 году перевел отрывок из «Времен года» (см.: *Детское чтение*. 1789. Ч. 18. С. 151).

1808, 22 июля. А. И. Тургенев навещает Карамзина в Остафьево. Возможно, с ним ездил и Жуковский, с которым Тургенев активно общается в это время (АБТ, 2, 362 (3 paz.)).

1808, 26 августа. Остафьево. Вяземский — Жуковскому: «Читая с Н<иколаем> М<ихайловичем> твой последний журнал, я узнал от него, что русский анекдот⁶, в нем находящийся, должен быть ложный, — а вот почему: во-первых, потому, что он очень *signaturel*⁷, во-вторых, потому что герой одного барон Крейц уже часто и прежде обманывал подобными письмами, писанными им самим, но только под чужими именами, самого Карамзина, когда он издавал твой Вестник: *c'est une maniere syre d'ktre louй quand on forge soitmkme des anecdotes a sa bonaparte*⁸. А тебе оно для того сказал, что

⁶ См.: Русский анекдот: Письмо к издателю из Ревеля // Вестник Европы. 1808. Ч. 40. № 15. Здесь, в частности, восхваляется доблесть полковника Крейца.

⁷ Сверхъестественный (фр.).

⁸ Это верный способ самоутвердиться, самому создавая анекдоты в свою пользу (фр.).

сей обманщик Крейц обещался тебе и еще прислать тому анекдоту подобные» (РГАЛИ, ф. 198, оп. 2, № 20, л. 6 об.).

1808 (?), 23 сентября. М. Г. Бунина⁹ — Жуковскому: «Отпиши, как ты бываешь у Карамзина и как он к тебе, ласков ли» (РА 1883, 1, стб. 210).

1809, январь. Москва. Вышел «Вестник Европы» (Ч. 43. № 2). В этом номере Жуковский без подписи печатает начало своей повести «Марьяна роща» (С. 109–128). Окончание см.: Там же. Ч. 43. № 3. С. 211–233.

1809, май. Жуковский уезжает в Мишенское (Жуковский 1878, 6, 387).

1809, 15 сентября. Белев. Жуковский — А. И. Тургеневу: «Озеров с великим талантом и чувством. Я беспрестанно ссорюсь за него с Карамзиным, который назвал *Фингала* дрянью. А *Фингал* делает честь нашей поэзии: три прекрасных характера, Моины, Фингала и особливо *Старна*, который весь принадлежит Озерову, ибо в хороших Французских трагедиях я не знаю ни одного *мстительного отца*» (ПЖТ, 52).

1809, октябрь. Жуковский приезжает в Москву, где осенью 1809 года пишет для «Вестника Европы» статьи о театре (Афанасьев, 104).

1809, октябрь, 16. Москва. Карамзин — В. М. Карамзину: «Издателям Вестника Европы не велено, как я слышал, писать о политике: ибо они из разных газет иностранных сообщали многие ложные известия, противные осторожному благоразумию» (ПЖТ, 371).

1809, декабрь. Жуковский оставляет издание «Вестника Европы», редактором которого считался вплоть до 1810 года, передает

⁹ Корреспондент Жуковского — Мария Григорьевна Бунина, жена А. И. Бунина, отца адресата письма.

его Каченовскому и уезжает на родину (см.: *Зейдлиц 1883, 42–43*), откуда возвращается к марту 1810 года.

1810, начало февраля — середина марта. Москва. Жуковский и Батюшков у Карамзина. Знакомство Батюшкова с Вяземским. Вяземский — Бартеневу, 22 апреля 1869 года, о знакомстве своем с Батюшковым: «Живо помню мое первое свидание с ним. Жуковский привез его к Карамзину, с которым тогда жил и я. Он был во фраке и в сапогах (в 8-м или 9-м году) и, вероятно для большей почтительности и официальности, при треугольной шляпе. Я тогда Московский львенок, еще до изобретения львиной породы, был возмущен этою неловкостью и нарушением туалетного уложения. Я заметил о том Жуковскому, который крепко сердился на меня и пенял мне за мою мелочность и малодушие» (*РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 561 (5), л. 283 — 283 об.*). Основания датировки: событие, о котором говорит Вяземский, не могло произойти ранее первых чисел февраля 1810 года. Как следует из письма Батюшкова к П. И. Гнедичу от 1 февраля, в тот момент он с Карамзиным еще не знаком, однако надеется на скорую встречу (см.: *Батюшков 1989, 2, 119*). Нижняя дата определяется по письму Батюшкова к Вяземскому, написанному в конце марта 1810 года: из текста этого письма следует, что поэты некоторое время уже знакомы (см.: *Батюшков 1989, 2, 126–127*).

1810, 10 марта. Москва. В письме И. И. Дмитриеву Жуковский упоминает о встрече с оправившимся от болезни Карамзиным: «Проведя целый день в важнейших государственных заботах, вы засыпаете каждый вечер с приятною мыслию о своем уединенном Московском домике, о своем саде, о своей люльке доброго эгоиста, о своих Московских знакомых; это я слышал от нашего почтенного, возвратившегося из царства мертвых историографа» (*Жуковский 1900, 8–9*).

1810, начало апреля. Москва. Жуковский, выполняя поручение А. И. Тургенева, просит Карамзина ходатайствовать перед И. И. Дмитриевым (министром юстиции с января 1810 года) за некоего Копецкого, сведений о котором разыскать не удалось: «Спешу ис-

полнить твое поручение о Копецком, которого, надобно тебе знать, совсем не знаю. Я видел его всего на всё один раз у Карамзина и еще когда-то, за несколько веков перед сим, у Баккаревича¹⁰. Все это еще не дает мне права рекомендовать его Дмитриеву. Впрочем, и нельзя мне присылать никого к Дмитриеву с моими рекомендательными письмами: ты знаешь его щекотливость; но я говорил о Копецком Карамзину, который и хочет написать об нем И. И. Он не берется утверждать, что К<опецк>ий — человек по всем отношениям хороший, ибо он его знает еще меньше меня; но он будет просить Дмитриева, чтоб он его принял и постарался сделать ему возможное добро». Судя по письму Карамзина И. И. Дмитриеву от 10 апреля 1810 года, он действительно написал последнему о Копецком (см.: ПЖТ, 53; ср. упоминание имени Копецкого: ПЖД, 127).

1810, 11 июля. Белев. Жуковский — А. И. Тургеневу. «Первая <комиссия>: прислать мне, если можно, Шлецерова *Нестора*¹¹, Гебгартово, Машево и Тунмановы сочинения о нравах древних Славян (титула сих книг не знаю, но слышал об них от Карамзина и теперь имею в них нужду)»¹² (ПЖТ, 54–55). В этом же письме Жуковский упоминает о своем пребывании у Карамзина в Остафьеве: «... (в это время я жил у Карамзина в деревне <...>) <...>» (ПЖТ, 55–56).

1810, 12 сентября. Муратово. Жуковский пишет А. И. Тургеневу о замысле поэмы «Владимир», прилагая заметку с ее планом

¹⁰ Баккаревич Михаил Никитич (1775–1819) — преподаватель словесности и помощник инспектора в московском Университетском Благородном пансионе. Затем служил по Морскому министерству, был помощником статс-секретаря Государственного совета и, наконец, по Министерству полиции. — *Примеч.* 1895 г.

¹¹ Известный труд Августа Шлецера в пяти томах (Guttingen, 1802–1809). — *Примеч.* 1895 г.

¹² Труды немецких и шведского ученых Gebhardi (?–1802) «Geschichte aller wendisch-slawischen Staaten» (Halle, 1790–1797; 4 тт.), пастора Мама (Masch; ?–1807) «Die gottesdienstliche Alterthümer der Obotriten, aus dem Tempel zu Rethra am Tollener-See erläutert» (Berlin, 1771) и Thunmann'a (?–1778) «Untersuchung über die alte Geschichte einiger nordischen Völker» (Berlin, 1772) и «Untersuchung über die Geschichte der östlichen europäischen Völker» (Leipzig, 1774). На эти труды ссылается Карамзин в своей «Истории». — *Примеч.* 1895 г.

(см.: ПЖТ, 58), а также отвечает на упрек в том, что не опубликовал присланного ему «Послания к В. А. Жуковскому» В. Л. Пушкина: «А стихов его я не поместил для того, что они слабы, заключают в себе одну только брань, которая есть бесполезная вещь в литературе; впрочем, поместить их более не хотел Каченовский, не желая заводить ссоры, в чем я и согласен. Шишкова почитаю суеверным, но умным раскольников в литературе; мнение его о языке то же, что религия раскольников, которые почитают священные книги более за то, что они старые, а старые ошибки предпочитают новым истинам и тех, которые молятся не по старым книгам, называют богототушниками. Таких раскольников надобно побеждать не оружием В<асилия> Львовича, слишком слабым и нечувствительным» (ПЖТ, 62–63).

1810, 24 сентября. Москва. Каченовский — Жуковскому, который формально все еще является редактором «Вестника Европы»: «Мы с вами не одного мнения о некоторых предметах, я рад бы <в> журнале пошутить над стихами на всерадостнейшее получение ордена (Аглая, <1810>, ч. XI, кн. 2, стр. 64):

В потомстве Карамзин близ Тацита, Плутарха
И Гита Ливия назначил тем себе
И место верное и должная награды!¹³

А вам, знаю по опыту, шутка моя показалась бы святотатством. В последней, например, книжке Аглаи так (стр. 45) напечатано:

Клио, в истории зря нашей мрак один,
Рекла: да будет свет, родился Карамзин!¹⁴.

¹³ В 1810 г. Н. М. Карамзину был пожалован орден (Владимир 3-й степени), на получение которого и отзывается автор комментируемых стихов. — *Примеч. публ.* (см.: *Из неизданной переписки В. А. Жуковского* / Публ. Р. В. Иезуитовой // ЕРОПД. С. 92).

¹⁴ Аглая, 1810, ч. XII, с. 45. — *Примеч. публ.* (см.: *Из неизданной переписки В. А. Жуковского* / Публ. Р. В. Иезуитовой // ЕРОПД. С. 92).

Я готов назвать <?> это болтанием, ослеплением, ребяческим энтузиазмом, но как же мне решиться на то, ежели я связан?» (ЕРОПД, 90–91). После этого письма последовал обмен рукописными резкостями, но до разрыва не дошло. Жуковский был отходчив и примирился с Каченовским.

1810, вторая половина декабря. Москва. Жуковский возвращается из Белева в Москву (см.: ПЖТ, 89).

1811, начало февраля. Карамзин уезжает в Тверь для чтения своей «Записки о древней и новой России» великой княгине Екатерине Павловне (см.: Погодин 1866, II, 77), откуда возвращается в ночь с 18 на 19 февраля (см. его письмо И. И. Дмитриеву от 19 февраля 1811 года: ПКД, 137).

1811, между 8 и 13 марта. Карамзин уезжает в Тверь по приглашению великой княгини Екатерины Павловны для ознакомления Александра I с «Историей государства Российского» (см.: Погодин 1866, II, 78), откуда возвращается 23–24 марта (см. его письмо И. И. Дмитриеву от 22 марта 1811 года: ПКД, 142).

1811, 21 апреля. Петербург. С. С. Уваров — Жуковскому: «Я послал Н. М. Карамзину Шлегеля книгу о Индии, которую я вам советую прочесть. Скажите Николаю Михайловичу, что Шлегель пишет мне, то он напечатал последнее сочинение о *Новейшей Истории*. Как скоро сия книга дойдет до рук моих, то я доставлю ее вам в Москву» (РА 1871, стб. 0158).

1811, 4 мая. Москва. Жуковский в письме Уварову упоминает о своем посещении Карамзина: «На сих днях я был у Николая Михайловича и исполнил ваше препоручение, то есть сказал ему о новой Шлегелевой книге, которую вы намерены со временем ему прислать» (Жуковский 1900, 11).

1811, 15 мая. Петербург. Уваров — Жуковскому: «Я вас почтительно прошу узнать, получил ли Николай Михайлович письмо мое при Шлегелевой книге о *Индии*» (РА 1871, стб. 0159).

1811, 31 мая. Карамзины вновь уезжают в Тверь (см.: *Погодин 1866, II, 85*), откуда возвращаются в Москву, по-видимому 4–5 июня (см. *письмо Карамзина И. И. Дмитриеву от 3 июня 1811 года: ПЖД, 149*).

1811, 15 июня. Остафьево. Карамзин — Жуковскому, выражая соболезнования по поводу смерти его матери, турчанки Сальхи, и вдовы А. И. Бунина (отца Жуковского) Марии Григорьевны: «От глубины сердца изъявляю участие в вашей горести. Одно время утешит вас; а друзья могут только плакать с вами. Жалею искренно, что вы от нас далеко. Мы сострадаем и беспокоимся. Напишите хотя строчку. Бескорыстно желаем, чтобы вы поискали рассеяния в Москве: деревня представляет вам более мучительных воспоминаний. Нежно вас обнимаю. Жена моя чувствует одно со мною. Будьте здоровы. Любезной Екатерине Афанасьевне¹⁵ и любезным дочерям ее наш дружеский поклон. Ваш верный Н. Карамзин» (*РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 109, л. 1; ГМ 1919, 1–4, 39*).

1811, около 17 июля. Жуковский приезжает в Белево (*АБТ, 2, 447*).

1811, октябрь. Жуковский — Вяземскому: «Получил ли Николай Михайлович чин? Тургенев писал ко мне, что он не доволен коллежским советником <...>. Хочешь ли меня очень много одолжить? Выпроси у Николая Михайловича табак и пришли мне его по первой почте. Здесь совсем негде взять этой драгоценности, а для меня она необходима» (*РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 11 об. — 12*). Основание датировки: чин коллежского советника Карамзин получил в конце 1811 года: уже в письме от 3 ноября Жуковский поздравляет Карамзина с чином.

1811, 3 ноября. Жуковский — Вяземскому: «Скажи мой поклон Н<иколаю> М<ихайловичу> и Е<катерине> А<ндреевне>. Поздравляю Н<иколая> М<ихайловича> с чином, и поздравляю

¹⁵ Речь идет о Екатерине Афанасьевне Протасовой.

как человек, которому все, касающееся до него, чин же почти как собственный, важно» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 13 об.).

1811, 6 ноября. Жуковский — Вяземскому, по поводу его женитьбы и связанной с этим размолвки с Карамзиными: «Последним твоим письмом я весьма доволен потому, что оно упокоило меня на счет твоего разрыва с Карамзиными; хотя это примирение и не совсем оправдывает твою совесть, но оно было тебе необходимо для того, чтобы твое нездешнее счастье было полно» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 22).

1812, весна. Вяземский, упрекая Жуковского в бездействии и уговаривая его служить, приводит в письме слова Карамзина: «Карамзин первый укоряет тебя за твою лень и считает за необходимость, чтобы ты начал служить. Клянусь тебе честью, день, в который ты согласишься на наши просьбы, будет одним из счастливейших моих дней» (РГАЛИ, ф. 198, оп. 2, № 20, л. 12). Основание датировки: в этом же письме Вяземский упоминает о том, что «уже стоит в числе будущих отцов». Первый сын Вяземского Андрей родился в десятых числах октября 1812 года (см. письмо А. И. Тургеневу от 16 октября 1812 года: ОА, 1, 5), а уже летом Жуковский приезжает в Москву.

1812, после 18 мая. Жуковский — Вяземскому: «Что ж касается до заговоров против Карамзина, то пускай эти заговорщики квакают, и пускай Василий Львович с ними бранится: с обеих сторон пустой труд. Наш Ник<олай> Мих<айлович> в этом случае поступает как истинный Автор, достойный своего почтенного звания, он не думает о вралях, пишет и отвечает новыми прекрасными произведениями. Лучший способ для авторов-царей уничтожать все заговоры авторов-рабов. Напрасно Пушкин горячится; ссорами только навлечешь на себя неприятности и испортишь у себя кровь. Я положил себе за правило не принадлежать ни к какой партии, не мешаться ни в какие распри (для сбережения своего покоя, ибо кто отвечает за свое самолюбие), довольствуясь одним наслаждением труда, ожидая без всякого беспокойства заслуженной награды, то есть похвал избранных, но не ставя ее своею целию. Ибо эта похвала

ничто в сравнении с тем удовольствием, которое чувствуешь, когда трудишься. Это, кажется, должно быть залогом каждого автора, который уважает свое достоинство. А я, любезный друг, хочу быть автором, и более ничего» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 66 об. – 67). Основание датировки: в этом же письме Жуковский упоминает о том, что «послание к Батюшкову почти готово, осталось написать стихов тридцать». Между тем послание «К Батюшкову» датируется второй половиной мая 1812 года (Жуковский 1999, 1, 574–575). Кроме того, данное письмо Жуковского, скорее всего, является ответом на письмо Вяземского от 18 мая 1812 года, в котором он, в частности, пишет Жуковскому: «Карамзина на днях родила Наташу, и бедный и почтенный Николай Михайлович захворал было не на шутку. Теперь ему гораздо лучше. Дай Бог ему долгих дней и для меня, и для тебя, и для России, и для всех друзей добра. Человек прескрасный, которого зная нельзя не любить и не почитать. Кабаны, против него бунтующие здесь, гадки, и *твоя жена* из первых¹⁶. Пушкин с этими свиньями сражается языком, а я крепко думаю, что разделаюсь с ними рукой. У скота Борыса¹⁷ собираются по воскресеньям и о Карамзине говорят венцы, от которых дыбом волосы становятся. Дай мне только подслушать, и я молчать их заставлю» (РГАЛИ, ф. 198, оп. 2, № 21, л. 29 об.). О рождении дочери Натальи Карамзин писал к И. И. Дмитриеву (см. его письмо от 9 мая 1812 года: ПКД, 163).

1812, 7 августа. Москва. Карамзин – Е. А. Карамзиной: «Вечер дома с Геймом¹⁸, Жуковским и Князем...» (см.: Погодин 1866, II, 96).

¹⁶ Шутливое прозвище М. Т. Каченовского (1775–1842).

¹⁷ Речь идет о Борисе Владимировиче Голицыне. См.: РГАЛИ, ф. 198, оп. 2, № 21, л. 108.

¹⁸ Речь идет об Иване Андреевиче Гейме (1758–1821), профессоре всемирной истории, статистики и географии (1782–1821), а в 1812 г. ректоре Московского университета. Подробнее о нем см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекшее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года / Сост. трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по алфавитному порядку: В 2 ч. Ч. 1. М.: Университетская тип., 1855. С. 188–191.

1812, 12 августа. Москва. Жуковский вступает в московское ополчение (см.: Зейдлиц 1883, 50).

1812, после 26 августа. Москва. В записи из альбома императрицы Александры Федоровны, сделанной, по-видимому, княгиней Д. Х. Ливен (см.: Иезутова 1989, 141), упоминается о встрече Карамзина, Вяземского и Жуковского, состоявшейся в Москве накануне оставления ее русской армией: «За несколько дней до вступления врага в Москву г-н Карамзин, остававшийся там одним из последних, пришел к кн. Петру Вяземскому, который получил контузию в Бородинской битве и был перевезен в Москву. Он находит кн. Вяземского, лежащего на своем канале и столь довольного этим, что не очень-то озабоченного будущим; Жуковского, сидящего рядом с ним и сосредоточенно занятого писанием. “Что вы там пишете?” — спрашивает г-н Карамзин и, заглянув, видит список того, что Жуковский приехал купить в Москве. Моченые яблоки, свежие яблоки, арбузы и другие самые разные фрукты. “Э, дорогой мой, — говорит ему г-н Карамзин, — здесь вы уже не найдете и хлеба, так забудьте про все ваши освежительные фрукты <...>”» (Иезутова 1989, 142).

1812, 20 августа. Москва. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Многие из наших общих знакомцев уже в бегах. Я благословил Жуковского на брань: он вчера выступил отсюда навстречу к неприятелю» (ПКД, 165).

1812, 12 декабря. Нижний Новгород. Карамзин — Вяземским: «О Жуковском ничего не знаю. Вероятно, что он в штате фельдмаршала» (РА 1866, стб. 235).

1813, январь. Жуковский возвращается из армии и уезжает в Муратово (см.: Зейдлиц 1883, 56).

1813, апрель — до 12 мая. Жуковский пишет И. И. Дмитриеву не дошедшее до нас письмо, включавшее стихотворение о сгоревшем доме адресата в Огородниках, в котором упоминается и Карамзин, часто бывавший у Дмитриева (Жуковский 1999, 1, 260–261).

1813, 13 июня. Жуковский — Вяземскому: «Где Карамзин и что с ним делается? Не потерпела ли его История от пожара московского, и спас ли он свои рукописи?» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 27).

1813, после 13 июня. Вяземский — Жуковскому: «Я прочел твою балладу Светлану. Bravo! Как целое, она лучше по мне двух первых, жаль только, что есть в ней некоторые сходства с ними. Я ее показывал Карамзину, и он сделал некоторые замечания справедливые: в конце ты говоришь «О, не знай сих страшных снов, ты, моя Светлана», — и вдруг: «Будь Создатель ей покров»; еще: «ах! да пронесется мимо бедствия рука!». По грамматическому смыслу выходит, будто *рука* должна пронестись мимо *бедствия*. Выражение *сердце дышит* ему не нравится, а по мне оно хорошо и смело и ново, но, *однако ж*, хорошо» (РГАЛИ, ф. 198, оп. 2, № 20, л. 43). Основание датировки: в этом же письме Вяземский упоминает о пересылке Жуковскому кольца («Кольцо не посылаю потому, что не знаю, как это сделать»); по-видимому, имеется в виду перстень, пожалованный императрицей Жуковскому в мае 1813 года (см. письмо И. И. Дмитриева В. А. Жуковскому от 12 мая 1813 года: Дмитриев 1893, 218) за стихотворение «Певец во стане русских воинов». Кроме того, в этом же письме упоминается знакомый Жуковского Моро, о котором Жуковский впервые пишет Вяземскому в письме от 13 июня 1813 года (см.: РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 26).

1813, 10 июля. Остафьево. Карамзин — Жуковскому: «Сердечно благодарю вас за дружеское письмо, любезный Василий Андреевич. Горесть наша велика. Бог знает, что и для чего делает. Да будет Его святая воля! Между тем я не то, что был. Душа более и более темнеет. Истерзанный потерями, опасаясь наслаждаться и остальным. Искренно желаю увидеть вас. В надежде на скорый мир думали мы ехать в Петербург: теперь говорят, что опять возобновится война. Может быть, останемся в Москве на зиму. Не хочу делать планов. Жена и дочери мои вам дружески кланяются. Меньшая опять не может. Простите. Обнимаю вас от души. Преданный вам Н. Карамзин» (РА 1868, стб. 1829; РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1194а, л. 3 — 3 об.).

1813, около 6 декабря. Москва. Вяземский — Жуковскому, передавая ему замечания Карамзина на новый вариант «Пенца во стане русских воинов», которого Жуковский вновь переделал для третьего издания, вышедшего в Москве в 1814 году (ц. р. 13 апреля): «Карамзину не нравится прибавление Героев: он говорит, что ты этим охолодил свою песню и был принужден кое-где повториться. Я понимаю, что многие могут быть с ним согласны, но, однако же, я не тех мыслей» (РГАЛИ, ф. 198, оп. 2, № 21, л. 117). Основание датировки: Вяземский пишет, что приехал в Москву на Николин день, а также о попытке самоубийства актера Яковлева, имевшей место 24 октября 1813 года (см.: Арапов, 222).

1814, 20 февраля. Муратово. Жуковский — А. Ф. Восейкову: «Не заводя партий, мы должны быть стеснены в маленький кружок: Вяземский, Батюшков, я, ты, Уваров, Плещеев¹⁹, Тургенев, должны быть под одним знаменем: *простоты и здравого вкуса*. Забыл важного, и весьма важного, человека: *Дашкова*. <...> Министрами просвещения в нашей республике пусть будут *Карамзин и Дмитриев*, а папою нашим *Филарет*» (Жуковский 1900, 26).

1815, после 7 января. Москва. Жуковский приезжает в Москву и останавливается у Карамзина (см.: Зейдлиц 1883, 71; РА 1900, 3, с. 13).

1815, после 7 января. Москва. По свидетельству Вяземского, Жуковский читает у И. И. Дмитриева в присутствии Карамзина только что законченное стихотворение «Певец в Кремле»: «Однажды у Дмитриева, приезжавшего в Москву из Петербурга во время министерства своего, Жуковский читал нам только что написанную поэму свою «Певец на Кремле». Карамзин слушал со вниманием, но в середине чтения не вытерпел и сказал: «Вперед, вперед! Вы все на одном месте кружитесь!»» (РА 1868, стб. 1836). О замечаниях Карамзина Жуковский вспомнит впоследствии, возобновив работу

¹⁹ Речь идет об Александре Алексеевиче Плещееве, сыне друзей Карамзина Алексея Александровича и Анастасии Ивановны Плещеских, двоюродном брате Марьи Андреевны и Александры Андреевны Протасовых.

над стихотворением осенью 1816 года (см.: РС 1901, 4, 133; Жуковский, 2, 459).

1815, 21 января. Москва. Карамзин — А. И. Тургеневу: «Мы часто говорим о вас, особливо теперь: поэт Жуковский в Москве» (РС 1899, 2, 467).

1815, 25 января. Москва. Жуковский — А. И. Тургеневу: «Карамзин и Дмитриев здесь многое в Послании (имеется в виду «Послание к императору Александру» В. А. Жуковского. — М. К.) критикуют, и в некотором я с ними согласен, в ином упрямлюсь» (ПЖТ, 135).

1815, 4 марта. Москва. Жуковский — А. И. Тургеневу: «Аgoros. Я не шутя начинаю думать о поэме; уже и Карамзин (милый, единственный Карамзин, образец прекраснейшего человека) мне помогает. Я провел несколько сладостных дней, читая его Историю. Он даже позволил мне делать выписки. Эти выписки послужат мне для сочинения моей поэмы. Но как еще много надобно накопить материалов! Жизнь дерптская, Дерптская библиотека — все это содаст *Владимира*» (ПЖТ, 143).

1815, 7 марта. Жуковский уезжает из Москвы в Дерпт, чтобы оттуда отправиться в Петербург (см.: ПЖТ, 142).

1815, ночь с 3 на 4 мая. Жуковский приезжает в Петербург (см.: Иезуитова 1976, 58).

1815, май–июнь. Жуковский находится в Петербурге; Уваров представляет его императрице Марии Федоровне. В июле он вновь возвращается в Дерпт (см.: РА 1865, стб. 803–806, Зейдлиц 1883, 77; РА 1883, 2, 326).

1815, 25–26 августа. Жуковский возвращается в Петербург из Дерпта, и 4 сентября его вторично представляют Марии Федоровне, после чего он получает должность чтеца у императрицы в Павловске (см.: РС, 1883, 4, 103–104; Зейдлиц 1883, 78, 90).

1815, 9 сентября. Москва. Карамзин — А. И. Тургеневу: «Утвердите нашего поэта Жуковского в Петербурге, с условием, чтобы рассеяние не мешало ему писать “Владимира”. Кланяюсь ему дружески» (РС 1899, 2, 468).

1815, 19 сентября. Петербург. Жуковский — Вяземскому: «В начале весны, проездом через Москву, заеду в Остафьево, и, вероятно, вместе проведем месяц в деревне подле нашего Ливия, может быть, и два. <...> Напомни обо мне почтенному Николаю Михайловичу и Екатерине Андреевне — душевно люблю их везде и всегда» (Жуковский 1960, 4, 563, 566; полный текст письма: 562–567; фрагмент с описанием встречи в Царском Селе с А. С. Пушкиным: 564–565).

1815, 23 сентября. Петербург. Первое представление комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», в которой был осмеян Жуковский, присутствовавший на премьере. Выход пьесы послужил толчком к созданию «Арзамаса» и повлек за собой целую «страшную войну на Парнасе», в которой за Жуковского вступились Д. В. Дашков, Вяземский, В. Л. Пушкин и Д. П. Блудов. Сам Жуковский, подобно Карамзину, не принимал никакого участия в разгоревшейся полемике: «Около меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше бы, когда бы и все молчали» (УС, 18; из письма Жуковского А. П. Киреевской (Елагиной), ноябрь 1815 года).

1815, 19 октября. Петербург. Жуковский — Вяземскому, по поводу затеянного совместно с Дашковым издания журнала: «Посылаю тебе портрет Николая Михайловича, весьма непохожий. Нельзя ли его велеть кому-нибудь поправить или нельзя ли велеть написать (рисовать) другой в такую меру. Похлопочи об этом. Уткин начал было гравировать, но его остановили. Работа была прекрасная, а сходства никакого — прошу тебя поспешить это исполнить, чтобы не задержать нашего издания» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 73 об.).

1815, 20 октября. Остафьево. Карамзин — А. И. Тургеневу: «Эпиграммы сыплются на князя Шаховского; даже и московские

приятели наших приятелей острят на него перья; Василий Пушкин только что не в конвульсиях. В здешнем свете все воюет; и Наполеоны, и Шаховские. У нас, как и везде, любят брань. Пусть Жуковский отвечает только новыми прекрасными стихами: Шаховской за ним не угонится» (РС 1899, 2, 469). Интересно, что Карамзин в данном случае почти дословно цитирует высказывание Жуковского относительно нападок на Карамзина из его письма Вяземскому, написанного во второй половине мая 1812 года.

1815, 17 ноября. Остафьево. Карамзин — А. И. Тургеневу, сообщая о смерти своей дочери Наташи: «Вы и добрый Жуковский об нас пожалеете. Это не мешает мне чувствовать цену и знаки вашей дружбы» (РС 1899, 2, 470).

1815, 17 декабря. Петербург. Жуковский — А. П. Киреевской²⁰: «Карамзин потерял дочь, и вот что пишет он к Тургеневу, очень скоро после этого несчастья. Здесь говорит твердый ум, но ум доброго отца, оплакивающего дочь. "*Жить* не есть писать историю, не писать трагедию или комедию, а как можно лучше мыслить, чувствовать, действовать, любить добро, возвышаться душою к его источнику; все другое, любезный мой приятель, есть шелуха, не исключая и моих осьми или девяти томов. Чем дольше живем, *тем более объясняется для нас цель жизни и совершенство ее*: страсти должны не счастливить, а разрабатывать душу. Сухой, холодный, но умный Юм в минуту невольного живого чувства написал: *douce paix de l'ame resignée aux ordres de la Providence!*"²¹ Мало разницы между мелочными и так называемыми важными *занятиями*: одно внутреннее побуждение и чувство важно. Делайте, что и как можете: только любите добро; а что есть добро, спрашивайтесь у совести". — Эти строки возвышают душу и дают ей большую твердость и ясность. Карамзин в минуту горести, и самой тяжелой, в минуту сокрушения о дочери, говорит, что он понимает жизнь» (УС, 22).

²⁰ Корреспондент Жуковского — его племянница Авдотья Петровна Киреевская, урожд. Юшкова (1789–1877).

²¹ Тихий мир в душе, предавшейся в руки Провидения (фр.).

1815, конец года, Петербург. Жуковский — Вяземскому: «Счастливец, ты читаешь предисловие Карамзина, возвышаешься мыслями и душою подле лучшего из людей — лучшего во всех отношениях. — Сказать “Карамзин” значит сказать “Свет прекрасен!” — ибо в нем есть Карамзины, ибо в этом свете можно любить Карамзина и желать быть ему подобным. Какое письмо написал он к <А. И.> Тургеневу о своей тяжелой потере: такое письмо есть лучший панегирик Провидению. А ты, мое сердце, в своем письме, полученном нами в то же время, лепечешь, не понимая Провидения. Спроси у Карамзина, он тебе растолкует, что такое Провидение. Наш Арзамас усилен тремя новыми членами: <Д. П.> Северин, <П. И.> Полетика, <А. Ф.> Воейков» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909а, л. 14 — 14 об.).

1816, 12 января. Жуковский — Вяземскому: «Лучшего в твоём коротеньком письме есть то, что у Карамзина родился сын. Слава Богу! И значит²², надобно ждать скоро нашего Историографа²³ в Петербург. Один ли он приедет или со всей семьей?²⁴ <...> Арзамасцы говорят, что твоего письма в здешних журналах печатать не надобно, потому что здесь уже было объявлено в “Сыне Отечества” о мире. Не надобно самим нарушать его». В этом же письме Жуковский приводит и свою пародию на Шаховского: «Дружеское объятие: Батюшкову, не состряпал ли он чего-нибудь в Каменце. Вот ему задача. Я начал было писать пародию из “Старушки” на Шутовского. Ему, царю пародии, совершить этот подвиг. Моя начинается так:

Макар сквозь сон в камерке прокричал;
Шутихин слышит и бледнеет!
Ужасну весть ему Макар сказал.
Шутихин в трепете потеет!
И вопит скорбно, где мой дед седой,
Ему соврать мне слово дайте!
Пока в театр! в исходе час шестой,
Скорей, скорей, не опоздайте!

²² В публ. РЛ 1975: И нам. — Примеч. ред.

²³ В публ. РЛ 1975: историографа. — Примеч. ред.

²⁴ В публ. РЛ 1975: семьей. — Примеч. ред.

И к толстяку приходит дед седой —
Его услышать покаянье!
И Пролог он приносит под полой
Острожского изданья!
Но лишь к одру приносит Пролог он,
Вся туша страшно застонала,
Как шум райка в протяжный стон,
Как будто ложа засвистала!
“Ах, удали свой Пролог, дед седой!
Уже не в пользу мне читанье!”
Был страшен вид главы его пустой,
И в нузе слышалось бурчанье!
“Вся жизнь моя в грехах погребена!
Я полоумный сочинитель!
Твоя ж душа от смысла спасена!
Ты будь от смысла мне спаситель!”

(РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 55–56; РЛ 1975, 1, 122–123; 123–124).

1816, после 12 января. Жуковский уезжает в Дерпт и возвращается в Петербург в начале февраля, куда в это время приезжает и Карамзин (см.: ОА, 1, 37; Зейдлиц 1883, 98–99).

1816, 2 февраля. Карамзин приезжает в Петербург для представления Государю первых томов Истории (см.: Погодин 1866, II, 135). Жуковский в это время уже находится в Петербурге, о чем упоминает Вяземский в письме Я. К. Гроту, написанном в 1874 году: «Из Москвы в Петербург в 1816 г. с Карамзиным ехал я один. Жуковский был уже в Петербурге» (СН 1915, 19, 6).

1816, 18 февраля. Петербург. Жуковский — И. И. Дмитриеву: «У нас здесь праздник за праздником. Для меня же лучший из праздников: присутствие здесь нашего почтенного Николая Михайловича. Здесь все жаждут его узнать, и видеть его в этом кругу так же приятно, как и быть с ним в его семье: он обращает в чистое наслаждение сердца то, что для большей части есть только беспокойное удовольствие самолюбия. Что же касается до меня, то мне

весело необыкновенно об нем говорить и думать. Я благодарен ему за счастье особенного рода: за счастье знать и (что еще более) чувствовать настоящую ему цену. Это более, нежели что-нибудь, дружит меня с самим собою. И можно сказать, что у меня в душе есть особенное хорошее свойство, которое называется *Карамзиным*: тут соединено все, что есть во мне доброго и лучшего. Недавно провел я у него самый приятный вечер. Он читал нам описание взятия Казани. Какое совершенство! И какая эпоха для русского появление этой Истории! Какое сокровище для языка, для поэзии, не говорю уже о той деятельности, которая должна будет родиться в умах. Эту историю можно назвать *воскресителем прошедших веков бытия нашего народа*. <...> Счастливы дарования, теперь созревающие! Они начнут свое поприще, вооруженные с ног до головы. После Карамзина не следовало бы говорить о самом себе — но для чего же? Я желаю быть ему подобным в стремлении к хорошему. Во мне живо желание произвести что-нибудь такое, что бы осталось бы памятником доброй жизни» (РА 1866, стб. 1629–1631).

1816, 19 февраля. Петербург. Жуковский в письме к родным в Долбино цитирует Карамзина: «Как прекрасно недавно сказал Карамзин — и он только выразил ясными словами, что я чувствовал ясно: "Нам должно думать не о совершенстве действий, а о совершенстве одной воли! Действие от нас не зависит, но воля есть человек!" <...> Карамзин, говоря о вере, сказал: "Мы не можем доказать бессмертия и существа Бога; но доказательства и не пужны! Здесь разум не действует; кто почувствовал Бога и бессмертие, тот никогда не перестает верить"» (Зейдлиц 1883, 101).

1816, 22 февраля. Петербург. Карамзин — Е. А. Карамзиной: «Ты, милая, хочешь знать, кто со мною всех *сердечнее, ласковее*: добрая хозяйка, Малиновские, *Арзамасское общество* наших молодых литераторов, Румянцевы, Огаревы, Оленины, Полторацкие <...>» (Карамзин 1862, 153).

1816, 28 февраля. Петербург. Карамзин — Е. А. Карамзиной: «Здесь из мужчин всех любезнее для меня арзамасцы: вот истинная Русская академия, составленная из молодых людей умных и с та-

лантом! Жаль, что они не в Москве или не в Арзамасе» (Карамзин 1862, 160).

1816, март. Петербург. Жуковский вместе с Карамзиным и Вяземским посетили Державина в его доме на Фонтанке. Это была единственная известная нам встреча Жуковского с Державиным (см.: Иезуитова 1976, 112).

1816, 2 марта. Петербург. Жуковский навещает Карамзина. Карамзин — Е. А. Карамзиной: «À propos d'histoire²⁵: читал ее арзамасцам два раза у Катерины Федоровны <...>²⁶. Сказать правду, здесь не знаю ничего умнее арзамасцев: с ними бы жить и умереть. <...>. Сию минуту целую Жуковского, говоря с ним о тебе» (Карамзин 1862, 165, 167).

1816, 13 марта. Петербург. Карамзин — Е. А. Карамзиной: «...вечера был у Свечиной, Голицыной, Растопчиных, гр. Алексея К. Разумовского, с арзамасцами у Тургенева» (Карамзин 1862, 179).

1816, между 19 и 23 марта. Петербург. Карамзин посещает заседание «Арзамаса», на котором арзамасцы читают посвященную ему речь, написанную Жуковским: «Неизъяснимо счастлив я в сию достопамятную минуту! Что делает рука моя? Держит диплом. Какой диплом? Прекрасно написанный, потому что писал его я. Что содержит в себе этот диплом? Он содержит в себе как бы вексель на дружбу. К кому дружба? К лучшему из людей. А что это за лучший из людей? Его Высочородие Николай Михайлович Карамзин, славный отец наших предков, ибо он вместе с юною красавицею, Музою истории, произвел их на свет таковыми точно, каковыми они есть, и сдуул с лица земли тех, самозванцев и самохвалов, которые в арлескипских платьях таскались по миру под их священным названием. Кто дает этот диплом? — Арзамасцы, верные его обожатели, арзамасцы, которые, положив руку на сердце, признают его лучшим из людей, признают и здесь, все вместе в священном присутствии

²⁵ По поводу Истории (франц.).

²⁶ Речь идет о вдове М.Н. Муравьева Екатерине Федоровне Муравьевой, урожд. Колокольниковой.

Арзамаса, под благодатным веянием крыл отечественного гуся, и каждый порознь в уединении, при сладостном об нем воспоминании, признают и признавать всегда будут, ибо такое признание есть для них счастье. Примите ж, счастливый любовник славы, сей бумажный и бранный символ того, что вечно и нетленно, что писано не на бумаге, а в сердце, не орешковыми чернилами скоротечности, а неизгладимым, правдивным ультрамарином вечного, сладостного, драгоценного чувства. Примите его, и да послужит он для вас доказательством, что галиматья не всегда рождается от безумия и не всегда глаголет бессмыслицу» (*Речь, читанная при вручении диплома господину историографу в конце марта 1816 г. // Арзамас, 1, 349–350*), -- и вручают приветственный диплом, также, по-видимому, составленный Жуковским (см: *Арзамас, 1, 562*):

«ОТ АРЗАМАССКОГО ОБЩЕСТВА БЕЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ ПОЧЕТНОМУ И ИЗВЕСТНОМУ ИСТОРИОГРАФУ ВСЕЯ РОССИИ ГОСПОДИНУ КАВАЛЕРУ АННЫ И СЛАВЫ КАРАМЗИНУ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ПОКЛОН И ДРУЖЕСКОЕ РУКОПОЖАТИЕ

Известно нам, что Ваше Высокородие занимаетесь описанием славных походов русского народа и даете, по милости своей, жизнь русской славе, которая до сих пор беспробудно покоилась спом 'Беседы в гробах, сооруженных ей различными халдеями, как то: господином Леклерком, господином Левеком и некоторыми ожесточенными сынами или пасынками России.

Известно нам, что Ваше Высокородие с величием арзамасского гуся прохаживаетесь по шелковым лугам русского слова и не удостоиваете взгляда ни беседных трясиин галиматии, ни академических закоулков бессмыслицы.

Известно нам, что сердце Вашего Высокородия, сие сокровище не беседное, своею чистотою подобится белому, едва оперившемуся гусенку, начинающему расправлять свои крылья и весело полоскаться в чистых водах отчизны, и что Ваш характер так же светел, как небо, сияющее над сим гусенком в красоте весенней.

Известно нам, что мы все нижеподписавшиеся любим Ваше Высокородие любовию нелицемерною, каждый особенно и все совокупно, любим за свое отечество, которому Вы честь и слава.

Почему и приносим Вашему Высокородию сей крест, сию ленту и сию носильную звезду, которая да сияет у Вас на груди во знамение любви нашей, а Вы, Выше Высокородие, пребывайте для нас всегда незаходимою звездою славы, дружбы и всего, что есть арзамасского, то есть лучшего на свете!

Светлана.
Эолова Арфа.
<Асмодей>

<Печать с изображением гуся>» (Арзамас, 1, 352).

Вариант этого же диплома впервые напечатан среди других бумаг из «Остафьевского архива князей Вяземских» в 1907 году (см.: СН, 12, 334–335). Курсивом обозначены разночтения двух этих публикаций: «Известно нам, что Ваше Высокородие занимаетесь описанием *знаменитых* походов русского народа и даете, по милости своей, жизнь русской славе, которая до сих пор беспробудно покоилась сном *Беседы и смерти* в гробах, сооруженных ей различными халдеями, как то: господином Леклерком, господином Левеком и некоторыми ожесточенными сынами или пасынками России.

Известно нам, что Ваше Высокородие с величием арзамасского Гуся прохаживаетесь по шелковым лугам русского слова и не удостоиваете взгляда ни беседных трясиин галиматьи, ни академических закоулков бессмыслицы.

Известно нам, что сердце Вашего Высокородия, сие сокровище не беседное, своею чистотою подобится белому, едва оперившемуся гусенку, начинающемуся расправлять свои крылья и весело полоскаться в чистых водах отчизны, и что Ваш характер так же *ясен*, как небо, сияющее в *красоте весенней над главою сего гусенка*.

Известно нам, что мы все нижеподписавшиеся любим Ваше Высокородие любовью нелицемерною, каждый особенно и все совокупно, любим *за себя и за* свое отечество, которому Вы честь и слава.

Известно нам, слава Богу, что и отец отечества нашего так же вас любит, и что он соблаговолил вас отличить пред всеми прочими детьми своим уважением, вам приличным, достойным Царского сердца, делающим честь Царскому сердцу и Царскому величию.

Известно нам, что Ваше Высокородие получили от Царя почтенного знаки сего уважения и что всякий добрый сын России почувствовал за сие благодарность к Царю своему.

Того не ради для чего иного, как для сего и прочего, мы возымали охоту поднести Вашему Высокородию посильный экземпляр сего знака отличия, сию леиу со крестом и сию звезду, их сопутницу; да сияет звезда сия у Вас на груди во знамение любви нашей, а Вы, Выше Высокородие, пребывайте для нас всегда незаходимою звездою славы, дружбы и всего, что есть арзамасского, то есть лучшего на свете.

Светлана.
Кассандра.
Эолова Арфа.
Старушка.
Громобой.
Ивиков журавль.
Вот
Асмодей
Чу!!!
Ахилл» (СН, 12, 334–335).

1816, 23 марта²⁷. Карамзин и Вяземский уезжают из Петербурга в Москву (см.: Карамзин 1862, 181–182; Погодин 1866, II, 159). По дороге они вместе с Жуковским, А. И. Тургеневым, С. Л. и В. Л. Пушкиными заезжают в Царскосельский лицей, где Вяземский и Карамзин знакомятся с А. С. Пушкиным (см.: Цяловский 1951, 94; событие отнесено к 25 марта).

1816, начало апреля. Жуковский уезжает в Дерпт до конца года (см.: Иезуитова 1976, 113).

1816, 13 апреля. Москва. Карамзин — А. И. Тургеневу: «Жуковский есть истинный наш брат. С такими людьми хорошо жить и умереть! Да здравствует Арзамас!» (РС 1899, 2, 473).

1816, 26 апреля. Дерпт. Жуковский — Вяземскому: «Что Николай Михайлович? Собирается ли он в Петербург и когда полагает быть там? Посылаю ему перевод Геца его исторического отрывка о

²⁷ См. также: Летопись 1999, 1, 85.

мятежах при Ал<ексее> Мих<айловиче>. По этому опыту может он судить о его слоге и (если не сделал никакого распоряжения в рассуждении перевода на немецкий язык своей Истории) может решить, способен ли Гец взять на себя этот труд. Прошу также сказать ему мое почтение и Екатерине Андреевне. Отдай поскорее ему этот перевод и уведомя меня» (Жуковский 1960, 4, 570; *полный текст письма*: 570–571).

1816, 24 мая. Карамзин с семейством приезжает из Москвы прямо в Царское Село, минуя Петербург (см.: *Погодин 1866, II, 161; ПКМ, 6–7 (1 pag.)*).

1816, 10 августа. Царское Село. Карамзин — Жуковскому: «Любезнейший Василий Андреевич! Мы уже около трех месяцев живем здесь, ждем вас и не видим. Где вы? что вы? Дайте весть. Мы пользуемся учтивостями, ласками нашего любезного Двора и наслаждаемся чувством искренней признательности. Далее: готовлюсь печатать Историю, пересматриваю ноты, мараю, чищу, etc. Мы уже паняли дом в Петербурге за 4000 т., с садиком и с беседкою, где можете писать стихи. И К<нязь> Петр <Вяземский> думает переехать к нам. Арзамасцы собираются и спрашивают друг у друга: где Светлана? не знают и хмурят брови. Уста безмолвствуют: говорит только сердце, что Светлана едва ли светла душою в отсутствии. Шутки в сторону: напишите ко мне о вашем житье-бытье, расположении духа, замыслах. Знаю, что любите Аполлона и добродетель: нельзя ли служить им на берегах Невы? — Располагаемся остаться в Царск<ом> Селе до половины сентября, если погода будет сносная. Хорошо, если бы мы еще успели погулять с вами в здешних прелестных садах или в павловских, где всякое утро разъезжаю верхом, смотря на тихое течение Славянки и вспоминая ваши стихи. Катер<ина> Андр<еевна> и дети вместе со мною обнимают вас дружески. Простите, любезнейший, до свидания где-нибудь. Ваш верный Н. Карамзин» (РА 1869, стб. 1383–1384).

1816, 24 августа. Дерпт. Жуковский в письме А. И. Тургеневу, упрекая его в холодности к А. Ф. Восейкову, цитирует с неточностями «стих Карамзина»: «Увы, насильно милым / Не будешь ни-

кому» (согласно примечанию публикатора письма А. Ф. Бычкова, имеются в виду строки из стихотворения 1792 года «Прости»: «Насильно полюбится / Не можно никому») (ПЖТ, 160).

1816, конец сентября. Карамзины пересезжают из Царского Села в Петербург (см.: *Погодин 1866, II, 169*).

1816, 21 октября. Дерпт. Жуковский — А. И. Тургеневу: «Ты, Карамзин, Вяземской, Блудов (и несколько милых женщин) — вот мои судьи, против которых нет апелляции. Без мысли о вашем одобрении не может быть счастья» (ПЖТ, 163).

1816, 31 октября. Дерпт. Жуковский — А. И. Тургеневу: «Карамзин тебя любит — мудро ли? Но любовь его есть счастье. И для меня она так же нужна, как счастье. Скажи ему при первом случае (когда будешь с ним обо мне говорить, обняв его за меня как друга и верного товарища во всем прекрасном), что я, сколько мог, держал свое обещание, что мне будет можно спокойно показаться на его глаза и пожать от всей души ему руку. Время, которое мы провели разное с последнего нашего расставания, не оставило на мне пятна. <...> Я рад несказанно тому неудовольствию, которое наш Арзамасский патриарх имел с типографиею: оно разлучило его с нею и передало его Историю в верные руки. Кавелин — добрый для него работник»²⁸ (ПЖТ, 165).

1816, после 6 ноября. Дерпт. Жуковский — А. И. Тургеневу, по поводу «Певца в Кремле»: «Вдохновенный светильник не нравится моему почтенному учителю. Привыкши к слепой ему покорности, я рад бы переменить это выражение, но, право, не умею. По крайней мере, теперь ничего не могу придумать. Печатайте. Пусть

²⁸ Арзамасский патриарх — Н. М. Карамзин. Первый том «Истории государства Российского» был напечатан в типографии Главного штаба. Начиная со второго тома «История» печаталась в типографии Медицинского департамента, директором которого был Д. А. Кавелин. См.: Афиани В. Ю., Козлов В. П. От замысла к изданию «Истории государства Российского» // Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. Т. 1. М.: Паука, 1989. С. 533–534.

Кавелин пришлет мне корректуру (чего прошу умиленно). В корректуру авось поправлю» (РС 1901, 4, 133).

1816, 11 ноября. Петербург. Карамзин присутствует на том заседании «Арзамаса» (см.: *Арзамас*, 1, 372–374; *АБТ*, 3, 7), когда был прочитан «Певец в Кремле» Жуковского. Жуковский в это время еще находится в Дерпте.

1816, середина декабря. Жуковский возвращается в Петербург из Дерпта (см.: *Иезуитова* 1976, 113).

1816, 24 декабря. Петербург. Карамзин присутствует на заседании «Арзамаса» при чтении Жуковским «Овсяного киселя», «Вадима» и «Красного карбункула» (*Арзамас*, 1, 379–380).

1816, 31 декабря. Петербург. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Вот тебе на новой год новости: добрый *Государь* пожаловал Жуковскому 4000 р<ублей> пенсии и перстень с шифром <...>». Об этом же Карамзин сообщает и в письмах А. Ф. Малиновскому и П. А. Вяземскому от того же числа (*ПКД*, 203; см. также: *ПКМ*, 15 (1 паг.); *ПКВ*, 21 (3 паг.)).

1817, 6 января. Петербург. Жуковский и Карамзин присутствуют на заседании «Арзамаса» (*Арзамас*, 1, 384).

1817, 7–8 января. Жуковский уезжает в Дерпт на свадьбу к Марии Протасовой, которая состоялась 9 января (см.: *Иезуитова* 1976, 117).

1817, вторая половина января. Дерпт. Жуковский — А. И. Тургеневу: «Я послал по этой почте к <Д. А.> Кавелину рукопись, полученную мною от Мещевского²⁹; поэма *Наталья, боярская дочь*; а к Карамзину письмо его, в котором он посвящает ему свою поэму» (*ИЖТ*, 171).

²⁹ Речь идет о поэте и переводчике Александре Ивановиче Мещёвском (ок. 1792 — ок. 1820).

1817, 27 января. Дерпт. Жуковский — Вяземскому: «Не гневайся на меня за то, что не посылал в ваше общество! Нет ничего; жаль, и послать нечего. Есть два перевода с немецкого³⁰; но они, я уверен, будут весьма дурно приняты господами важными профессорами, которые от старых Аристотелевых правил напашут, которым всего важнее единство, которое все имеет, кроме — души. Сверх того, эти две пиесы нужны мне для моей немецкой книжки. К тебе я ничего не послал по весьма важной причине: надобно переписать, а некому; а я ужасно ленив переписывать. К тому же Вадим или продолжение 12 спящих Д<ев> (которое NB весьма понравилось Арзамасу и Карамзину) еще не законченное творение, а вышеозначенных двух переводов не посылаю, также опасаясь, что они и перед тобою не найдут пардона; новый, совершенно еще небывалый на Парнасе нашем род, для меня прекрасный, одобренный Карамзиным, но проклятый Блудовым» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909, л. 78 об.).

1817, февраль. Дерпт. Жуковский — А. И. Тургеневу: «Признаюсь, с вами всякое терпение придет в отчаяние. Даже и Карамзин на вы испортили, и он не отвечает на письмо мое» (ПЖТ, 172).

1817, 18 февраля. Петербург. Карамзин — Жуковскому: «Любезнейший Василий Андреевич! Сердечно благодарю вас за дружеское письмо. Consumatum est!..³¹ Поздравьте от нас любезных молодых и почтенную Катерину Афанасьевну; а мы вас поздравляем как Геркулеса, избравшего истинный, добрый путь. Сердцу бывает легко в таких случаях, и горизонт будущего светлеет в глазах, омоченных слезою великодушной жертвы. Обнимаю моего друга Жуковского!

Благодарю за Гердера. В третий раз я с удовольствием прочитал эту книжку, но, к сожалению, более рассуждал, нежели чувствовал: следовательно, менее наслаждался! Рассуждая, заметил прыжки, заключения не совсем основательные. Трудно говорить о неизглаголанном, а между тем хочется говорить, слушать. Являются светлые мысли и вдруг как призраки исчезают; каплет мед в уста, и вдруг

³⁰ Имеются в виду переводы автора письма из немецкого поэта Геббеля — идиалли «Овсяный кисель» и «Тленность».

³¹ Совершилось! (лат.). Имеется в виду замужество М. А. Протасовой, в январе 1817 г. вышедшей за профессора Дерптского университета И. Ф. Мойера.

сделается горько. Есть... но что и как? Доброй Сократ! И я знаю, что ничего не знаю; знаю даже, что и ничего не узнаю в мире явлений.

Оренбургский поэт (как человек, и молодой человек), без сомнения, достоин жалости; но как вмешаться в дело, которого не знаем?³² Средство, им предлагаемое, не благоразумно. Увидим, что он к вам напишет. Сколько еще ветрености и беспорядка в этой голове!

Катерина Андр<еевна> говееет и теперь в церкви. Она вам дружески кланяется, поручая собственному вашему доброму гению отвечать на вопрос: *faut-il rester? faut-il partir?* А я прибавлю: *restez pour faire quelque chose de beau; partez pour revenir chez nous*³³. С отъезда вашего она не видала предмета.

Скажите мою благодарность Поэту Воейкову за экземпляр прекрасных *Садов*, а ученому Густаву Эверсу за его доброе ко мне расположение. Дело Эверсово сделано, и не было нужды в моем ходатайстве.

Обнимаю вас от души. Будьте здоровы, веселы, трудолюбивы и Карамзинюлюбивы! Навеки ваш Н. Карамзин» (РА 1869, стб. 1385–1386).

1817, начало года (?). Дерпт (?). Жуковский в письме Д. В. Дашкову обсуждает с ним так и не состоявшееся издание задуманного Жуковским журнала. Рассказывая о его составе, Жуковский пишет об одной из предполагаемых частей, «Русской книжке»: «Я бы назвал ее *Лониды*; она бы была продолжением Лонид Карамзина с тою отменою, что в нее входила бы и проза» (Жуковский 1878, 6, 440).

1817, 5 февраля. Петербург. Карамзин — Вяземскому: «Певец Жуковского есть *подражание* Жуковскому: я согласен с вами. Но последние его 3 пиесы хороши; вы еще не знаете их» (ПКВ, 22 (3 pag.)).

³² Речь идет о ссыльном поэте Мещёвском. — Примеч. 1869 г. Подробнее о нем см. выше, примеч. 29.

³³ Нужно ли оставаться? Нужно ли ехать? Оставайтесь, чтоб произвести что-либо прекрасное; уезжайте, чтобы возвратиться к нам (фр.). — Примеч. 1869 г.

1817, 25 апреля. Дерпт. Жуковский — А. И. Тургеневу, обсуждая возможность своего назначения на должность учителя русского языка при принцессе Шарлотте, будущей императрице Александре Федоровне: «Предоставляю тебе и Николаю Михайловичу быть моими судьями. Решите за меня и действуйте. Если вы решите, что мне отказываться не должно, то позаботитесь о моих выгодах. Твое дело всё устроить к лучшему» (ИЖТ, 179).

1817, начало мая. Жуковский возвращается из Дерпта в Петербург (см.: Иезуитова 1976, 120).

1817, 19–20 мая. Карамзины пересезжают на лето в Царское Село (см. письмо Карамзина И. И. Дмитриеву от 22 мая 1817 года: ИКД, 212).

1817, июнь. Вологодская губерния. Батюшков — Жуковскому: «Напомни обо мне Карамзиным. Скоро ли его история? Если бы теперь попалась в деревне, как бы я прочитал ее! В городе впечатление будет слабее. Но зато в городе ты видишь самого историка» (РА 1870, стб. 1715).

1817, не позднее 8 июня. Петербург. Жуковский в «Стихотворном отчете» о заседании «Арзамаса» дважды упоминает Карамзина: «Бродит, я чувствую, в темном Дедале, по близости пуза, / Честный отшельник душа: она в своем заточенье / Все отразила прелыщения бесов и душиста добротой! / (Так говорит об ней Николай Карамзин, наш историк.)»; «Снята ее была многочисленна; в ней отличался / Важный маляр Демид арзамасец. Он кистью, как древле / Тростью Цирцея, махал, и пред ним как из дыма творились / Лица, из видов заемных в свои обращенные виды. / Все покорялось его всемогуществу: даже Беседа / Вежливой чушкой лезла, пыхтя изпод докторской ризы <...>» (Арзамас, 1, 421–422, 425).

1817, 24 августа. Павловск. Карамзин — Жуковскому: «Любезнейший! Императрица Мария приказала вам послезавтра, то есть в воскресенье поутру в 11 часов, перед обеднею, быть у нее в Павловске, чтобы познакомить вас с Великою Княгиниею. Итак,

просим непременно там явиться. Ваш Н. Карамзин» (РА 1868, стб. 1829; РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1194 а, л. 7).

1817, 25 августа. Павловск. Карамзин — Жуковскому: «Любезнейший! Я к вам писал вчера, но теперь еще посылаю нарочно-го с сего запискою. Императрица вдова, наговорив мне об вас много прекрасного, велит вам в воскресенье поутру явиться к ней в Павловское, т. е. завтра, чтобы представить вас Великой Княгине. Итак, непременно отправьтесь, чтобы быть там прежде одиннадцати часов утра. Приготовьтесь к немецким фразам. Обнимаю вас нежно. Напишите ко мне строчку. Ваш Н. Карамзин» (РА 1870, 1830; РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1194 а, л. 7 — 7 об.).

1817, 25 августа. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому: «Мы ездили с ним (Батюшковым. — М. К.) и Жуковским вместе в Сарское Село. Светлана назначен учителем к великой княгине Александре Федоровне и завтра ей представляется. Халдей хотел отбить у него это место, но Арзамасец Карамзин отстоял честь и славу Арзамаса, и козни халдейские не удались» (ОА, 1, 82–83).

1817, 28 августа. Царское Село. Карамзин — Вяземскому: «И Жуковский с местом, и не по милости Глинки. Императрица сказала мне, что Жуковский за молодостью *не может быть* учителем Великой Княгини... Я представил, что ему 34 года, и описал его благородный характер. Надлежало еще объяснить некоторые обстоятельства его жизни — и третьего дня наш поэт обедал в Павловском уже как признанный учитель» (ПКВ, 33 (3 pag.)).

1817, 16 сентября. Карамзины переезжают на зиму в Петербург (см.: ОА, 1, 87).

1817, 18 сентября. Петербург. Жуковский в «Прощальной речи» на заседании «Арзамаса» сообщает о рождении сына Карамзина: «Наконец, приятно для меня и то, что будущее Арзамаса покрылось новыми лучами возжеланных событий: считаю за нужное уведомить вас, хотя это вам и весьма известно, что наш Почетный Гусь Николай, с трогательным доброжелательством к Арзамасу,

внес весьма недавно в сумму членов его маленького, им самим сочиненного арзамасца, также Николая, который и принят с рукоплесканием. Минута, в которую мы узнали мы об этом новом Николае, была для нас приятная, без всякой примеси беседного; в двух словах сказали мы все, что мог бы только сказать краспоречивейший оратор Массильон: "Будь Николай второй то же, что Николай первый!" Так, друзья, да увидим его в Арзамасе сидящего рядом с отцом; обоих счастливых, ничего милого не потерявших, одного спокойно наслаждающегося славою чистою, славою благословенного и благословляемого его отечеством, а другого созревшего в глазах отца для приобретения такой же славы — верного товарища арзамасцам. И надолго! надолго!» (*Арзамас*, 1, 434–435).

1817, до 19 сентября. Петербург. Жуковский — И. И. Дмитриеву: «Еще одно особенное счастье: я всем обязан ревностной дружбе Карамзина. Чтобы доставить мне это место, надобно было Карамзину сказать вслух, что он любит меня и уважает. Радость наполняет сердце всякой раз, когда об этом подумаю» (*РА* 1870, стб. 1704).

1817, 19 сентября. Жуковский уезжает из Петербурга в Дерпт (см.: *Иезуитова* 1976, 133).

1817, 1 октября. Жуковский возвращается из Дерпта в Петербург (см.: *Иезуитова* 1976, 133).

1817, 2 октября. Петербург. Карамзин — Вяземскому: «Любезный Жуковский — живая грамота» (*ПКВ*, 36 (3 паг.)).

1817, 4 октября. Жуковский уезжает из Петербурга в Москву в свите Александры Федоровны (см.: *Жуковский* 1903, 52; *ОА*, 1, 89).

1817, 15 октября. Петербург. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Ты уже получил II-й том («Истории государства Российского». — М. К.) от доброго поэта Жуковского? <...> Опубликовано ли в московских газетах о моей истории? Я поручил это Жуковскому; а ты поручи К<нязю> Шаликову» (*ПКД*, 223).

1817, 1 ноября. Петербург. Карамзин — Жуковскому: «Любезнейший поэт! Сердечно благодарю вас за милое, дружеское письмо, которое меня до слез тронуло (это слабость). Мы любим, чтобы нас любили, а особливо хорошие люди, такие как Ваше Превосходительство. Приветствую вас в келье; надеюсь, что и Музы уже вас там приветствовали. Дайте знать о следствиях вашего с ними свидания. Искренно могу сказать, что всякое новое изящное произведение Светланы меня порадует. В самом деле, место прекрасно для вдохновения. Куда ни взглянешь, все старо и болтливо для воображения *Чу!* NB. Это *Чу!* есть здесь прилагательное, г. учитель! — Пропну менее тосковать о минувшем, а более веселиться настоящим. Ваше положение имеет немало приятностей: говорите себе это почаще и благодарите Бога, Который к нам милостив. — Не худо, если б вы сказали мне, что вам именно полюбилось и *не* полюбилось в моей истории; впрочем, *sans apprêt et sans gêne*. — Мы здоровы. Работаю с утра до вечера: отчего иногда худо силю. Дай Бог, чтобы все это сошло с рук, хотя изрядно, не худо! — Все вас обнимаем, любезнейший; но за *невесту* не отвечаем; впрочем, ищем, ищем! М-лле Левшиштерн у нас пила чай; и об вас говорили: бьется ли сердце? Простите. Жена в особенности вам кланяется, и более, нежели кланяется. Бог с вами и с нами. Ваш Н. Карамзин. К императрице я уже писал: не можете ли узнать, дошло ли это письмо, немалого размера, по своему адресу?» (РА 1868, стб. 1830–1831; РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1194а, л. 3 об. — 4 об.).

1817, 8 ноября. Москва. Жуковский — Карамзину, сообщая о смерти сына Вяземских: «Завтра, почтеннейший друг Николай Михайлович, еду с нашим бедным князем в Остафьево: отвозим туда гроб его сына. Митеньки нет на свете. 18 октября перевезли его было из Остафьева с легкою болезнью, которая никого не пугала; он долго был *только нездоров*; но третьего Ноября вдруг сделался опасен, жар и беспамятство; доктора уверяют, что вода бросилась к нему в голову; пятого числа после обеда сделалось ему лучше; на другой день надежда усилилась; мы почитали его уже спасенным, — но ввечеру все кончилось! Что вам сказать об отце и матери? К несчастью, вам слишком знакомо теперешнее их положение. Эта горестная потеря подтверждает ваши всегданные мысли о жизни. Кто скажет: *счастье*

цель ее, тот ничего не скажет, а только смутит настоящее понятие о жизни. *Действие нравственное, сколько можно чистое*, вот цель! Бог дает нам одни материалы; наш долг употреблять их добрым образом к лучшему. Чту бы ни было этот материал, горе или радость, это знает Тот, Кто выдает его. А нам только принимать и обрабатывать. Все в жизни к прекрасному средство! Но прекрасное и счастье не одно и то же. Этот печальный день (6 ноября) был для меня памятным уроком жизни. Утро началось для меня прекрасно: накануне был я у Вяземского, видел всех успокоенных насчет больного; и в этот день поутру видел тоже. Вечер провел у И<вана> Ивановича <Дмитриева> очень весело и поехал домой, не считая и нужным заезжать к Вяземскому. Подъезжаю к Кремлю: ночь прекрасная, весь Кремль сияет. Зрелище тихое и величественное. Подъезжаю к крыльцу свосму, хочу выходить из сапей; скачет Вяземского человек и зовет к нему. Милый младенец умирал, и я застал немного минут его жизни. Когда я возвращался домой опять, в три часа ночи, совсем уже не тот, как за несколько часов, то все уже было темно, луна зашла, и что прежде светило, то было покрыто туманом, но *звезды на чистом небе сделались ярче*. Это урок без слов, и цельзя было его сильно не почувствовать. Меня он поразил, и я не могу не сообщить вам этого впечатления.

И Вяземский, и жена его здоровы. Они много плакали, и это их облегчило. Тотчас по кончине Митеньки они пересехали к Рябининым, у которых ночевали, а вчера переселились к Кологривовым; тут пробудут с неделю, по тех пор (так! — М. К.), пока не отопят нового, нанятого им дома (дом к<нязя> Д. И. Лобанова, на Малой Дмитровке). Тяжело мне, почтеннейший Николай Михайлович, на ваше дружеское и *веселое* письмо отвечать таким печальным; но делать нечего. Простите. О своем положении говорить вам не стану; оно прекрасное, но должно говорить об нем в веселом или, по крайней мере, в спокойном расположении духа. Пронедшее не туманит несколько моего настоящего; я люблю свою должность — это большое счастье. Цель моя — быть в ладу с *самим собою*; постараюсь, до нее достигнув, от нее не удаляться. Вы уже меня благословили на все доброе: постараюсь не изменить благословиению бесценного друга. У Екатерины Андреевны целую ручки. Государыня получила письмо ваше, — это я от нее самой слышал, — и *радуется им*, как сама говорит» (Жуковский 1900, 38–39).

1818, январь. Москва. Вышел номер «Вестника Европы» (Ч. 97. № 4; ц. р. от 2 января 1818 года), где в рубрике «Московские записки» (раздел «Смесь») сообщается о выходе «Истории государства Российского» Карамзина; автор назван «знаменитым Историографом, превосходнейшим из наших писателей» (ВЕ 1818, 4, 308). Заметка эта вызвала недоумение и издевки со стороны Вяземского, который по этому поводу пишет Жуковскому из Варшавы 8 апреля 1818 года: «Ради Христа, или Сатаны, ибо до сей поры не могу решить, чьих это рук дело, скажи мне, что сделалось с Каченовским? "Знаменитый Историограф!!! Превосходнейший из наших писателей!!!!!!!!!" И это напечатано в Вестнике Европы? И это говорит Каченовский? Бедненький! Я и не знал, что он при смерти: сделай милость, пошли к нему скорее от меня навеститься о его здравии, но, к сожалению, я боюсь, чтобы участие мое уже не опоздало: бедного Михайла Трофимовича нет на свете. Предчувствую: есть слова, несомненные признаки скорой и неотвратимой кончины. Смерть Каченовского вырезана в каждой букве из роковых оных слов. Она так и смотрит из них: это песнь умирающего лебедя, это вой пса, призывающий смерть, это героическая, или, просто сказать, судорожная улыбка отходящего Скандинава; одним словом: это икота смерти. Но кто же будет наследником Каченовского? Сделай одолжение: уведошь меня обо всем. Я не прочь и от надгробного слова, и от эпитафии» (РГАЛИ, ф. 198, оп. 2, № 20, л. 30 — 30 об.).

1818, 2 января. Петербург. Карамзин — Жуковскому: «Любезнейший Василий Андреевич! Будьте здоровы и благополучны во все течение наступившего года; разумеется, так же любите нас, как мы вас любим. Я долго не писал к вам; зато теперь пишу нездоровый: это стоит двух писем. Милый Тургенев увез у меня ваше последнее письмо и до сего времени не возвратил. Помню его содержание; но мне хотелось иметь его перед глазами, чтобы отвечать вам. На Тургенева сердиться не могу: он так мило ведет себя против нас! Вообразите, что никогда даже не дремлет в нашем доме; поет, как птица, то о женщинах, то о мужчинах; и ездит к нам через день или через два, и не для общества, ибо у нас (кроме редких визитов) никого не бывает. Вы угадали наши чувства, любезнейший, по случаю внезапной для нас кончины доброго Митеньки. Князь Петр <Вяземский> рано

поступил в училище страдания. Горесть проходит, конечно; но что-то горькое остается в сердце. Скажите мне, продолжается ли ваше благословенное очарование? *Учительство* так ли веселит вас, как прежде? — На той почте доставлю вам и Д. Н. Блудову (любезному и любимому) IV т. Истории, вместе с третьим. Истинно-дружески обнимите за меня и Дм<итрия> Николаевича, и Дмитрия Петровича <Северина> с умилением (действительно умилением). Чувствую всю цену их дружбы. Простите, добрый и мне милый человек! Я не думал и столько написать к вам. Надобно ли говорить, что мы любим вас *двое*? В этом случае жена и муж один человек. Обнимаю вас нежно. Навеки ваш. Н. Карамзин» (РА 1868, стб. 1832–1833; РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1194 а, л. 5).

1818, 28 января. Петербург. Карамзин — Вяземскому: «Душевно радуюсь, что наш любезный поэт Жуковский доволен своими обстоятельствами: обнимите его за нас» (ПКВ, 46 (3 паг.)). В этот день Карамзина принимают в почетные члены Императорской Академии наук (см. примеч. В. И. Саитова: ОА, 1, 467).

1818, середина февраля. Москва. Жуковский — А. И. Тургеневу: «Моя ученица учится прилежно. Переводит мои Русские стихи в Русскую прозу и свою Русскую прозу в Немецкую; переводит с лексиконом письма Карамзина; поет мои песни и очень прилежна. А я гляжу на Историю нашего Ливия, как на мое будущее: в ней источник для меня и вдохновения, и славы. Обними за меня его и поблагодари за доставление последних томов. Он сделал чудо: победил Каченовского, который говорит о его творении с благоговением. Впрочем, я этого ожидал от Каченовского» (ИЖТ, 187–188).

1818, 11 марта. Петербург. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Ты справедливо досадуешь на любезного Поэта Жуковского, что он не воспел Минина и Пожарского. Потребуем, чтобы он загладил эту вину новыми прекрасными стихами. Прилагаю маленькое письмо к нему и К. Шаликову» (ПКД, 235).

1818, 11 марта. Петербург. Карамзин — Жуковскому: «Обнимаю вас, любезнейший мой и наш Василий Андреевич, с сердечной

благодарностию за дружеское последнее письмо и за две тетрадки прекрасных стихов, которые я несколько раз читал и для себя и для других. Вместо: *Для немногих* — я поставил бы: *Не много, да хорошо*. Видите, что я не враг стихотворства, хотя и редко читаю стихи! Есть люди, с которыми редко видимся: не следует из того, чтобы мы имели к ним нелюбовь. Но вы помните некоторые мои злословия... виноват; но кто иногда не злословил? Довольно, что читаю ваши стихи с искренним удовольствием: это все примиряет. История моя вступила в продажу 2 февр<аля>, а 26 февр<аля>, в 11 часов утра, были куплены у меня последние экземпляры. Итак, она скончалась, к неутешной горести десяти (а может быть, и более) знаменитых мужей, но к живейшему удовольствию смиренного ее родителя — и к вашему, как я уверен, не сомневаясь в дружбе Жуковского к Карамзиным. Вот наши новости! А что делается у вас? Продолжается ли очарование или кроткое удовольствие сердца? Так ли вам хорошо, как было? Умный, добрый Блудов говорит, что вы совершенно довольны. Я два раза был здесь у В<еликого> К<нязя> Николая Павловича, не заставлял его и отдал два экз<емпляра> Истории камердинеру его, для него и для Великой Княгини, но не имел никакого отъезда от их высочеств: дошли ли до них экземпляры? Простите и любите нас — мужа, жену и детей. Будьте здоровы и веселы. Павеки ваш. Н. Карамзин» (РА 1868, стб. 1834–1835; РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1194а, л. 6 — 6 об.). Это письмо Вяземский снабжает примечанием: «Карамзин был очень строг к стихотворцам и к стихам и редко читал их, как и сам признавался. Особенно обращал он внимание и критику свою, так сказать, на экономическое расположение и ход стихотворения. В этом отношении Жуковский был иногда чрез меру обилен. Говоря языком, которым часто любил он забавно выражать свою мысль, можно сказать, что он *расплывался*, хотя и звучными и блестящими стихами. У него не было трезвой сжатости и строго-стройной соразмерности, которой так отличался Пушкин» (РА 1868, стб. 1836). Далее Вяземский рассказывает об уже упоминавшемся чтении «Певца в Кремле» у И. И. Дмитриева в Москве в январе 1815 года.

1818, 29 апреля. Петербург. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Что сделалось с Жуковским? нет ни слуху ни духу» (ПКД, 237).

1818, май–июнь. В «Украинском вестнике» (№ 5) напечатана «Записка о московских достопамятностях, для некоторой особы, ехавшей из Петербурга в Москву», написанная Карамзиным для императрицы Марии Федоровны и отданная в журнал без его ведома В. Н. Каразиным. Появление этой «Записки» в печати вызвало сильное неудовольствие Карамзина (см. его письмо И. И. Дмитриеву от 27 июня 1818 года: ПКД, 242). Оно повлекло за собой нападки Каченовского на Карамзина в «Вестнике Европы».

1818, вторая половина июня. Жуковский возвращается из Москвы в Петербург (см.: Иезуитова 1976, 142).

1818, июнь. Петербург. Жуковский — К. Ф. Калайдовичу¹⁴: «Я к вам с просьбою от Николая Михайловича Карамзина, почтеннейший Константин Федорович. Я сообщил ему ваше мнение о месяце Изоке¹⁵, и мне хотелось бы иметь ту статью, на которой вы это мнение основываете. Потрудитесь выписать из манускрипта то, что вы мне читали; этим обяжете нашего почтенного историографа» (РС 1902, 4, 177).

1818, 20 июня. Петербург. Карамзин — Малиновскому: «Г. Калайдович показывал В.А. Жуковскому одно место в какой-то старой Синодальной рукописи, где упоминается о птицах *Изоках*: сделайте милость, попросите от меня Г. Калайдовича, чтобы он выписал это место и через вас сообщил мне, как можно скорее, с объяснением, что это за рукопись, и проч.» (ПКМ, 30 (1 pag.)).

¹⁴ Корреспондент Жуковского — историк и археолог Константин Федорович Калайдович.

¹⁵ Карамзин включил полученную от Калайдовича информацию в виде примечания в «Историю государства Российского»: «Наблюдая течение года, они, подобно Римлянам, делили его на 12 месяцев, и каждому из оных дали название согласное с временными явлениями или действиями Природы: <...> Июню *Изож* (так называлась у славян какая-то певчая птица) <...>» (Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. Т. 1. С. 70, Примеч. 159). Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля (Т. 2), *изоками* называли кузнечиков; кроме того, *изок* — название месяца июня.

1818, 1 июля. Петергоф. «Пушкин с Карамзиным, Жуковским и А. И. Тургеневым в Петергофе и Ораниенбауме на празднике по случаю дня рождения в. к. Александры Федоровны» (Цявловский 1951, 157).

1818, до 10 июля. Карамзины переезжают на лето в Царское Село (см. письмо к А. Ф. Малиновскому от 11 июля 1818 года: НКМ, 31 (1 паг.)).

1818, июль. Москва. Вышел номер «Вестника Европы» (Ч. 100. № 13; ц. р. от 6 июля 1818 года), в котором Каченовский опубликовал без подписи обращение «К господам издателям Украинского Вестника», обрушиваясь с критикой на «Записку о достопамятностях Москвы» и утверждая, что сочинение это является «паполненным очевидными ошибками, неприличными суждениями и хвастовством <...>» (ВЕ 1818, 13, 41), а потому не могло быть написано Карамзиным.

1818, до 11 июля. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому: «Сейчас возвратился из Петергофа, где провел время с Карамзиным, Жуковским и Пушкиным, следовательно, приятно» (ОА, 1, 108).

1818, 11 июля. Царское Село. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Мы наслаждались Петергофским праздником и Ораниенбаумским, хотя иллюминация и фейерверк не весьма удался. Время было прекрасное; людей множество, и все на свободе. Несмотря на ветер, довольно сильной, мы с женою, с детьми, с Тургеневым, Жуковским, Пушкиным (которые все у нас жили в Петергофе) сели на катер и посилились по волнам Финского залива часа два или более <...>. Мы в Петербурге как на станции; не имеем дружественного приюта; кланяемся многим, а сидим дома одни, пока не явится доброй Тургенев или Жуковский» (ПКД, 243–244).

1818, 30 июля. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому: «Сию минуту получил письмо твое от 19-го лица и послал в Царское Село к П<иколаю> М<ихайловичу> с отъезжающим сегодня в Павловск на житье Жуковским» (ОА, 1, 111).

1818, 21 августа. Царское Село. Приписка Жуковского к письму Карамзина Вяземскому: «Обнимаю тебя, бесценный друг; сейчас возвратился я из Павловска больной: с простудой, с гемор<р>оем. Спешу отправить к тебе письмо Карамзина <...>» (ПКВ, 60 (3 паг.)).

1818, сентябрь. Москва. Вышел номер «Вестника Европы» (Ч. 101. № 18; ц. р. от 9 сентября 1818 года), в котором Каченовский поместил первое письмо «От киевского жителя к его другу» (С. 122–127) с неоднозначным отзывом на появление «Истории Государства Российского» и обещанием опубликовать критику на предисловие к «Истории» Карамзина. В этой же части напечатаны и «Записки Лужницкого старца» (№ 20. С. 307–313), являющиеся ответом на полемическое выступление Вяземского в «Сыне Отечества» (1818, № XLII) и продолжающие «Записку к издателям Украинского Вестника».

1818, 4 сентября. Петербург. А. И. Тургенев – Вяземскому: «Арзамас отомстил за Карамзина одной эпиграммой, и спокойствие Карамзина обезоружило деятельность Жуковского: победа небольшая! Он собирался писать против Каченовского и, при виде холодного презрения Карамзина, убедился в бесполезности ответа» (ОА, 1, 119–120).

1818, 15 сентября. Варшава. Вяземский – А. И. Тургеневу: «Что за арзамасская эпиграмма? Напрасно Жуковский стиснул зубы: пусть кусает. Карамзину молчать, а нам – лаять» (ОА, 1, 121).

1818, 18 сентября. Петербург. А. И. Тургенев – Вяземскому: «Жуковский и Пушкин вчера были в Царском Селе» (ОА, 1, 122). Карамзин читает им свою речь, которая будет произнесена в торжественном собрании Российской Академии.

1818, 22 сентября. Жуковский с А. И. и Н. И. Тургеневыми и Пушкиным у Карамзина в Царском Селе (см.: ОА, 1, 123).

1818, 25 сентября. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому: «В воскресенье Жуковский, Пушкин, брат и я ездили пить чай в Сарское Село и историограф прочел нам прекрасную речь, которую написал он для торжественного собрания Русской Академии, по поручению корешкового ее президента» (ОА, 1, 123).

1818, 28 сентября. Варшава. Вяземский — А. И. Тургеневу: «Сделай милость, не слушайся Жуковского и напечатай мои эпиграммы. Тут личности нет, а на воре шапка горит <...>» (ОА, 1, 126). Упоминаемые Вяземским эпиграммы на Каченовского он переслал в письме А. И. Тургеневу от 25 сентября (см.: ОА, 1, 124).

1818, 30 сентября. Царское Село. Карамзин — Вяземскому: «Думаем к 7 октября переехать в город, читать корректуры, делать визиты, большею частию пустые, пить чай с Тургеневым, Жуковским, Пушкиным <...>» (ПКВ, 63 (3 pag.)).

1818, до 9 октября. Карамзины возвращаются в Петербург (см.: Погодин 1866, II, 220; ПКМ, 35 (1 pag.)); ОА, 1, 127).

1818, 9 октября. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому: «Вчера послал я И. И. Дмитриеву твои эпиграммы, а сегодня покажу твое письмо ко мне Жуковскому, и он решит участь их» (ОА, 1, 128).

1818, 17 октября. Москва. И. И. Дмитриев — А. И. Тургеневу: «Согласен с вами, что эпиграммы хотя и недурны, но я от Вяземского привык ожидать большего <...>» (Дмитриев 1893, 235).

1818, 30 октября. Петербург. Карамзин — Вяземскому: «Я с искренним удовольствием читал ваши прекрасные стихи на Петербург, желая, чтобы вы, любезнейший князь, поправили многие, как в выражениях, так и в мыслях. Жуковский хотел сообщить вам свои замечания» (ПКВ, 65 (3 pag.)).

1818, ноябрь. Москва. Вышел «Вестник Европы» (Ч. 102. № 22; ц. р. от 11 ноября 1818 года) с третьим письмом «От любителя

изящных искусств к его другу» (С. 119–129), где продолжается полемика и разъясняется истинная природа критики.

1818, 12–13 ноября. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому: «Как скоро Нева совсем станет, Шишков соберет Академию и Карамзин будет читать свою речь, которую он еще раз вчера прочел нам в присутствии нескольких Арзамасцев» (ОА, 1, 144).

1818, 13 ноября. Петербург. Карамзин — Вяземскому: «Жуковский был нездоров» (ПКВ, 67 (3 pag.)).

1818, 28 ноября. Петербург. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Жуковской не может нахвалиться своею Августейшею ученицею; но между тем пишет одни грамматические таблицы» (ПКД, 253).

1818, 11 декабря. Петербург. Карамзин — Вяземскому: «Вчера доброй Жуковский показал мне ваш забавный ответ на его критику: о! о! о! Вы делаетесь не на шутку поэтом. <...> Жуковский смеется, и вы смеетесь, и я готов смеяться; а между тем мы все трое любим сердечно друг друга» (ПКВ, 68 (3 pag.)).

1818, 18 декабря. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому, упоминая об обсуждении его стихотворения «Петербург» «ареопогом»: «Жуковский в замечаниях своих был только своим отголоском, ибо из Арзамасцев замечаний его, кроме меня, никто не читал. Карамзин со многими из оных согласен» (ОА, 1, 174).

1819, январь. Москва. Вышел «Вестник Европы» (Ч. 103. № 2. С. 117–132; Ч. 3. С. 198–208; Ч. 4. С. 289–298; ц. р. от 9 января 1819 года) со вторым письмом «От Киевского жителя к его другу», в котором содержится обещанная ранее критика на предисловие, открывающее «Историю» Карамзина.

1819, 28 февраля. Петербург. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Жуковской уехал на две недели в Дерпт. Я ничего не слышал от него о поединке и не давал ему никаких поручений касательно г. Каченовского, ни хвастливых, ни скромных. В стихах его нахожу хо-

рошее и очень хорошее; но иное темно, иное холодно. Императрица говорила мне об них с величайшею похвалою» (ПКД, 258).

1819, март. Москва. Вышел «Вестник Европы» (Ч. 104. № 5. С. 45–53; № 6. С. 124–136; ц. р. от 13 марта 1819 года) с окончанием полемического разбора предисловия к «Истории» Карамзина и «Письмом к редактору» Г. С. Саларева (С. 115–124), также критическим по отношению к «Истории».

1819, 9 апреля. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому по поводу его статьи «О новых письмах Вольтера»: «Сейчас прочел с братом твою пиесу и никак не могу решиться изуродовать ее, по желанию Карамзина; да и брат не советует. Теперь пусть Жуковский подписывает приговор: быть или не быть историографу в «Сыне Отечества»» (ОА, 1, 215).

1819, 16 апреля. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому: «Пиеса твоя переписана, и мы решились оставить в ней и Карамзина, и Каченовского и пустить ее в «Сына Отечества» с некоторыми небольшими переменами только в словах. Жуковский согласен со мною, и мы Карамзина не слушаем. Иначе ты был бы осужден на вечное молчание о Каченовском, а он принял бы это за всеобщее согласие с ним в мнениях его об «Истории»; ибо все Арзамасцы молчат, а Английский клуб во всех отраслях своих с ним давно согласен. Во вчерашнем «Вестнике Европы» уже две пиесы его о Карамзине; первая же о самой «Истории». Трудно вообразить себе что-либо ничтожнее. Даже самая форма не изменяет его бессилия. Одно только сильное желание уязвить, а жала нет, и яд остается при нем. Жуковский получил от него письмо, в котором он обещает не беспокоить уже своими пашествиями» (ОА, 1, 218).

1819, 18 апреля. Варшава. Вяземский — А. И. Тургеневу, о своей статье в защиту Карамзина: «Благословляю тебя и на другие перемены; только, ради Бога, оставь, то есть сохрани все, что относится до Карамзина, или не печатай. Но как же можно было тебе казать пиесу Карамзину? Не мудрено было догадаться, что он требует очистки. Но, впрочем, тут никакого нет защищения; а я ми-

моходом упоминаю только о — — —м старце и, так сказать, говорю только для того, чтобы изъяснить молчание. Так и быть, перекрестясь, послушаемся историографа, или возврати мне пиесу, с коей нет у меня списка, чтобы я собственными глазами увидел, не будет ли она без карамзинского эпизода — как тело без души. От Жуковского тоже ждать нечего, и он вдается в какую-то христианскую выпиренность; а мое правило — за пощечину платить двумя и воздавать сторицею, как говорит Дашков, сын Алькорана, а не Евангелия» (ОА, 1, 219–220).

1819, 21 апреля. Петербург. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Ведаешь ли, что *ты* избрал Каченовского в члены Рос<сийской> Академии? Я положил белой пар и за себя и за тебя, и за Жуковского, и за Оленина. Это совсем не великодушие. Критика *его* весьма поучительна и добросовестна. Не имею духа бранить тебя за твоё негодование; но сам не хочу сердиться» (ПКД, 261).

1819, 26 апреля. Карамзины переезжают на лето в Царское Село (см.: ПКВ, 76 (3 pag.)).

1819, 21 мая. Петербург. Тургенев — Вяземскому: «Письмо твое к Карамзину послал с Жуковским, который третьего дня отправился на житье в Павловск» (ОА, 1, 238).

1819, лето. Жуковский проводит лето в Павловске и Царском Селе, где почти ежедневно бывает у Карамзина, о чем записывает в Дневнике (см.: Жуковский 1903, 64–72).

1819, 3 июня. Царское Село. Карамзин — Вяземскому: «А Жуковский? Читает ваши письма к Тургеневу и радуется» (ПКВ, 78 (3 pag.)).

1819, 24 июня. Варшава. Вяземский — А. И. Тургеневу: «Я ему (Жуковскому. — М. К.) приискал в статье Карамзина о Богдановиче пугало: "Он был на розах, как говорят французы (на павловских розах), но многие блестящие знакомства отвлекли Богдановича от жертвенника муз в самое цветущее время таланта", — и далсе» (ОА, 1, 255).

1819, 8 июля. Царское Село. Карамзин — Дмитриеву: «Жуковской пишет стихи к Фрейлинам» (ПКД, 269).

1819, 3 августа. Царское Село. Карамзин — Вяземскому: «Теперь у нас Тургенев, всегда любезной: мы с ним обыкновенно говорим об вас, как и с Жуковским, который расписался о солнце, о луне и проч. для Павловского — и для потомства, как надеюсь» (ПКВ, 82 (3 паг.)).

1819, 15 августа. Запись в дневнике Жуковского: «Карамзин» (Жуковский 1903, 65).

1819, 16 августа. Запись в дневнике Жуковского: «После обеда у Карамзина» (Жуковский 1903, 66).

1819, 19 августа. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому: «Я читал в Царском Селе Карамзину и Жуковскому твои стихи на польского танцмейстера медведя. Всем понравились» (ОА, 1, 293).

1819, 29 августа. Запись в дневнике Жуковского: «С Карамзиным у Н<атальи> Федот<овны>»³⁶ (Жуковский 1903, 69).

1819, 30 августа. Запись в дневнике Жуковского: «Вечер у Карамзина» (Жуковский 1903, 69).

1819, 1 сентября. Запись в дневнике Жуковского: «Вечер у Плещ<еевой>. Карамз<ин>» (Жуковский 1903, 70).

1819, 12 сентября. Царское Село. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Здесь теперь еще никого нет, ни Двора, ни Придворных. <...> Даже и Жуковского не видим» (ПКД, 271).

1819, 15 сентября. Запись в дневнике Жуковского: «К Карамз<инным>: одна Екате<рина> Андр<севна>. О Самойл<овой>»³⁷. Карамзин» (Жуковский 1903, 71).

³⁶ Речь идет о статс-даме П. Ф. Плещеевой (1768–1855).

³⁷ Речь идет о графине Софии Александровне Самойловой (1797–1866). См. о ней: Веселовский 1999, 221–239.

1819, 17 сентября. Запись в дневнике Жуковского: «К Карамзину: милая черта его души. Разговор о Мейноге»³⁸ (Жуковский 1903, 72).

1819, 20 октября. Царское Село. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Доброй Шишков поручил мне убедительно просить тебя, чтобы ты написал речь или что-нибудь к торжественному заседанию Академии в декабре: итак, пропущу, убеждаю! Жуковский взялся писать речь» (ПКД, 274).

1819, 21 октября. Карамзины возвращаются из Царского Села в Петербург (см.: ОА, 1, 333).

1819, 24 октября. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому: «Здесь скоро будет торжественное чтение в Русской Академии. Жуковский написал уже стихи — подражание Овидию, а Карамзин будет читать отрывок из IX книги "Истории". Шишков корешками своими приворожил талант и к Академии» (ОА, 1, 378). Жуковский не присутствовал на этом заседании, и его стихи прочитал Гнедич.

1819, 3 ноября. Петербург. Карамзин — Вяземскому: «...Тургенева, Жуковского смело называю в Петербурге друзьями, хотя первого редко видим, а второго почти никогда; первый занимается движением, второй — сидением: пишет академическую речь... о влиянии etc.» (ПКВ, 90 (3 pag.)).

1819, 3 ноября. Петербург. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «А здесь — Жуковского не вижу, Тургенева почти не вижу, хотя и люблю их всем сердцем. Я стар для молодых; и самые старики для меня молоды» (ПКД, 275).

1819, до 20 декабря — 1820, до 21 января. Жуковский проводит в Дерпте (см.: ОА, 1, 379, 383; ОА, 2, 9).

1820, 8 января. Петербург. На заседании Академии наук Карамзину вручают золотую медаль с надписью «Отличную пользу

³⁸ Вероятно, о книге А. С. Стурдзы «Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne». — *Примеч.* 1903 г.

русскому слову принесшему», после чего Н. И. Гнедич читает перевод Жуковского, находящегося в это время в Дерпте, из «Метаморфоз» Овидия (СН 1898, 4, 134).

1820, 21 января. Петербург. Карамзин — Вяземскому: «Мы с Жуковским говорили о том, что не худо бы от времени до времени приглашать 20 или 30 женщин, 30 или 40 мужчин в залу (например) Катерины Федоровны Муравьевой для какого-нибудь приятного чтения, не беседного, не академического, а... разумеете? И так мы положили требовать от вас содействия стихами, прозою, как угодно, с наблюдением некоторых правил <...>» (ПКВ, 94 (3 паг.)).

1820, середина апреля. Петербург. Хлопоты Карамзина и Жуковского (ср. об этом запись: 1820, 5 (?) мая) по делу Пушкина (см.: Цявловский 1951, 212 (здесь также сообщается об усилиях, предпринятых П. Я. Чаадаевым); письма Карамзина И. И. Дмитриву от 19 апреля и от 7 июня 1820 года // ПКД, 286–287, 290; СН 1897, 1, 101).

1820, 5 (?) мая. С. Л. Пушкин в письме Жуковскому благодарит его, Карамзина и А. И. Тургенева за хлопоты по делу Пушкина (Оксман Ю. К истории высылки Пушкина из Петербурга в 1820 г.: Неизвестное письмо С. Л. Пушкина к В. А. Жуковскому // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 191–195).

1820, 12 июля. Москва. Каченовский — Н. И. Гнедичу: «Не говорите, Бога ради, о критике на *Историю*! Досталось мне уже и за рецензию на одно лишь *Предисловие*: одни отворачивались от меня, другие меня не узнавали; третьи называли меня попеременно то сумасбродным, то опасным человеком; иные даже старались вредить мне по службе; Жуковский, выругавши меня добрым порядком в письме, прекратил со мною всякое сношение» (РА 1868, стб. 972).

1820, 8 сентября. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому: «Вчера должен был приехать сюда Жуковский и Плещеев. Они обедали в Царском Селе у Карамзина, который опять занемог тем же ревматизмом и скоро принужден будет возвратиться в город» (ОА, 2, 61).

1820, 17 сентября. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому: «Поздравляю от всей души милую княгиню с днем св. Еду в Царское Село пить за ее здоровье с Карамзиным, Жуковским, Блудовым и бароном Шиллингом» (ОА, 2, 70).

1820, 20 сентября. Царское Село. Карамзин — И. И. Дмитрию: «Жуковской едет в Берлин. Увы! он влюблен, но не жених! Ему хотелось бы жениться, но при Дворе не легко найти невесту для Стихотворца, хотя и любимого» (ПКД, 294).

1820, конец сентября. Жуковский в свите Александры Федоровны уезжает в свое первое заграничное путешествие (*Зейдлиц* 1883, 117).

1820, 2 октября. Дерпт. Жуковский — А. И. Тургеневу, по поводу А. Ф. Воейкова: «Я еще в Дерпте <...>; думаю, что выеду отсюда завтра поутру. Прости, брат. Еще раз поручаю твоей дружбе Сашу¹⁹. <...> Объясни Карамзиным всю ту пользу, которую они могут принести ей своим обществом, и для этого убеди их иметь терпимость к мужу ее» (ПЖТ, 191).

1820, 19 октября. Царское Село. Карамзин — И. И. Дмитрию: «Жуковской совсем не суетен и еще менее корыстолюбив; но *летний* Двор приводит его в рассеяние, не весьма для Муз благоприятное, и в любовную меланхолию, хотя пиитическую, однако же не стихотворную. Он еще молод; авось и встанет и *возрастет*! Какой бессмертный откажется от таких лакомств, чтобы вместо *рыбков* посылать в *Сына Отечества рыболовов*? Обстоятельства решат судьбу и талантов» (ПКД, 297).

1821, 3 февраля. Москва. И. И. Дмитриев — Вяземскому: «Вчера я писал к Карамзину и шутил насчет сделанного ему сюрприза. Верно, вам не миновать журбы его. Но да постыдятся Батюшков и Жуковский! Они не имели вашей энергии подать *по-авторски* явно свой голос в пользу первого нашего автора; они оробели вос-

¹⁹ Александру Андреевну Воейкову. *Примеч.* 1895 г.

стать на его оскорбителя, а не критика, — оробели потому только, чтобы самим не попасть под его критику. А им надлежало поступить иначе: публика наша еще сама на себя не полагается. Смелость в печати всегда покоряет ее. Прибавьте к тому, какое направление дает это малодушное молчание, с одной стороны, и наглое оскорбление талантов, с другой, незрелым умам юношества. Какое развращение будет для вкуса, сколько еще прибавится у нас пачкунов в литературе!» (СН 1898, 2, 145).

1821, 10 марта. Петербург. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Жуковской видит и хвалит Шатобриана; собирается путешествовать, искать мыслей и чувств: Батюшков едва ли нашел их в Италии» (ПКД, 304–305).

1822, 6 февраля. Петербург. Жуковский возвращается из путешествия по Европе (см.: Жуковский 1903, 177).

1822, 7 февраля. Петербург. Карамзин — Вяземскому: «Жуковский приехал; мы еще не видали его. Императрица нашла, что он не распрявился в путешествии» (ПКВ, 122 (3 pag.)).

1822, 7 февраля. Петербург. Жуковский посещает Карамзина (см.: Жуковский 1903, 178).

1822, 9 февраля. Петербург. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Накопец явился Жуковской, с любовью к Берлину и с приятными воспоминаниями о своем путешествии, но без жены, вопреки сказкам. Он просил меня напомнить тебе об нем. Говорит, будто в Берлине сердца теплее и умы деятельнее: чего доброго!» (ПКД, 323).

1822, 10 февраля. Петербург. Жуковский посещает Карамзина (см.: Жуковский 1903, 178).

1822, 27 февраля. Петербург. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Все по-старому. Видим Тургенева, Жуковского <...>» (ПКД, 324).

1822, 5 апреля. Петербург. Карамзин — Вяземскому: «Каково рассуждение Плетнева о Жуковском и Батюшкове в книге Греча? Мы посмеялись; но это и жалко» (ПКВ, 126 (3 pag.)).

1822, 4 мая. Петербург. Карамзин — Вяземскому: «Жуковский читает нам Иоанну Шиллерову: перевод очень хорош для чтения; но не знаю, как будут наши актеры играть ее: это роман в разговорах, а не драма» (ПКВ, 129 (3 pag.)).

1822, 6 (?) мая. Карамзины пересезжают в Царское Село (см.: ПКВ, 129 (3 pag.)).

1822, 19 мая. Царское Село. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Жуковской от Иоанны Шиллеровой перешел к Виргилиеву Енею» (ПКД, 329).

1822, 29 мая. Царское Село. Карамзин — Вяземскому: «Жуковский сидит за Виргилием: переводит экзаметрами лучшие места Энеиды и спорит со мною о высоком достоинстве Шиллеровой Иоанны, которую граф Кочубей запретил играть на здешнем театре, опасаясь соблазна явлений Богоматери etc.» (ПКВ, 131 (3 pag.)).

1822, 31 мая. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому по поводу его отзыва об «Итальянской грамматике», напечатанного впоследствии в «Сыне Отечества» (1822. Ч. 79. № 29. С. 129–130): «Не сердись, что измарал. Право, иначе грамматика бы на тебя рассердилась. Впрочем, против совета Карамзина и Жуковского, оставил наместки свободомыслия, которые не совсем у места в объявлении о грамматике» (ОА, 2, 257).

1822, май–июнь. Царское Село. Жуковский — Гнедичу: «Любезнейший Гнедок! Я перед тобою виноват, не написал тебе ни слова о “Узнике”». Но это случилось оттого, что он был мною забыт у Карамзина и послан не мною, прямо из Сарского Села» (Жуковский 1960, 4, 574; полный текст письма: 574–575).

1822, 13 июня. Царское Село. Карамзин — Вяземскому: «Жуковский сидит за Энеидою и бормочет экзаметрами» (ПКВ, 131 (3 pag.)).

1822, 28 августа. Царское Село. Карамзин — Вяземскому: «Жуковский хочет также быть царскосельским жителем до глубо-

кой осени. Я с удовольствием слушал его перевод Энеиды» (ПКВ, 133 (3 паг.)).

1822, 7 сентября. Царское Село. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «На сих днях я с удовольствием слушал перевод Жуковского из Энеиды. Он теперь в состязании с Ценсурю за свою последнюю балладу» (ПКД, 336).

1822, 20 сентября. Жуковский переезжает из Царского Села в Петербург (см.: РС 1883, 10, 82).

1822, 31 октября. Карамзины возвращаются в Петербург (см.: ПКВ, 135 (3 паг.)).

1822, 14 декабря. Петербург. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Между тем положено быть торжественному Заседанию в Академии 27 или 28 дек<абря>. Я намерен читать о Годунове, а К. Шаховской две сцены из своей новой Комедии, Аристофана; Жуковской некоторые места из Энеиды; Воейков что-то о Ломоносове в стихах» (ПКД, 342).

1823, 1 января. Петербург. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Доселе наши верные Тургенев, Блудов, Жуковский» (ПКД, 344).

1823, 9 января. Остафьево. Вяземский — Жуковскому: «Ты думаешь, что заключения мои издателю Дмит<риеву> не основательны. Согласен с тобою и даже охотно забываю суждение Карамзина о тебе, что он ни малейшей доверенности не имеет ко мнениям твоим насчет ума и чести людей» (РА 1900, 1, с. 185).

1823, 14 января. Петербург. Публичное заседание Академии наук, на котором присутствовали Карамзин и Жуковский. Карамзин читал отрывки из «Истории государства Российского» о Борисе Годунове и Димитрии Самозванце, а Гнедич — перевод Жуковского из «Энеиды» Вергилия (АБТ, 5, 339; РА 1871, стб. 976–977; ПКД, 0155).

1823, 19 января. Петербург. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «На сих днях было блестящее собрание в Рос<сийской> Академии: читали кое-что, а я о Димитрии и Годунове. 2 Сцены Шаховского очень изрядны; а перевод Жуковского из Виргилия мне полюбился своею живостию» (ПКД, 345).

1823, конец февраля. Жуковский уезжает в Дерпт (см.: Веселовский 1999, 195).

1823, 10 марта. Жуковский возвращается в Петербург (см.: Веселовский 1999, 195; Зейдлиц 1883, 131).

1823, 19 марта. Жуковский, узнав о смерти М. А. Мойер, снова уезжает в Дерпт (см.: Зейдлиц 1883, 131).

1823, 1 мая. Петербург. Карамзин — Вяземскому: «Жуковский еще в Дерпте» (ПКВ, 141 (3 pag.)).

1823, между 9 и 17 мая. Жуковский возвращается из Дерпта и около 19 мая пересезжает в Павловск, где проводит лето с царским двором (см.: ОА, 2, 322–324).

1823, 5 июля. Блудов — Жуковскому: «Друг Жуковский! Ты живешь в Павловске, но по крайней мере в соседстве Царского Села. Сделай милость, узнай и дай мне знать, каков наш почтению-любезный историограф. Меня вчера Кочубей напугал, сказав, что у него сильная желудочная горячка или лихорадка, не знаю: *fièvre gastrique*» (РА 1902, 2, с. 343).

1823, 14 июля. Блудов — Жуковскому: «Спасибо тебе, друг милый, тысячу раз спасибо за твои вести об нашем бесценном и нашем, слава Богу, кажется спасенном историографе. Твои записки редко давали мне надежду и никогда не сказывали нового <...>» (РА 1902, 3, с. 343).

1823, 1 октября. Москва. Между Жуковским и А. И. Тургеневым происходит размолвка, которую пытаются уладить Карамзин и

Вяземский. По этому поводу Вяземский пишет А. И. Тургеневу: «В пребывании моем в Царском Селе говорил я об этом серьезно с Карамзиным, ибо не мог равнодушно видеть добровольное состояние Жуковского при тебе» (ОА, 2, 354).

1823, 5 октября. Царское Село. Карамзин — Вяземскому: «Принцессу Шарлотту, очень любезную, как все уверяют, видели мы также в Гатчине и здесь у Императрицы Елисаветы. Жуковский уже воспел ее» (ПКВ, 147 (3 pag.)).

1823, 9 октября. Петербург. В ответ на упреки Вяземского А. И. Тургенев, оправдываясь, упоминает, в частности, о том факте, что Жуковский призывал Карамзина в судьи их разногласий: «Впрочем, нас двух никому судить нельзя, и Жуковский дурно сделал, что и Карамзину предлагал себя и меня на суд» (ОА, 2, 358).

1823, 13 ноября. Карамзины переезжают из Царского Села в Петербург (см.: ОА, 2, 366).

1824. Жуковский пишет «Обзор русской литературы за 1823 год», во вступлении к которому «История» Карамзина названа образцовым русским сочинением в прозе: «В прошлом 1823 году вышло в свет более 200 книг; немного из них лишь произведений оригинальных, большинство не что иное, как перепечатанные старые переводы. Мы имеем только одну классическую книгу в прозе, которую с гордостью можем поставить наряду со всеми лучшими произведениями всех веков и народов, — это “История” Карамзина. Он открыл нам тайну языка, но никто еще не умеет пользоваться его тайною. Благодаря ему язык вообще сделался чище, но искусства употреблять этот очищенный язык еще никто у него не принял. Причина этому та, что для писателя в прозе мало выраженного таланта — нужен ум, налитанный и распространенный основательными знаниями, нужно искусство, которое не иное что, как талант, просвещенный знаниями, воспитанный размышлением, очищенный вкусом» (Жуковский 1985, 311).

1824, 5 марта. Петербург. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Теперь чтение твоих Записок услаждает Жуковского» (ПКД, 370).

1824, 22 марта. Москва. Мерзляков — Жуковскому: «Поговори также за меня с Муравьевым и Карамзиным: сей последний особенно знает нужды нашей братии и знает средства помогать им» (РА 1871, стб. 0153).

1824, 6 мая. Жуковский выезжает с Батюшковым из Петербурга в Дерпт (см.: ОА, 3, 42) и возвращается в конце мая.

1824, 13 июня. Царское Село. Карамзин — Вяземскому: «Жуковский занимается не только грамматикою, но и азбукою, которая есть начало премудрости. Знаете ли, что я часто воображаю его в французском кафтане, в парике, с кошельком, с лентою через плечо? Это будет в 1862 году, не ранее, как надеюсь. Но прошу не сказывать другим, без всякого исключения» (ПКВ, 154 (3 паг.)).

1824, 5 июля. Жуковский едет в Царское Село (см.: ОА, 3, 131).

1824, 3 августа. Царское Село. Карамзин — А. И. Тургеневу: «Любезнейший друг! Жуковский приехал, а со мною не видался» (Погодин 1866, II, 323).

1824, 22 августа. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому: «Письмо твое прочел во вторник Жуковскому и Карамзиным <...>» (ОА, 3, 78–79).

1824, 25–31 октября. Михайловское. Пушкин — Жуковскому: «Введи меня в семейство Карамзина, скажи им, что я для них тот же. Обними из них кого можно <...>» (Переписка, 113 (№ 105); РА 1872, стб. 2357; Летопись 1999, 1, 450: цитата сокращена).

1824, 15 (?) — 20 (?) ноября. Михайловское. Пушкин в письме Л. С. Пушкину просит его поговорить с Карамзиным и Жуковским о его дальнейшей судьбе (см.: Переписка, 121 (№ 115); Цяловский 1951, 535).

1824, 16–17 ноября. Карамзины переезжают в Петербург (см.: ПКМ, 77 (1 паг.)).

1824, 29 ноября. Михайловское. Пушкин — Жуковскому: «Ты увидишь Карамзиных — тебя да их люблю страстно. Скажи им от меня что хочешь» (*Переписка*, 124 (№ 118); *РА* 1872, стб. 2357).

1825, 31 января. Петербург. Жуковский — А. И. Тургеневу: «Рождение провел у Карамзина и дома; именины у Козлова и дома <...>» (*ПЖТ*, 198).

1825, 3 марта. Петербург. А. И. Тургенев — Вяземскому: «Получив письма, поскакал к Карамзиным с Жуковским <...>» (*ОА*, 3, 102).

1825, 20–24 апреля. Михайловское. Пушкин — Жуковскому: «Вяз<емский> пишет мне, что друзья мои в отношении властей изверились во мне: напрасно. Я обещал Н<иколаю> М<ихайловичу> два года ничего не писать противу правительства и не писал» (*Переписка*, 167 (№ 164); *РА* 1870, стб. 1170; см. также: *Летопись* 1999, 2, 43).

1825, 15 мая. Карамзины переезжают в Царское Село (см.: *ОА*, 3, 125).

1825, 22 или 29 июня. Петербург. «А. И. Тургенев пишет <письмо> Н. М. Карамзину (?) в Царское Село и выписывает из письма Пушкина к Вяземскому место, посвященное высокой оценке Жуковского <...>» (*Цявловский* 1951, 614; *РА* 1870, 6, стб. 1180).

1825, 31 июля. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Любезное твое Симбирское письмо дошло до меня <...>. Как я смеялся действию стихов Жуковского! И он смеялся, слагая с себя вину на Гете» (*ПЖД*, 401).

1825, 5 августа. Петербург. Плетнев пишет письмо Пушкину, в котором упоминает «об участливом отношении» к нему Жуковского и Карамзина: «Жуковский тебя обнимает. <...> Ты не поверишь, с каким он участием всегда говорит о тебе. Напрасно ты мизантропствуешь. Карамзин и все твои прежние друзья остались к

тебе расположены по прежнему» (*Цявловский 1951, 627; Переписка, 202–203 (№ 197)*).

1825, 17 августа. Михайловское. Пушкин — Жуковскому: «К стати об элегиях, трагедия моя идет, и думаю к зиме ее кончить; в следствие чего читаю только Карамзина да летописи. Что за чудо эти 2 последние тома Карамзина! какая жизнь! *c'est palpitant comme la gazette d'hier*⁴⁰, писал я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть. Не льзя ли мне доставить или жизнь *Железного Колпака*, или житие какого-нибудь *юродивого*» (*Переписка, 211–212 (№ 206); РА 1870, стб. 1173*).

1825, 2 сентября. Царское Село. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Педагога Жуковского, доброго, милого по-прежнему, вижу часто; но поэт Жуковский, кажется, спит до поры и до времени» (*ПКД, 404*).

1825, 22 октября. Царское Село. Карамзин — И. И. Дмитриеву: «Без него (А. И. Тургенева. — М. К.) Петербург для нас опустел: разве Блудов от времени до времени будет к нам заглядывать, Жуковский (так!), граф Сергей Петрович — или Хвостов!» (*ПКД, 409*).

1825, 30 октября. Петербург. К. С. Сербинович едет с А. С. Шинковым в Гатчину, где, навещая Карамзиных, застает у них Жуковского (см.: *Погодин 1866, II, 448*).

1825, 15 ноября. Карамзины переезжают в Петербург (см.: *Погодин 1866, II, 449*).

1825, 28 ноября. Петербург. Жуковский пишет А. И. Тургеневу в связи с известием о смерти императора Александра I: «Я, узнав о приезде второго курьера (с известием о состоянии здоровья императора. — М. К.), тотчас поехал к Карамзину; нашел их всех в оцепенении ожидания, и мы вместе ожили надеждою» (*ИЖТ, 201*).

⁴⁰ <Читать это> так же захватительно, как вчерашние газеты (*фр.*).

1825, 6 декабря. Петербург. Именины Карамзина. Жуковский присажает поздравить его (см.: *Погодин 1866, II, 461*).

1825, 26 декабря. Петербург. Погодин в своих «Записках» рассказывает об обеде у Карамзина: «Обедал я вместе с Жуковским. Мы пришли один после другого, прежде, нежели возвратился Николай Михайлович с прогулки, и нас приняла Катерина Андреевна» (*Погодин 1866, II, 471; РА 1866, стб. 1769*).

1825, 29 декабря. Петербург. Погодин записывает в дневнике: «У Карамзиных опять ввечеру Тургенев и еще Жуковский и Дашков» (*Погодин 1866, II, 476*).

1826, 11 января. Петербург. Приписка Е. А. Карамзиной к письму Карамзина к Вяземскому: «Nous ne sortons nulle part, nous ne voyons que⁴¹ Жуковский et Блудов» (*ПКВ, 172 (3 pag.)*).

1826, 21–29 января. Михайловское. Пушкин пишет письмо Жуковскому, содержащее просьбу «похлопотать за него перед царем», а также «показать это письмо» и Карамзину, а затем сжечь (*Цявловский 1951, 676; Переписка, 257–258 (№ 240)*).

1826, весна. Петербург. Жуковский — Вяземскому: «О Николае Михайловиче я также не писал, потому что к тебе писали сами Карамзины; ты знаешь начало и ход болезни. Третьего дня я в первый раз видел его: нашел, что он похудел; но на коже его не видно следов разрушительной болезни; он не поразил меня; напротив, взгляд на него меня успокоил и ободрил. А это было нужно, ибо в этот день я говорил с Риттихом (домовым доктором Карамзиных, который и в эту болезнь бывает у него с Миллером⁴²). Риттих боится за будущее; он не находит его в опасности, но полагает, что в нем готовится и должно раскрыться нечто неисцелимое. Он полагает это почти неизбежным. Николай Мих<айлович> очень слаб, по временам чувствует расположение к оспе и манерою, которою

⁴¹ Мы никуда не выходим и никого не видим, кроме (фр.).

⁴² Речь идет о враче, лечившем Карамзина.

он кашляет, имеет весьма худое свойство: все это, по словам Риттиха, доказывает, что легкое может быть <нрзб.>. Он боится нарыва в легком; если он сделается, то следствия будут смертельны; действие может быть или быстрым, или медленным, но все гибельное. Рюль ничего этого не видит и полагает, что он оправляется, что выздоровление должно быть медленно, но что болезнь остановится и что он только слаб от ее действия прошедшего. Всем сердцем верю Рюлю! Хочу этому верить! Необходимо этому верить! Взгляд на него не пугает. Не позволяю себе предаваться мысли о возможной его потере. Я не знаю, как назвать это чувство: нет Карамзина! Il y a quelque chose de profondément religieux dans la tristesse qu'un pareil sentiment donne à l'âme⁴³. Возможность такой потери терзает душу совсем иначе, нежели то громозвучное падение, которым она была поражена так недавно. Карамзин в том свете. — Это не говорит душе о неоспоримости жизни: а вселяет какое-то священное, горестное к ней уважение! Это не разочаровывает ее, а только яснее дает видеть ее истинное достоинство, уничтожая все ее мечтательное. Наши лучшие товарищи, истинные свидетели и судьи наших чувств и дел, нас покидают — чем заменить их? Неужели какими-нибудь пустыми надеждами, ничтожным исканием дрянных земных благ! Нет! Все это удаляется из глаз! Остается одно неизменное, твердое, не требующее ни наград, ни свидетелей: должности.. У всякого есть этот спутник! Живи с ним и уживайся!.. Теперь этот спутник более, нежели когда, необходим! Он так же необходим, как твердый посох, который не радуется, но поддерживает и помогает идти... Но Карамзин с нами! и опасности нет! Будем надеяться лучшего» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909 а, л. 71 — 71 об.).

1826, весна. Петербург. Жуковский — Вяземскому: «Ты, вероятно, приедешь проститься с Николаем Михайловичем, но меня уж не найдешь в Петербурге. Разлучаться с Николаем Михайловичем для меня очень тяжело. Он слаб. Возможно, теплый юг восстановит несколько его силы. Но когда с ним опять увидишься. Скоро ли можно будет ему отважиться на возвращение в наш суровый климат? Сохрани его Провидение. Это говорю как эгоист. Его жизнь есть лучшее укрепление нашего света: без нее он самым горестным образом об-

⁴³ Есть что-то истинно благоговейное в той грусти, которую вызывает в душе это чувство (фр.).

нажится и кости скелета слишком явно скажутся» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909а, л. 67 — 67 об.; выделено автором письма).

1826, 20 марта. Москва. Вяземский — А. И. Тургеневу, по поводу волнений последнего за судьбу брата Николая: «Разумеется, Карамзин и Жуковский — лучшие создания Провидения, но увы! и они под колдовством, и советы их в таком случае могут быть не совершенно здравы» (АБТ, 6, 25).

1826, 28 марта. Петербург. Жуковский — И. И. Дмитриеву: «И Николай Михайлович собирается искать теплого климата: это для него необходимо. В благословенном петербургском климате он не воротит своих утраченных сил» (Жуковский 1878, 6, 431–432).

1826, 25 апреля. Петербург. Жуковский — Вяземскому: «Слава Богу! друг! Мы, кажется, можем поздравить себя с совершенным выздоровлением нашего Историографа. Вчера наконец я его видел и просидел у него с час. Он еще очень слаб; похудел, но менее, нежели как я ожидал; мы два раза вместе с Е<катериной> Андр<севой> водили его по комнате. Было весело и вместе грустно его поддерживать. Смотришь на него с новою, нежнейшею любовью: милая жертва, вырванная из руки смерти» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909 а, л. 64).

1826, 4 мая. Петербург. Жуковский — Вяземскому: «Мысль прекрасная провожать Николая Михайловича. И он, кажется, весьма этому обрадовался. Приезжай к ним немедленно. За них сердце спокойнее, зная, что с ними будет проводник» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909 а, л. 69).

1826, 9 мая. Петербург. Жуковский записывает в дневнике: «Отдал госуд<арю> письмо о Карамзине» (Жуковский 1903, 178). Имеются в виду составленные Жуковским рескрипт императора Николая I от 13 мая 1826 года и указ министру финансов от того же числа о производстве Карамзину пенсиону в размере 50 тысяч рублей в год.

1826, 10 мая. Петербург. Запись в дневнике Жуковского: «Поутру у Карамзина» (Жуковский 1903, 178).

1826, 10 мая. Петербург. Жуковский — Вяземскому: «Мой милый друг, наш Николай Михайлович уже девять дней как болен; не могу не известить тебя об этом. Болезнь тяжелая — желчная горячка. Еще нет причины терять надежду; но опасность существует. Я всякой день бываю у них; его не вижу, но выдаю детей. Его лечит Виле и Рель; третьего дня присажали из Петербурга Миллер и Реманю⁴⁴. Они не сказали ничего решительного: завтрашний вечер должен объяснить то, чего мы ожидать должны. Жду его с сжатым сердцем и страхом. Буду к тебе писать постоянно. Сохрани нас от этой потери — но я еще и мысли о потере к себе не допускаю; хочу ждать лучшего конца. Екат<ерина> Андреевна ходит за ним с своею обыкновенною твердостью; дивлюсь силе ее души — но вчера, однако, она была очень слаба; несколько ночей, проведенных без сна, привели ее в изнеможение. Пынче после обеда буду у них, и что узнаю, прибавлю к тому, что написал... Сохрани Бог священную жизнь Карамзина. В последний раз, когда я у него был, я его не видел, но посмотрел на него из дверей: какое грустное чувство наполнило душу, когда увидел его голову, лежащую на подушке, без силы поднять, когда услышал его изменившийся голос. И им болезнь овладела; и ему обыкновенная судьба! Этот образ не покидает меня.

8 часов после обеда.

Сейчас видел Ренана; он меня ободрил. Он ожидал найти больного в худшем положении и нашел его все в том же. Это знак добрый.

Понедельник, 10 часов вечера.

Кажется, теперь можем быть спокойны. Я сейчас возвратился из Сарского Села. Вилье доволен состоянием больного: болезнь остановила свое действие; а силы возобновили свое. Кризиса явного не было, но он будет постепенный. Все признаки к лучшему. Был сон; язык чище; память. — Это письмо послано будет из Сарского Села. Они сами к тебе припишут. Екатерина Андреевна, которая не имела духа ни об опасности, ни о неверной надежде, сама приказала мне теперь к тебе написать. Она очень изнурена; ужасно переменялась; но надежда была для нее самым лучшим утешителем» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909 а, л. 59–60).

⁴⁴ Речь идет о врачах, лечивших Карамзина.

1826, 11 мая. Петербург. Запись в дневнике: «Поутру у Карамзина» (Жуковский 1903, 178).

1826, 11 мая. Жуковский уезжает из Петербурга (см.: Жуковский 1903, 178).

1826, 11 мая. Петергоф. Запись Жуковского в дневнике: «Карамзин здоровый, веселый. Теперь два во гробе. Карамзин едва ли воскреснет» (Жуковский 1903, 179).

1826, 13 мая. Петербург. Карамзин получает рескрипт Николая I от 13 мая 1826 года о производстве ему пенсионна, составленный Жуковским. В этот же день Николай I подписал соответствующий указ Министерству финансов (см.: Погодин 1866, II, 494–495).

1826, 22 мая. Петербург. Смерть Карамзина.

1826, 2 июня. Гамбург. Жуковский — А. И. Тургеневу: «От Кутузовой, которую видел в Любеке, я слышал о пенсионе Карамзина; уведошь обстоятельно и пришли копии с рескрипта и указа. Опиши как можно подробнее его теперешнее состояние, каков он сам и что его поездка. И ты и он — два больные, которых болезнь тяжело гнет мое сердце. Приехал ли Вяземский и поедет ли с ним вместе?» (ИЖТ, 213).

1826, 14 июня. Эмс. Жуковский — императрице Марии Федоровне: «Карамзина нет!.. Вот что ожидало меня при моем сюда прибытии. Как ни приготовлен был я своим убеждением к такому несчастию, но все <же> оно было неожиданным ударом для сердца. Я видел его в самый день моего отъезда, и, расставаясь с ним, я мысленно сказал ему: прости навеки! Но так скоро! Боже мой! Подобные потери отымают у жизни все ее земное очарование: наше здешнее счастье заключено все в тех людях, которых сердце любит, которых добродетель есть наша совесть, которых одобрение есть наша подпора и награда. Без них наша дорога пуста. Но они покидают нас и должны покидать нас: таков закон всего здешнего. Один только спутник строгий, безмолвный, не утешающийся никакими наградами, может остаться *нашим* до гроба: этот спутник — *долж-*

ность. Понимаю, что вы почувствовали, всемилостивейшая Государыня, когда достигло до вас горестное известие. Вы умели ценить его прекрасную душу. Подобной в чистоте на земле не было. Он до гроба сохранил всю непорочность младенца, которая удивительно соединена была в нем с высокою мудростию мужа. Жизнь его представляет нечто совершенное. Смерть Карамзина... Это слово пробуждает в душе совсем не то понятие, какое соединено со словом *смерть*, так часто слышимым и произносимым. Кто знал его жизнь, кто знал, что вся эта жизнь была не иное что, как искание мыслию и делом того, что совершенно обретается только в лучшей жизни, тот невольно почувствовал благоговение при вести о его смерти. Такая душа вступает в лучший мир, как в мир знакомый; мигута смерти есть для нее только полное откровение того, что было для нее здесь предчувствием, что составляло ее земную мудрость. Благословенно место, где покоится прах его! Оно будет святынею для отечества. Кто подойдет к нему с тем чувством, которое должно возбуждать в душе воспоминание о Карамзине, тот удалится от него лучшим и более достойным жизни» (РА 1896, 3, с. 458–459).

1826, 15 июня. Эмс. Жуковский — императрице Александре Федоровне: «Я уже несколько дней в Эмсе. Великий Боже! Какое известие ожидало меня при моем прибытии сюда! Карамзина нет более! Мое предчувствие не обмануло меня! На земле еще одним ангелом меньше! да! ангелом! Это настоящее его название. Никогда еще существо более чистое не украшало мир! Он покинул нас! Какая потеря для России! Какая потеря для Повелителя России! Да, Все-милостивейшая Государыня! В лице его Вы лишились подданного вполне испытанной честности, мудрого советника, идеи которого были велики без преувеличения; который любил свою страну, который знал ее, который мог быть полезным трону своей мудростью; человек, достойный уважения и заставлявший уважать человеческое достоинство, потому что и он сам был живым доказательством, что на свете существует истинная добродетель и что можно любить добро ради добра, без всяких корыстолюбивых и эгоистичных видов на него. Благословения родины, прославлению которой он так много содействовал своими сочинениями, последуют за ним в могилу и сделают священным место, где покоятся его останки. — С какими

чувствами признательности и умиления прочел я в маленькой газетке, возвсестившей об этой горестной для меня утрате, о том, что сделал мой августейший Покровитель для него и для его семьи. Император воздал ему должное — образом, достойным вождя великого народа: он получил свою награду, не прося ее; она пришла к нему сама собою, непосредственно от сердца его Государя. Он был глубоко религиозен, и душа его не обманулась в своем уповании на Бога: будущее его жены и детей, хотя было не обеспечено, никогда его не беспокоило; он предоставлял его совершенно спокойно божественному Провидению... И Провидение явило себя ему в ту минуту, когда он готов был сойти в могилу. Император может сказать себе: я усладил последние минуты добродетельного существа. И, конечно, образ благодетеля его семьи предстал пред ним в эти торжественные минуты вместе с теми, которых он любил и покидал навсегда; благословляя их, он также благословлял своего Государя и его царствование: такое благословение никогда не остается без последствий» (Жуковский 1907, 14–15 (2 pag.); оригинал письма по-французски; цитируемый фрагмент см.: Жуковский 1907, 7 (2 pag.)).

1826, последние числа июля. Эмс. Жуковский — А. И. Тургеневу: «Не умсю изъяснить твоего молчания и не могу никак с ним помириться. Ни ты, ни Вяземский не вспомнили обо мне в минуту несчастья! Но я не хочу обвинять, когда надобно вместе плакать. Вы, верно, ко мне писали; куда делись письма и как они могли не дойти ко мне, не понимаю. Вообрази мое положение — узнать из газет, что Карамзина нет на свете. И вот все, чту я знаю! Но чту сделалось с ними? И как это бедствие на них грянуло? Каково это воображать и не иметь ниоткуда помощи! Его я проводил сердцем в лучшую жизнь, уже покидая Россию. Об нем могу думать, как об ангеле, которого только лице для меня закрылось. Но сердце его никогда не потеряет. Он был другом-отцом в жизни; он будет тем же и по смерти. Бульшая половина жизни прошла под светлым влиянием его присутствия. От этого присутствия нельзя отвыкнуть. Карамзин — в этом имени было и будет все, чту есть для сердца высокого, милого, добродетельного. Воспоминание об нем есть религия. Такие потери могут делать равнодушным только к житейскому счастью, а не к жизни. Кроме счастья есть в жизни должность. Тут мысль об

нем есть подпора — перед глазами ли он, или только в сердце. Он жив, как вера в Бога, как добродетель. Его потерять нельзя, — лишь только надобно быть достойным его. По чьему они? Неужели мне еще долго не иметь известия? Не понимаю, как я мог его не иметь. И не могу решиться подумать, чтобы вы могли забыть обо мне при таком несчастии. <...> Где он погребен? На кладбище или в церкви? Если на кладбище, то надобно купить побольше места около гроба. Надобно украсить это место. Похлопочи об этом» (ИЖТ, 214).

1826, июль. Эмс. Жуковский — Е. А. Карамзиной: «И наш ангел на небесах! Так; он был наш ангел! Друг, хранитель, наставник, пример всего доброго, ободритель для всего прекрасного! — Кто имел счастье любить его, тому уже нечем заменить своей потери! Подобной души не встретишь. Когда я его покидал, я чувствовал, что это навсегда. Я не смел с ним проститься. Я счастлив, что мог поцеловать его руку. Это было безмолвным выражением всей моей благодарности за то, что был он для меня в жизни. И кто мог быть более! Лучшее мое чувство, чистое и высокое, как религия, была моя к нему привязанность. Смерть этого чувства ни ослабить, ни изменить не может: она переименовала только его имя! Любовь к милой его памяти будет таким же благотворением на остаток жизни, каким была любовь к нему самому. Сердце благоговевает перед его смертью. Она так же возбуждает и доверенность к Божеству и уважение к жизни, как самая жизнь его. — Чтобы почувствовать с благодарностью к Провидению, что есть другой, лучший мир, надобно только переселить в него подобную душу. Как не поверить теперь бессмертию и как не чтить той жизни, которая ведет к этому бессмертию! Кто жил лучше и кто после себя оставил более подпора для тех, которые должны вечно скорбеть об нем? В горести об нем, в мысли о том, что он был прежде и что он теперь, заключены все драгоценнейшие житейские блага! Сколько веры, сколько поощрения к добродетели, сколько стоит надежд в воспоминании об нем для нас, детей и друзей! — Первое, что меня здесь встретило, было известие о моей потере; я был к ней приготовлен, но она поразила как неожиданность. С тех пор два чувства наполняют душу: умилительная мысль об нем, о друге, благотворителе, ангеле, который хотя и невидим, но никогда, никогда не покинет меня в жизни. Другая об вас, жестоко тревожа-

чая сердце. <...> Не умею вообразить вашего положения и боюсь об нем думать. Но как вы теперь для меня драгоценны! Одна надежда на вашу добродетельную твердость. Подкрепи вас Бог! Простите» (Жуковский 1878, 6, 510–512).

1826, 15 июля. Эмс. Жуковский — А. И. Тургеневу: «Я получил письмо твое, милый брат, писанное с Зейдлицем. Читал его с чувством горестным. В нем Карамзин еще жив. Оно заставило меня в глубине души пожалеть о потерянной минуте свидания и разлуке. Но я не рассказываю, что простился с ним. Жалею, как потерянного блага в воспоминании, что не мог слышать его отпускного слова, что не мог принять его благословение, которое принял бы на коленях, целуя его руку. Но я этого прощания боялся за него: надобно было беречь его исчезающие силы; всякое необыкновенное движение души приближало к нему смерть. Теперь все земные страхи миновались. Благословенно место, которое освящено его милым прахом. Это храм наш. Вот, милый брат, ты мучился мыслию, что твое возвращение в Петербург⁴⁵ было бесполезно. Нет! Благодарю Бога, что ты был в Петербурге. Пусть будет для тебя в настоящем общем нашем несчастье, в страдании за брата⁴⁶, подкреплением мысль, что Провидение привело тебя к смертной постели Карамзина. Ты был подпорою его семейства, ты положил его в гроб, ты способствовал к утешению его последних минут в здешнем свете. Вечное воспоминание! Я еще ничего не знаю о подробностях вашего несчастья, но имею причину быть спокойнее насчет оставшихся. Вчера получил письмо от Перовского, который уведомляет меня, что они все в Ревеле с Вяземским. Итак, Бог сохранил их. Не утешения им надобно — на что утешение! Горесть об нем, лишь бы только она была не убийственной для жизни, есть драгоценное благо. О, какую добродетельную скорбь по себе он им оставил на всю жизнь! Все, что об

⁴⁵ Из заграничного путешествия, предпринятого для свидания с больными братьями. — *Примеч.* 1895 г.

⁴⁶ В начале 1826 г. адресат письма вместе с Н. И. Тургеневым по письмам из России узнал, что имя Н. И. Тургеневы замешано в связи с лицами, участвовавшими в возмущении 14 декабря 1825 г. По манифесту от 1 июня 1826 г. Н. И. Тургенев был предан Верховному уголовному суду. В это время он находился за границей. — *Примеч.* 1895 г.

нем говорит, все увлекает прямо к Богу, все убеждает в бессмертии, все проповедует добродетель. Он остался между ими ангелом невидимым, но навсегда неразлучным. Жаль только меньших сыновей: они его не знали. Но и для них, когда начнут себя чувствовать, какое воспитание в предании об отце их!» (ИЖТ, 215–216).

1826, 15 июля. Эмс. Жуковский — Вяземскому: «Можешь представить, каково мне было все узнать из газет и все возможное каждый день придумывать. Эта неизвестность как громовое облако стояла надо мною. Благодарю Бога, что ты с ними. Вам не утешаться вместе, а плакать. Дай Бог, чтобы были облегчительные слезы. Я трепетал и не перестал трепетать за Екатерину Андреевну. Не знаю, дождусь ли от тебя писем и где получу их. Не умею понять, куда они могли деваться, — вы, верно, писали ко мне. Благодарю Перовского, что он ко мне написал. Хоть нет подробностей; но некоторое, им сказанное, было для меня воскресением. Конец нашего Ангела вселяет в сердце благоговейное чувство: мы никогда не расстанемся с ним. Но он мертвый сделался нам будто ближайшею, теснейшею принадлежностью души. Он перешел в высшую сферу. Теперь не только любишь его, но и веришь ему. Расставаясь с ними, я не смел с ним прощаться. Я должен был лишить себя его нежного благословения: надобно было беречь слабеющие его силы, всякое несколько сильное движение души было бы <для> него разрушительно; он не отпустил бы меня, не будучи расстроен. Для меня это горестная потеря; но память об нем, которая будет жить в сердце так же, как жила в нем и его живая любовь к нему, будет уже на всю жизнь благословением. Есть что-то удивительно усладительное в этой благоговейной любви к его памяти. Она заключает в себе что-то теплое, что сильнее и действительнее всех правил добродетели. Когда пройдет для них первое оцепенение горести? что они живо, с наслаждением, с благодарностью к прошлому почувствуют? какое земное благо он им оставил по себе в воспоминание: сколько в нем прекрасного, какой он источник твердости, какое поощрение к добродетельной деятельности. Какое услаждение для души говорить об нем, не говоря, вместе об нем думать. Жизнь Катерины Андреевны есть теперь для меня что-то священное: она будет продолжение его жизни. Все состояние детей заключено теперь в воспоминании об отце. А что не

говорить об нем! Все, что есть на земле чистого, высокого, добродетельного, — все он! Человеческое достоинство, отечество, слава — все им будет полезно, ибо все будет сказано во имя их отца. Потеряли он для них и для нас! — Прошу тебя! уведомя, что хотят они теперь начать! Где будут! Мне кажется, всего бы лучше избрать для пребывания такое место, где было бы более средств для воспитания детей, — я бы предложил Дерпт. Там много хороших учителей и учение может быть без рассеяния...» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909а, л. 61–62).

1826, конец года — 1827, начало года. Жуковский пишет «Конспект по истории русской литературы», в котором третий, заключительный период русской литературы отсчитывает от появления «Московского журнала» Карамзина:

«III период

Его представителями являются *Карамзин* в прозе и *Дмитриев* в поэзии.

Появление журнала, который Карамзин начал редактировать по возвращении из своего путешествия, произвело полный переворот в русском языке. Карамзин открыл тайну *слова* в прямом значении — ясности, изящества и точности. Вкус, свойственный Карамзину в прозе, является свойством Дмитриева в стихах. Они почти установили язык. В будущем писатели могут его обогатить, внося в него черты, свойственные их личному дарованию, но ему уже не предстоит испытать никаких глубоких изменений.

ПИСАТЕЛИ ЭТОГО ПЕРИОДА В ПРОЗЕ

Карамзин. Можно разделить его поприще на три периода:

1. *Начало. Редактирование «Московского журнала»*, в котором он издал отрывки своих «Писем русского путешественника» и повести, позже напечатанные отдельно. Эти произведения, отмеченные печатью вкуса, носят еще характерные черты молодости. Они послужили к распространению вкуса изящного. И заметки на те иностранные произведения, которые Карамзин печатал в своем журнале, возбудили интерес к иностранной литературе и были ростками здоровой критики.

II. Редактирование *"Вестника Европы"*. Это вершинная точка Карамзина. Его проза достигает здесь истинного совершенства. Этот журнал не мог произвести того впечатления, какое вызвал первый; но он имел другое влияние. Он направил внимание на политические темы и имел большое влияние на мышление современников. Его рассуждения на некоторые современные политические предметы и на некоторые моральные темы являются образцами в своем роде. Он придал мысли привлекательность очарованием своего стиля.

III. *"История государства Российского"*. Нельзя сказать, чтобы проза Карамзина сделала успехи в его *"Истории"*! Но богатство этой темы дало ему возможность развернуть ее во всех ее формах. Эта *"История"* как литературное произведение — клад поучений для писателей. Они найдут там и тайну того, как надобно пользоваться своим языком, и образец того, как следует писать большое произведение.

После Карамзина нельзя назвать ни одного писателя в прозе, который и произвел сколько-нибудь сильное впечатление. Вообще после него пишут с большей правильностью; но его искусство осталось его тайной. Он породил много подражателей, которые хотели овладеть его манерой, но проявили лишь свою посредственность. *Макаров* редактировал критический журнал; он писал с достаточной правильностью, но язык его сух. *Батюшков* внес в свою прозу очарование и италийское благозвучие своих стихов. *Жуковский*, будучи редактором *"Вестника Европы"* после Карамзина, издал несколько отрывков в прозе. Каждый из этих писателей имеет свои индивидуальные заслуги; но они не достигли искусства своего учителя, к тому же то, что они написали, незначительно и не послужило движению языка вперед.

<...>

ДВА НАПРАВЛЕНИЯ. РУССКОЕ И СЛАВЯНСКОЕ

Противник Карамзина адмирал *Шишков*, министр народного просвещения, мысль которого была дать преобладание в нашей словесности славянскому наречию Библии. Мысль явно ложная, так как этот язык является некоторым образом мертвым! Он существует для нас только в переводе Священного писания. Можно его использовать для того, чтобы обогатить живой язык; но именно этот язык

может и должен быть усовершенствован. Шишков обвинял Карамзина в том, что он искажил язык, введя в него иностранные формы, особенно галлицизмы. Карамзин, напротив, необычайно очистил язык. Он сложился как писатель по образцу великих иностранных писателей — это правда; но умел усвоить то, что заимствовал. Его обвинитель, напротив, употребляя старые выражения или плохо переводя иностранные термины, которые обычаем уже ввел в язык, вопиял против галлицизмов фразами, которые были наполнены ими.

<...> Появление "Истории государства Российского", которая заканчивает предыдущий период, передает в то же самое время свои характерные черты и тому периоду, который начинается. Это — золотые россыпи, которые открыты для национальной поэзии. До сих пор для наших поэтов отечественные анналы были до известной степени скрыты туманом летописей и *историй* еще хуже летописей — гений Карамзина осветил ярким светом минувшие времена! От его светильника поэзия зажжет свой факел!» (Жуковский 1985, 321–323; 325).

1827, май. А. И. Тургенев пишет ответ на рецензию, напечатанную в «Лейпцигской ученой газете» и посвященную «Истории» Карамзина. Текст этой статьи эту он обсуждает с Жуковским. По этому поводу Тургенев пишет Вяземскому: «И письмо, и рецензия были пространны, но Жуковский в письме вымарал все выпалки на лужницких выходцов и всё Карамзина недостойное» (ОА, 3, 153).

1828, 8 мая. Петербург. Е. А. Карамзина — И. И. Дмитриеву: «Собираюсь с семейством на прежнее *пепелище* в Китайский домик Царского Села, данный мне по милости любезного, всегда одинако нас любящего Жуковского» (ПКД, 430).

1829, 14 января. Погодин — Жуковскому: «Я слышал о вашем неудовольствии на меня за помещение статьи г. Арцыбашева⁴⁷. Ничто в литературном мире не могло уязвить меня столько, как подозрение в неуважении к Карамзину: я *воспитался* на его сочинениях,

⁴⁷ Речь идет об историке, поэте и прозаике Николае Сергеевиче Арцыбашеве (1771–1841).

обязан ему решительно всем, что ни есть во мне путного <...>» (РА 1899, 3, с. 300). Погодин напечатал в «Московском вестнике» (Ч. 11. № 19; ц. р. от 4 октября 1828 года; Ч. 12. № 11–12; ц. р. от 6 ноября 1828 года) замечания Н. С. Арцыбашева на «Историю государства Российского», чем вызвал сильное возмущение Жуковского. Об этом свидетельствует пространное письмо Погодина Жуковскому с попыткой объяснить и оправдаться.

1830, 30 марта. Жуковский — Николаю I: «Во все время моего авторства я ни с кем не имел литературных ссор и написал только две критики, когда сам издавал журнал, и эти критики были не бранные, а просто забавные; не отвечал ни на одну писанную против меня критику, не заводил партий, ибо писал не для ничтожного, купленного интригами успеха, а просто по влечению сердца, которое искренно выражалось в моих сочинениях; не искал похвалы, ибо презираю всякую выисканную происками похвалу. Лучшие люди были моими друзьями и остались моими друзьями; заслужить их одобрение было моею наградою, и я приобрел его. Как писатель я был учеником Карамзина <...>. Я жил, как писал: остался чист и мыслями, и делами» (Жуковский 1902, 12, 19).

1831, 6 февраля. Жуковский — А. П. Киреевской: «Теперь на руках русская история: делаю выписки из Карамзина, из сих выписок составляю хронологическое обозрение, потом подробные таблицы, потом сочиняю общее обозрение, и ко всему этому карты и таблицы генеалогические» (УС, 105).

1833, июль. Петербург. Вяземский предлагает Жуковскому писать воспоминания о Карамзине, за которые Жуковский так и не принялся: «Почему Жуковскому, большому, слабому, отдыхающему от трудов, не писать бы воспоминаний о Карамзине? <...> Этот труд был бы благорастворительным для Жуковского, следовательно, я не враг, указывая ему на него как на деятельное и полное души отдохновение» (ОА, 3, 245).

1835, март. Жуковский переводит письмо Карамзина к графу Каподистрия и составляет воспоминания о Карамзине, которые

отправляет для прочтения И. И. Дмитриеву: «Посылаю теперь эту брошюрку. Она написана не так, как бы я хотел, написана наскоро, и я и сотовой доли не выразил того, что было в сердце и голове. Примите ее от меня такую, какова она есть. Я уверен, однако, что и немного, сказанное мною о нашем незабвенном друге (если смею употребить это имя и за себя), найдет отголосок в вашем сердце: оно пробудит в нем воспоминание о лучшем времени жизни вашей и моей. Для нас в ней теперь уже нет Карамзина: драгоценнейший перл се потерял; но память об нем святынею хранится в душе и всегда будет живить и возвышать душу. Знаю, что это чувство, мне общее с вами, всегда сохранит мне право на вашу ко мне благосклонность; в моей же личной привязанности к вам уверять вас не имею нужды: вы для меня, так же как и он, представитель светлых дней прошедшего. Я вам многим обязан; люблю вас и за вас и за себя» (РА 1870, стб. 1709–1710). Свой перевод письма Карамзина, отправленный им в «Журнал Министерства народного просвещения» (оно было напечатано в № 1 за 1835 год), Жуковский предваряет собственными заметками о Карамзине: «Письмо, сообщаемое мною вам, достойно того, чтоб знали о нем все, кому драгоценна память Карамзина: выражая прекрасную душу его, оно короче познакомит с ним самим всех тех, кто знали его по одним сочинениям; в тех же, кто имели счастье знать его самого, оно пробудит трогательное, сладкое воспоминание. В конце этого письма он с беспокойством, но и с надеждою говорит о болезни государя Александра Павловича в Таганроге и мимоходом упоминает о печали императрицы Елизаветы Алексеевны по случаю смерти короля Баварского... а в эту минуту и государя, столь ему любезного, уже не было на свете, и смертельное горе уже стремилось ко гробу овдовевшую императрицу, и в нем самом уже начиналась та болезнь, которая через несколько месяцев должна была положить его в могилу. Первое известие о кончине государя принесено было ему мною: услышав о ней, он стал на колена, поднял глаза к небу, молчал, молился мыслию, потом горько заплакал. Но он и сам уже был на краю гроба, когда ему сказали, что и государыня Елизавета Алексеевна скончалась. Я желал бы, но не умею, описать его в эту минуту; желал бы найти выражение для наименования того набожного, покорного (уже потухающего) взгляда, который он, не сказав ни слова, поднял к небу, как будто провожая

туда милую душу, и того движения руки, которым как будто передавал ее Всевышнему. В это время он находился в Таврическом дворце, куда переселили его в начале весны, дабы он мог свободнее пользоваться свежим воздухом. Было решено, что он отправится в южную Францию; был готов фрегат для перевезения его в Марсель. И он нисколько не подозревал, чтобы смерть его была так близка; он занимался настоящим; думал о будущем, думал о довершении великого труда своего. Благодаря отеческой заботливости государя Николая Павловича, который, как истинный представитель своего народа, изъявил Карамзину, в достойной его награде, благодарность свою и России, он был избавлен от всякого беспокойства о судьбе своего семейства. С какою-то младенческою ясностью души он делал планы для своей заграничной жизни. "Теперь я богат, — говорил он, — могу завести себе верховую лошадь; постоянное движение поможет мне восстановить мое здоровье". Но было определено иначе: он не пережил мая. Принужденный также по причине болезни покинуть в начале сего месяца Россию, я не имел отрады быть при нем в последнюю его минуту; но я с глубоким благоговением видел его, приближающегося к сей минуте; я видел умирающего Карамзина, и никогда это видение не изгладится из души моей. При мысли о конце такого человека, о переходе такой души в тот мир, где у *Отца обителей* много, все наши понятия о жизни, смерти и бессмертии преобразуются для нас во что-то светло-очевидное. Кто знал внутреннюю жизнь Карамзина, кто знал, как он всегда был неспорочен в своих побуждениях; как в нем все живые, независимые от воли движения сердца были по какому-то естественному сродству согласны с правилами строгого разума; как твердый его разум всегда смягчен был нежнейшим чувством; какой он был (при всей высокой своей мудрости) простосердечный младенец и как верховная мысль о Боге всем владычествовала в его жизни, управляя его желаниями и действиями, озаряя труды его гения, проникая житейские его радости и печали и соединяя все его бытие в одну гармонию, которая только с последним вздохом его умолкла для земли, дабы навеки продолжаться в мире ином; словом, кто имел счастье проникнуть в тайну души Карамзина, для того зрелище смерти его было освящением всего, что есть прекрасного и высокого в жизни, и подтверждением всего, что вера обещает нам за гробом. На камне, покрывающем

остатки Карамзина, вырезаны слова Спасителя: *"Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят"*.

Письмо к графу Каподистрия написано на французском языке; я прилагаю к нему и свой перевод: он неудачен, но для меня было наслаждением особенного рода выражать мысли Карамзина на том языке, который им создан и которого еще никому не удалось перенять у него» (Жуковский 1878, 6, 1–4).

1835, 13 марта. Москва. И. И. Дмитриев – Жуковскому, выражая благодарность за присланные перевод письма Карамзина и воспоминания о Карамзине: «Милостивый государь Василий Андреевич. Сколько я благодарен вам за вашу тетрадку, и как она дошла до меня кстати: в то самое время, когда я очень огорчен был, услышав, что редакции *Ученых Записок* воспрещено принимать биографию покойного Историографа, будто за приложение к ней письма, служащего к вечной славе писавшего и того, кто был им удостоен. Но теперь я вами утешен. Читая и перечитывая письмо к Каподистрии и собственные ваши строки, я будто еще смотрел на моего друга, будто самого его с умилением слушал: минутное обольщение, последующее грустью и вместе какою-то отрадою! Добрейшая душа! Не мудрено вам так верно постигать и изображать нашего незабвенного: вы сами во многом на него похожи. Заплата достойную дань своему веку, окажите же вместе с Пушкиным услугу и нашей словесности, как истинные ее представители; не дайте восторжествовать школам Смирдина и Полевого над языком Карамзина. Он очевидно теряет свое господство» (РА 1870, стб. 1695–1696).

1835, 26 марта. Москва. И. И. Дмитриев – Жуковскому: «Мне кажется, одни только мы могли бы составить совестливую и полную его биографию разумеется, я мог бы служить вам только анекдотами и присоединить мои наблюдения к вашим, а писать было бы наше дело» (Дмитриев 1893, 316).

1836, 23 августа. Петербург. Жуковский – И. И. Дмитриеву: «Милостивый государь Иван Иванович. Имсю честь препроводить к вашему высокопревосходительству список с Записки Николая Михайловича Карамзина о России, составленной для в<еликой>

к<нягини> Екатерины Павловны. Вы уже знаете о том, что счастливый случай доставил ее мне в руки; может быть, вы уже и читали ее, ибо Вяземский ее переписал для себя. Я не мог прежде доставить вам копии оттого, что манускрипт ходил по рукам и долго не мог ко мне возвратиться. Прочитав это творение, которое, к несчастью, должно остаться в неизвестности, вы с новым чувством благословите память нашего незабвенного друга: лучшей души земля не видала! Я читал письмо ваше к Д. И. Языкову и был им сердечно тронут и внутренне поблагодарил вас за то, что вы меня признаёте способным писать о Карамзине. Может быть, я исполню это назначение, но только не для академии: она требует краткой биографии для портрета. Посмотрю, буду ли уметь написать ее. Но описанием жизни и оценкою гения Карамзина должно заняться с благоговением, приличным предмету; оно не может быть делом посторонним. Когда поселись в уединении (коего жажду всею душою), тогда примусь, может быть, за это святое дело, которое будет если не собственною моею исповедью, то, по крайней мере, исповедью того, что было в моей жизни лучшего. Дай Бог, чтобы мне удалось исполнить это намерение и чтоб вы, достойный представитель Карамзина, были судьей этого исполнения и его одобрили, в чем, конечно, будет главная награда труда моего» (РА 1866, стб. 1639–1640).

1836, август–сентябрь. Дмитриев вновь обсуждает в письмах с Вяземским и Жуковским составление ими биографии Карамзина (см.: РА 1870, стб. 1699–1700).

1836, 6 сентября. Москва. И. И. Дмитриев — Жуковскому: «Я не польстил вам в письме к Языкову и теперь стою в том, что никто из наших авторов не мог бы вернее и достойнее вас и князя Вяземского представить Карамзина на литературном поприще и в домашнем быту его. Но о Вяземском не упомянул в письме потому только, что Академия еще не сооблаговолила его усвоить. Согласен с вами, что писать о Карамзине на двух или трех страницах, в кратких надписях к портретам, не удовлетворительно ни для ума, ни для сердца» (Дмитриев 1893, 324–325).

После 1836 года. Погодин — Вяземскому: «Я думаю писать похвальное слово Карамзину, которое может быть произнесено в

Университете или Академии. Прошу ваших советов и указаний. Передайте это, сделайте одолжение, и Василию Андреевичу. Разумется, мой главный предмет — история, но кроме истории сколько еще заслуг его!» (СН 1901, 4, 33).

1837. Жуковский собирается публиковать в «Современнике» статью Карамзина «О древней и новой России», появившуюся в томе 5 за 1837 год, и в записке просит кн. В.Ф. Одоевского прислать материалы для издания «Современника», в том числе упомянутую статью Карамзина: «Ведь вы взяли статью Карамзина? И отдали ее переписывать? То есть конец? Доставьте Вяземскому» (Жуковский 1900, 53).

1837, 10 ноября. Жуковский — Вяземскому: «Я просил Солнцева⁴⁸ написать к племяннику И. И. (Дмитрива. — М. К.), чтобы он позволил мне вместе с ним разобрать его бумаги. Если нет духовной и если в этой духовной не сказано, что записки принадлежат тебе, то вряд ли они тебе достанутся. По крайней мере, можно будет выручить письма. Хорошо сделаете, если ты, Екатерина Андреевна и Пат<алия> Яковлевна напишете к Наследнику о выдаче всех ваших и Николая Михайловича писем. Их надобно непременно собрать» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1909 б, л. 48).

1844, 17 февраля. Дюссельдорф. Жуковский — М. Ю. Виельгорскому: «...вот почему ты и твои, Вяземский и его, мои бесценные Карамзины, с воспоминанием или, лучше сказать, с религиею воспоминания о нем, чистом сердцем, видящем теперь Бога, — вы, мои друзья, мое прежнее доброе, живы у меня в сердце, и вам там просторнее прежнего» (РА 1869, стб. 645).

1844, 20 ноября. Франкфурт. Жуковский — А. И. Тургеневу: «Земное счастье живет только в семействе — это правда; но я часто вспоминаю Карамзина; он, счастливый муж и отец, никому не сове-

⁴⁸ Речь идет о муже сестры В. Л. Пушкина камергере Матвее Михайловиче Солнцева (Сошнове). См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1988. С. 414.

товал брать на себя крест семейной жизни. В минуты тревог, каких ни в каком другом состоянии не бывает, я бываю готов с ним согласиться» (ПЖТ, 307).

1846, 16 августа. Франкфурт. Погодин — Жуковскому: «Я не знаю также, дошло ли до вас мое "Похвальное слово" Карамзину. А мне очень хотелось бы услышать ваше мнение о нем» (РА 1899, 3, с. 304–305).

1846, 1 сентября. Погодин в письме Жуковскому рассказывает ему о ходе работы над сбором материалов для составления биографии Карамзина. Жуковский, как следует из письма, также обещал Погодину предоставить письма Карамзина. В этом же письме Погодин приводит восторженный отзыв на его «Похвальное слово» П. Й. Шафарика, который, по словам Погодина, «почти одними словами» с Жуковским говорит о Карамзине (см.: РА 1899, 3, с. 307–310).

1847. Жуковский цитирует слова Карамзина в письме Н. И. Тургеневу: «...“Здесь все для души человеческой”, — сказал Карамзин. Это высочайшая истина, и все наши бедствия, выносимые на земле с верою и правдою, становятся сокровищем души нашей» (УС, 5).

1847, 27 мая. Петербург. Плетнев — Жуковскому: «Совету вашему — заниматься биографиями — последую. Только затрудняет меня недостаточность материялов, особенно касательно первого периода жизни Карамзина. А он в моих глазах есть солнце, около которого двигались все мы, как планеты» (РА 1870, стб. 1292–1293).

1849, 1 января. Вяземский — Жуковскому: «Напиши воспоминания свои о Карамзине. В эту раму можешь внести и его, и себя, и собратий современника, и душу свою, и взгляд свой на всё и на всех. Тут к литературе, и истории, и нравственной философии. Это будет живой памятник и ему, и тебе. Тут можешь говорить о нем, о себе, о России, о целом мире и прочем» (РГАЛИ, ф. 198, оп. 2, № 20, л. 122 об. — 121).

С. Р. Долгова

**ДЕРЖАВИН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ
В ДОКУМЕНТАХ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДРЕВНИХ АКТОВ
(Ф. 1478, КАПНИСТ — ЛЬВОВЫ)**

Фонд № 1478 «Капнист — Львовы» первоначально имел название «Капнист — Львовы — Воейковы» и № 3094. Он поступил (как указано на учетной карточке) в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи («Древлехранилище») 16 апреля 1929 года¹. При передаче в нем было зафиксировано два отделения (дела № 1–79 и № 79–83). В 1930-е годы сотрудница архива М. Светлова составила опись, которую завершила таким примечанием: «Общее впечатление, что оба описанные здесь отдела архивных материалов, как переписки, так и литературных произведений, были в руках Я. К. Грога, который и воспользовался ими для Академического издания сочинений Г. Р. Державина. Части переписки с В. В. Капнистом, вошедшей в Акад<емическое> изд<ание>, здесь не имеется».

¹ Так в то время назывался Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ныне — Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Предположение Светловой подтверждено примечаниями Я. К. Грота к некоторым опубликованным им письмам, где он благодарит потомков В. В. Капниста и Львовых за предоставленные ему документы, а также опубликованным Гротом перечнем лиц, снабдивших его материалами для работы над академическим собранием сочинений Державина². Они же являлись владельцами документов, из которых сформировался фонд Российского государственного архива древних актов «Капнист — Львовы». Основную его часть составляют бумаги Капнистов: 49 писем Г. Р. Державина В. В. Капнисту; 15 писем Г. Р. Державина и Д. А. Державиной сыновьям Капниста Семену и Ивану, которые какое-то время жили в Петербурге в доме Державина, хлопотавшего об их определении на службу. Старший сын В. В. Капниста Семен Васильевич (1792–1843) 8 июня 1814 года получил назначение в канцелярию Комиссии прошений, в 1815 году стал секретарем Патриотического общества, затем являлся сотрудником «Журнала древней и новой словесности» (1818). В 1819 году ему был выдан диплом Харьковского университета о сдаче экзаменов. В 1822 году С. В. Капнист получил чин надворного советника. В 1829–1838 годах он был кременчугским уездным предводителем дворянства, а в 1838–1842 — директором училищ Полтавской губернии. Награжден орденом св. Владимира 4-й степени. Его брат Иван Васильевич Капнист (1796–1860) 9 октября 1814 года был определен в Департамент министерства юстиции, позднее служил на Украине, занимая следующие должности: миргородский уездный предводитель дворянства (1826), полтавский губернский предводитель дворянства (1841); смоленский губернатор (1842–1844). С 1844 по 1855 годы был московским губернатором. В 1835 году получил чин камергера, а в 1852-м — тайного советника. Сенатор, кавалер ордена св. Александра Невского. Дочь Семена Васильевича Капниста Анна (1825 года рождения) вышла замуж за Алексея Алексеевича Воейкова (рожденного в 1821 году), выпускника Царскосельского лицея (1839). Я. К. Грот подарил А. А. Воейкову свою брошюру «Рукописи

² См.: Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 1. СПб., 1864. С. XI–XII (1 пар.). В дальнейшем при обозрении фонда № 1478 все ссылки на первое издание «Сочинений Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота» (СПб.: В тип. Императорской Академии наук, 1864–1883) даются в тексте сокращенно: Соч. Арабскими цифрами — том. Арабскими цифрами — страница.

Державина и П. А. Львова. (Отчет Я. К. Грота II Отделению Академии наук)» (СПб.: В тип. Академии наук, 1859; Из 4-го выпуска VIII тома Известий II Отдела Академии наук), заключающую фонд № 1478 (дело № 83). Таким образом, автограф Я. К. Грота и несколько писем Воейковых в фонде свидетельствуют о том, что бумаги Капнистов поступили от Воейковых. От них же поступило и несколько документов Львовых.

Алексей Васильевич Воейков (1778–1825), флигель-адъютант императора Александра I, генерал-майор, был женат на Вере Николаевне Львовой (1792–1873), дочери поэта³. Как видим, дочери С. В. Капниста и П. А. Львова вошли в семью Воейковых. Д. А. Державина (1769–1842) завещала рукописи своему племяннику Леониду Николаевичу Львову⁴, после чего они были перевезены из Петербурга в родовое тверское имение Львовых село Никольское. Его сын Леонид Леонидович (1830–1875), выпускник Санкт-Петербургского университета, пригласил Я. К. Грота, который приступал к работе над академическим изданием сочинений Державина, осмотреть хранившиеся у него материалы. «Затем, — пишет Я. К. Грот в вышеупомянутой брошюре, — собрал я в Москве некоторые дополнительные черты к биографии Державина, благодаря обязательным рассказам Ивана Васильевича Капниста (сына поэта) и Веры Николаевны Воейковой (дочери М. А. Львовой)»⁵. Видимо, тогда же Я. К. Грот получил от Капнистов и Воейковых документы, которые сейчас хранятся в РГАДА.

Завершают фонд письма Г. Р. Державина трем корреспондентам — Н. А. Львову (5), генерал-майору И. М. Синельникову (1), А. В. Воейкову (6; два из них в академическое издание не вошли). Последний раздел состоит из литературных произведений — в основном С. В. Капниста. Несмотря на то что фонд № 1478 не раз становился предметом изучения исследователей, полный его обзор с публикацией отдельных документов осуществляется впервые и дает нам дополнительные сведения о Державине, его окружении и потомках.

³ См.: Российская родословная книга, издаваемая князем П. Долгоруковым. СПб., 1857. Ч. IV. С. 346.

⁴ См.: Дзюбанов С. Д. Завещание Дарьи Алексеевны Державиной // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. тр. Вып. 2. СПб., 2005. С. 209.

⁵ Цит. по: РГАДА, ф. 1468, л. 83, л. 12 об.

Ранее не публиковавшиеся документы фонда № 1478 печатаются, как правило, в Приложении по современным правилам орфографии и пунктуации, но с соблюдением характерных особенностей языка XVIII — начала XIX столетия. Все письма Д. А. Державиной, а также ее приписки к письмам Г. Р. Державина, воспроизводятся с сохранением орфографии и пунктуации автора.

Дело № 1

Письмо Г.Р. Державина В.В. Капнисту. 29 апреля 1785 года, Петрозаводск. Л. 1–2.

Автограф.

Опубл.: Соч. 5. 399–401.

Дело № 2

Письмо Г. Р. Державина В. В. и А. А. Капнистам. 4 мая 1786 года, Тамбов. Л. 1–2.

Автографы Г. Р. Державина и Е. Я. Державиной.

Опубл.: Соч. 5. 477–478.

Дело № 3

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 3 мая 1789 года, Москва. Л. 1–2.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 5. 477–478.

Дело № 4

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 12 июня 1789 года, Москва. Л. 1–2.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 5. 802–803.

Дело № 5

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 18 июля 1789 года, Петербург. Л. 1–2.

Автограф.

Опубл.: Соч. 5. 805–806.

Дело № 6

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 31 декабря 1789 года, Петербург. Л. 1–2.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина; приписка — автограф Е. Я. Державиной.

Опубл.: Соч. 5. 810–813.

Дело № 7

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 8 января 1792 года, Петербург. Л. 1–2.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 5. 829–830.

Дело № 8

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 17 апреля 1794 года, Петербург. Л. 1–2.

Автограф (за исключением начальных слов «Г<осу>д<а>рь мой, Василий Васильевич», написанных писарской рукой).

Опубл.: Соч. 6. 5–6.

Дело № 9

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 11 мая 1796 года, Петербург. Л. 1–2.

Автограф.

Опубл.: Соч. 6. 33.

Дело № 10

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 13 мая 1796 года. Л. 1–2.

Автографы Г. Р. Державина и Д. А. Державиной.

Опубл.: Соч. 6. 33–34.

Дело № 11

Верящее письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 16 февраля 1797 года. Л. 1–2.

Автограф.

Опубл.: Соч. 6. 58–59.

Заверительная запись (автографы) печатается впервые: «Что сие верующее письмо писано и подписано собственной рукою господина и кавалера Гаврилы Романовича Державина господину на-
дворному советнику Василию Васильевичу Капнисту, в том свидетельствую. Бригадир граф Яков Федорович сын Стенбок. Сий том же свидетельствую губернский секретарь Михайло Христофор сын Баранов».

Дело № 12

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 17 апреля 1797 года, Петербург. Л. 1–2.

Автограф. На л. 2 об. — адрес («В Обуховку») и фрагменты сургучной печати.

Опубл.: Соч. 6. 59–60.

Дело № 13

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 14 мая 1797 года, Петербург. Л. 1–2.

Автограф.

Опубл.: Соч. 6. 61.

Дело № 14

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 9 августа 1797 года. Л. 1–2.

Автограф. На л. 2 об. — адрес: «Высокоблагородию, милостивому государю моему Василию Васильевичу Капнисту через Гадич в Обуховку, в Богодухове».

Опубл.: Соч. 6. 66.

Дело № 15.

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 28 августа 1802 года, Петербург. Л. 1–2.

Автограф.

Опубл.: Соч. 6. 150.

Дело № 16.

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 4 ноября 1803 года, Петербург. Л. 1–2.

Автограф.

Опубл.: Соч. 6. 158.

Дело № 17

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 3 января 1804 года, Петербург. Л. 1–2.

Автограф.

Опубл.: Соч. 6. 159–160.

Дело № 18

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 21 марта 1804 года, Петербург. Л. 1–2.

Автограф. На л. 2 об. — адрес с фрагментами сургучной печати.

Опубл.: Соч. 6. 163.

Дело № 19

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 12 мая 1804 года, Петербург. Л. 1–2.

Автограф.

Опубл.: Соч. 6. 166.

Дело № 20

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 30 июля 1804 года, Петербург. Л. 1–2.

Автограф.

Опубл.: Соч. 6. 170–171.

На л. 2 и 2 об. — приписка Д. А. Державиной В. В. Капнисту (автограф; публикуется впервые): «Я, братец, на тебя не сержуся, а мне было грусно, а сердце мое было, ты сам знаешь за что. Ежели ты сам переменялся, так мне и грустить будет не о чем; и затем прости, целую тебя в мыслях. Дай бог, чтобы вы были здоровы; ты меня с сестрою поссорил потому, что она не только ко мне ничего не пишет, но и на мои письма не отвечает. Но со всем тем, я на нее не сердита,

целую ее в мыслях и люблю ее по-прежнему. Не знаю, удачи ли нам побывать будущим летом у вас, что бы очень хотелось. Но путь немножко длинен, а особливо для Гаврила Романовича».

Дело № 21

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 3 сентября 1804 года, Званка. Л. 1–2.

Автограф.

Опубл.: Соч. 6. 175–177.

Дело № 22

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 16 августа 1812 года, Званка. Л. 1–1 об.

Писарской рукой; подпись и последняя фраза – автограф Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 6. 278–279.

Дело № 23

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 20 января 1813 года, Петербург. Л. 1.

Писарской рукой; подпись – автограф Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 3. 290.

Дело № 24

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 3 апреля 1813 года, Петербург. Л. 1–3.

Писарской рукой; две подписи – автографы Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 6. 295–297.

Дело № 25

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 19 мая 1813 года, Петербург. Л. 1–2.

Писарской рукой; подпись – автограф Г. Р. Державина; приписки – автограф Д. Державиной.

Опубл.: Соч. 6. 302–304.

Дело № 26

Письмо Д. А. Державиной В. В. Капнисту и А. А. Капнист. 22 июля 1813 г., Лубны. Л. 1–2.

Автограф Д. А. Державиной; приписка — автограф Г. Р. Державина.

Публикуется впервые в Приложении (I).

Дело № 27

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. Сентябрь 1813 года, Званка. Л. 1–1 об.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 6. 307.

Дело № 28

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 6 октября 1813 года, Званка. Л. 1–2.

Писарской рукой; подпись и число, место написания письма — автограф Г. Р. Державина.

Публикуется впервые в Приложении (II).

Дело № 29

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 28 октября 1813 года, Петербург. Л. 1.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина; приписка Д. А. Державиной — автограф.

Публикуется впервые в Приложении (III).

Дело № 30

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 3 ноября 1813 года, Петербург. Л. 1–2.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 6. 307–308.

Дело № 31

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 17 ноября 1813 года, Петербург. Л. 1.

Писарской рукой, подпись — автограф Г. Р. Державина.

Публикуется впервые в Приложении (IV).

Дело № 32

«Ресстр посланным вещам к Василию Васильевичу Капнисту. Ноябрь 20 дня 1813 г., С.-Петербург».

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.

Опубл. в пересказе Я. К. Грота: Соч. 6. 274–276, прим. 3; публикуется полностью — в Приложении (V).

Дело № 33

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 27 ноября 1813 года, Петербург.

Писарской рукой. Подпись и приписка в конце письма — автограф Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 6. 310–321.

Дело № 34

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 23 декабря 1813 года, Петербург. Л. 1–2.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина; на л. 1 — приписка неизвестного лица: «35. С приложением песни».

Опубл.: Соч. 6. 312–313.

Дело № 35

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 26 декабря 1813 года, Петербург.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина. Приписка — автограф Г. Р. Державина.

Публикуется впервые в Приложении (VI).

Дело № 36

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 30 декабря 1813 года, Петербург. Л. 1–2 об.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 6. 313–316.

Дело № 37

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 22 января 1814 года (без указания места). Л. 1–2 об.

Писарской рукой; окончание письма (после слов «Для скорейшего оных рассмотрения и решения») отсутствует.

Опубл.: Соч. 6. 316–318.

Дело № 38

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 13 февраля 1814 года, Петербург. Л. 1.

Писарской рукой, подпись и приписка — автограф Г. Р. Державина. Публикуется впервые в Приложении (VII).

Дело № 39

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 24 июня 1814 года, Званка. Л. 1–1об.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина. На л. 2об. — адрес: «Его высокородию, милостивому государю моему Василию Васильевичу Капнисту в С. П. Бург в дом Державина».

Публикуется впервые в Приложении (VIII).

Дело № 40

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 30 июня 1814 года, Званка. Л. 1–2 об.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина. На л. 2 об. — адрес: «В доме Державина. Его высокородию милостивому государю Василию Васильевичу Капнисту в С.-Петербурге».

Опубл.: Соч. 6. 329–330.

Дело № 41

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 24 сентября 1814 года, Званка. Л. 1–2.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 6. 335–337.

Собственноручная записка Д. П. Трошинского о спорном деле с Колтовской, отмеченная Я. К. Гротом, при письме не сохранилась.

Дело № 42

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 18 октября 1814 года, Званка. Л. 1.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.
Опубл.: Соч. 6. 337–338.

Дело № 43

Письмо Г. Р. Державина В. В. и А. А. Капнистам. 5 сентября 1815 года, Званка. Л. 1–2 об.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина. На л. 2 об. — писарской рукой: «Его высокородию милостивому государю моему Василию Васильевичу Капнисту в с. Обуховку»; следы красной сургучной печати.

Опубл.: Соч. 6. 366.

Дело № 44

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 22 ноября 1815 года. Л. 1–2.

Писарской рукой; с дополнениями, исправлениями, припиской и подписью Г. Р. Державина. На л. 1 — помета Я. К. Грота (?): «55. Приложены черновые записи В. В. Капниста» (отсутствуют).

Опубл.: Соч. 6. 369–370.

Дело № 45

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 7 апреля 1816 года, Петербург. Л. 1–2.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 6. 375–376, № 1260.

Дело № 46

Письмо Г. Р. Державина В. В. и А. А. Капнистам. 28 апреля 1816 года, Петербург. Л. 1–2.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина. На л. 2 об. — адрес (писарской рукой; публикуется впервые): «Его высокородию, милостивому государю моему Василию Васильевичу Капнисту в Миргород Полтавской губернии, а оттоль в село Обуховку».

Опубл.: Соч. 6. 377–378.

Дело № 47

Записка Г. Р. Державина В. В. Капнисту о деле графини Разумовской. 1799 год. Л. 1.

Автограф.

Опубл.: Соч. 6. 82–83.

Дело № 48

Записка Г. Р. Державина В. В. Капнисту. Не ранее мая 1783 года. Л. 1.

Автограф.

Текст: «Ну, мой друг, ты уволен 28 числа⁶, доклад подписан, и как при отставке показан чин, то без чина. Не погневайся, нечего было делать. Вот и все кончилось. Зачем было сердиться и подымать гром и молния. Верный твой друг Державин. Вас. Васильевичу Капнисту в Полтаву».

Опубл.: Соч. 6. 83 (№ 912, прим. 1).

Дело № 49

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. Март 1786 года. Л. 1–1об.

Автограф.

Опубл.: Соч. 6. 427.

Дело № 50

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 14 сентября 1814 года, Званка. Л. 1–1 об.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 6. 334–335.

Дело № 51

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 18 октября 1814 года, Званка. Л. 1.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 6. 337–338.

⁶ Из Главного почтового правления В. В. Капнист уволился в мае 1783 года.

Дело № 52

Письмо Г. Р. Державина В. В. Капнисту. 8 октября 1814 года, Званка. Л. 1–1об.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 6. 337.

Дело № 53

Письмо Д. А. Державиной С. В. и И. В. Капнистам с припиской Г. Р. Державина. 18 июня 1815 года, Званка. Л. 1–2 об.

Автограф Г. Р. Державиной; приписка — автограф Г. Р. Державина.

Письмо Д. А. Державиной публикуется впервые в Приложении (IX).

Приписка опубл.: Соч. 6. 344.

Дело № 54

Письмо Г. Р. Державина С. В. Капнисту. 27 июня 1815 года, Званка. Л. 1–2.

Писарской рукой. Подпись — автограф, далее собственноручная приписка Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 6. 346.

Дело № 55

Письмо Г. Р. Державина С. В. Капнисту. 14 августа 1815 года, Званка. Л. 1–2 об.

Писарской рукой; подпись — автограф, далее собственноручная приписка Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 6. 359–360.

Дело № 56

Письмо Г. Р. Державина С. В. Капнисту. 29 августа 1815 года, Званка. Л. 1.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 6. 365.

Дело № 57

Письмо Г. Р. Державина С. В. Капнисту. 19 сентября 1815 года, Званка. Л. 1–2.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.
Опубл.: Соч. 6. 366.

Дело № 58

Письмо Г. Р. Державина С. В. Капнисту. 25 сентября 1815 года,
Званка. Л. 1–2.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.
Опубл.: Соч. 6. 367.

Дело № 59

Письмо Г. Р. Державина С. В. Капнисту. 3 октября 1815 года,
Званка. Л. 1–1об.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.
Опубл.: Соч. 6. 367–368.

Дело № 60

Письмо Г. Р. Державина С. В. Капнисту. 8 июня 1816 года,
Званка. Л. 1–2.

Писарской рукой; подпись и дата — автограф Г. Р. Державина.
Опубл.: Соч. 6. 381.

Дело № 61

Письмо Г. Р. Державина С. В. Капнисту. 1 июля 1816 года,
Л. 1–3.

Писарской рукой; подпись — автограф, далее собственноруч-
ная приписка Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 6. 384–386.

Дело № 62

Письмо Г. Р. Державина С. В. Капнисту. 4 июля 1816 года,
Званка. Л. 1.

Автограф.

Имеется карандашная запись Я. Грота: «От И. С. Капниста
13 января 1869 г.».

Опубл.: Соч. 6. 387–388.

Дело № 63

Письмо Г. Р. Державина С. В. Капнисту с припиской домашнего секретаря Евстафия Абрамова⁷. 8 июля 1816 года, Званка. Л. 1–2.

Писарской рукой; с собственноручными приписками Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 6. 392–394.

Дело № 64

Письмо Г. Р. Державина С. В. Капнисту, Без указания места и времени (<1816 год>).

Автограф.

Опубл.: Соч. 6. 370.

Приложен конверт с подписью С. В. Капниста: «Письмо дяди Г. Р. Державина».

Дело № 65

Письмо Г. Р. Державина Н. А. Львову. 18 января 1784 года. Л. 1–2 об.

Автограф.

Опубл.: Соч. 5. 365–367; в примечании Я. К. Грота сказано: «С подлинника, доставленного внуком друга Державина Леонидом Леонидовичем Львовым».

Дело № 66

Письмо Г. Р. Державина Н. А. Львову. 20 марта 1785 года, Петрозаводск. Л. 1–2 об.

Автограф.

Опубл.: Соч. 6. 395–398.

Дело № 67

Письмо Г. Р. Державина Н. А. Львову. 29 апреля 1785 года, Петрозаводск. Л. 1–4 об.

Автограф.

Опубл.: Соч. 5. 407–412.

⁷ Предсмертное письмо Г. Р. Державина о состоянии здоровья.

Дело № 68

Письмо Г. Р. Державина П. А. Львову. 18 сентября 1794 года.
Л. 1–2.

Автограф.

Опубл.: Соч. 6. 13–15.

Дело № 69

Письмо Г. Р. Державина И. М. Синельникову. 13 февраля 1787 года, Тамбов. Л. 1–2 об.

Автограф.

Опубл.: Соч. 6. 671–674.

Дело № 70

Письмо Г. Р. Державина А. В. Воейкову. 7 ноября 1812 года, Петербург. Л. 1–1 об.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина. На л. 1 об. — приписка Д. А. Державиной (автограф).

Опубл.: Соч. 6. 279–281.

Дело № 71

Письмо Г. Р. Державина А. В. Воейкову. 22 ноября 1812 года, <Петербург>. Л. 1.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.

Опубл.: Соч. 6. 281.

Дело № 72

Письмо Г. Р. Державина А. В. Воейкову. 15 февраля 1815 года, Петербург. Л. 1–2.

Писарской рукой, подпись — автограф Г. Р. Державина.

Публикуется впервые в Приложении (X).

Дело № 73

Письмо Г. Р. Державина А. В. Воейкову. 21 августа 1815 года, Званка. Л. 1–2.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина. На л. 1 об. — приписка Д. А. Державиной (автограф). На л. 2 об. — адрес: «Его превосходительству милостивому государю моему Алек-

сею Васильевичу Воейкову, в Тамбове, удержать до присылки на почте».

Публикуется впервые в Приложении (XI).

Дело № 74

Письмо Г. Р. Державина А. В. Воейкову. 5 июля 1816 года, Званка. Л. 1–1 об.

Писарской рукой; подпись — автограф Г. Р. Державина.

Опубл., за исключением последних строк с пожеланиями В. П. Воейковой: «...и благополучного разрешения, с чистым почтением и привязанностью покорный слуга <...>»: Соч. 6. 388–389.

Дело № 75

Письмо Д. А. Державиной В. Н. Воейковой. 13 июля 1835 года, Званка. Л. 1–2 об.

Автограф. На л. 2 об. — адрес: «Милостивый государыни Вере Николаевне Воейковой».

Публикуется впервые в Приложении (XII).

Дело № 76

Письмо кн. А. И. Горчакова А. В. Воейкову. 7 июля; год не указан. Л. 1.

Публикуется впервые в Приложении (XIII).

Дело № 77

Записка В. Н. Воейковой (урожд. Львовой) о роли ее мужа генерал-майора А. В. Воейкова в деле назначения М. И. Кутузова главнокомандующим русскими войсками. <1812 год> Л. 1.

Автограф В. Н. Воейковой с припиской неизвестного лица: «Писала Вера Николаевна Воейкова».

Публикуется впервые в Приложении (XIV).

Дело № 78

Письмо Н. А. Львова В. В. Капнисту. 25 сентября 1794 года, Черенницы (Никольское). Л. 1–1 об.

Автограф.

Опубл.: Соч. 6. 14 (№ 822, прим. 3).

Дело № 79

Отзыв Н. А. Львова на стихотворение В. В. Капниста «Ответ Рафаэля певцу Фелицы». 1789 год. Л. 1–5 об.

Автограф.

Опубл.: Соч. 6. 810; 1, 213–215.

Дело № 80

Стихотворение С. В. Капниста «Любезный брат! И ты его любил...» («Февраля 15 дня 1829 года. Кременчуг»). Л. 1. Атрибуция Г. В. Ермаковой-Битнер.

Публикуется впервые в Приложении (XV).

Дело № 81

Стихотворение С. В. Капниста «Как солнце после непогоды...» (начало XIX века). Л. 1. Атрибуция Г. В. Ермаковой-Битнер.

Черновой автограф.

Публикуется впервые в Приложении (XVI).

Дело № 82

Стихотворения неустановленного автора (XIX век): 1) «К Меценату (<Из> Горация, кн. II, ода XII)»; 2) «Превратность (Подражание Горацию, кн. IV, ода XIII)». Л. 1–2.

Публикуются впервые в Приложении (XVII).

Дело № 83

Брошюра «Рукописи Державина и Н. А. Львова. (Отчет Я. К. Грота II Отделению Академии наук)» (СПб.: В Тип. Академии наук, 1859; Из 4-го выпуска VIII тома Известий II Отдела Академии наук)⁸.

⁸ Источник указан на обороте титульного листа; ср.: Изв. Императорской Академии наук. Отд. рус. яз. и словесности. 1859. Т. 8. Вып. 4. С. 253–259.

Приложение

I

Д. А. Державина — В. В. Капнисту и А. А. Капнист

22 июля 1813 года, Лубны

Душа моя, Василий Васильевич и милая сестра Саша, начну тем, милые мои родные, что мы благополучно сюда присхали в 10 часов утра и вчерась по разлуке с вами рано на ночлег стали, где нас домашние таво дома очень хорошо приняли, хотя хозяев самих и дома не было. Потчевали нас чаем и ужином и где мы очень покойно ночевали. Теперь начну вас благодарить, милые мои, за все ваше приятное участие и где нам чрезвычайно и чрезвычайно приятно было и мамичка мой от Обуховки восхищение. Желательно бы было вас также угостить в Петербурге. Ваши и наши милые провожатые за нами очень ухаживали, и за которых мы вас также благодарим и желаем, чтобы они также до вас благополучно доехали как мы суда; и думаем теперь пообедать, еще станцию отсудова отъехать, хотя дорога и прегрязная, но кажитца, что время перемениетца. И затем целую вас, милые мои, от всего моего сердца; дай бог, милая моя сестрица, чтобы ты была здорова. Воображаю как вы теперь вместе, а мы опять поехали шататца. Милую мою Катюшку, Сонюшку и Алиошу препоручила поцаловать Ванюши. Милым вашим хозяевам кланяюсь и благодарим також за угощение. Тако ж и другим вашим равным всем кланею, как-то всей прекрасной семьи Николая Васильевича⁹, госпожи Родзянковой и милой моей хозяйки, старичком, где мы ночевали. Астаюсь покорная сестра ваша Дарья Державина. Милостивому государю Дмитрею Пракопьевичу¹⁰ мое почтение.

Приписка Г. Р. Державина

И я, друзья мои любезные, обнимаю и целую вас в мыслях, благодарю за угощение. Желая вам всех вечно живых благ и Дмитрию Прокофьевичу также ныне свидетельствую почтение. Покорнейший ваш слуга Державин.

⁹ Н. В. Капниста, брата В. В. Капниста.

¹⁰ Д. П. Трощинскому.

II

Г. Р. Державин — В. В. Капнисту

6 октября 1813 года, Званка

Любезнейшие наши друзья, Василий Васильевич, Александра Алексеевна и милые дети. Письмо ваше от 10 августа получили, а более с тех пор никаких, только имеем известие из Петербурга, что присланы из <одно слово нрзб.>¹¹ очки. Полагаем, что от вас возвращены от нас к вам посланные, но для чего письма никакого не имеем. — Здоровы ли вы? Пишите чаще. Мы, слава Богу, благополучны и по сие время находимся еще на Званке. Я думаю, получили вы уже несколько реляций, по приказанию моему прямо к вам отправленных из Петербурга моим поверенным. Вы и впредь будете получать. И для того о новостях армейских к вам теперь не пишу. При желании вам всякого благополучия есмь с истинным моим почтением.

Ваш покорный и усердный Державин. 6 октября 1813 года.
Званка.

III

Г. Р. Державин — В. В. Капнисту

28 октября 1813 года, Петербург

Любезные друзья Василий Васильевич, Александра Алексеевна и милые дети!

Мы письма ваши от 4-го числа сего месяца получили — радуемся и благодарим Бога, что вы здоровы. Мы также, слава Богу, благополучны и приехали со Званки вчера в Петербург. Просите вы, чтоб прислали к вам новостей, но мы к вам очень часто реляции посылаем, как и теперь еще новую препровождаем, но не имеем известия, получили ли вы их. Еще слух здесь прошел довольно вероятный, но требуется подтверждение, что будто Мюрат взят в плен с десятью тысячами человек¹². Очки ваши получили. Отдадим их обделать и не умедлим к вам доставить. Дарья Алексеевна спит. Я думаю, что она со сна к вам напишет, коль не заспится до посылки на почту. Впрочем, при желании вам всяких благ и целую у милой Алексан-

¹¹ Неясно, написано кириллицей: Фадега или латиницей: Fadera.

¹² Речь идет о поражении французской кавалерии под командованием Мюрата в сражении под Лейпцигом 4–7 октября 1813 года.

дры Алексеевны руки навсегда, с почтением пребываю. Ваш покорнейший Державин. 28 октября 1813 г. С. Петербург.

Приписка Д. А. Державиной

При сем и я милыя мои скажу вам, что мы, благодаря бога, здоровы и вчера с сюда только приехали и захлопотали. Милая Саша не магу и<са>ть более. Целую вас всех в мыслях.

IV

Г. Р. Державин — В. В. Капнисту

17 ноября 1813 года, Петербург

Милостивый государь мой, Василий Васильевич!

Письмо твое от 17 октября получил и в соответствии оного спешу вам доставить справку, взятую из банка, из которой ты усматривашь, что тебе не надобно дремать, чтобы не пропустить срока, дабы не подвергнуть имение опасности. На сей раз много не пишу, а в будущую тяжелую почту доставлю к тебе все книги, мною обещанные, и от Дарьи Алексеевны вещи.

Целую у милостивой государыни Александры Алексеевны руки, пребываю навсегда, ваш милостивого государя моего покорный и усердный Гавриил Державин.

Ноября 17 дня 1813 год.

Санкт-Петербург.

V

«Реестр посланным вещам к Василию Васильевичу Капнисту»

20 ноября 1813 года, С.-Петербург

14 книжек «Беседы»,

4 части Сочинения Державина.

1 книжка гр. Д. И. Хвостова.

1 книга Сестренцевича, французская¹³.

Н. В. Сию книгу прошу прочесть и сделать ваши примечания, и ежели вы что найдете в пей не ясным и не справедливым, о сем меня сам автор просил, только с доказательством. И возвратить ко мне обратно, прошу сколько можно немедленно.

¹³ См.: Соч. Державина с объяснит примеч. Я. Грота. Т. 6. СПб., 1870. С. 171.

2 куска канвы.

Двой очки в футляре.

Ящик с крашеною бумагою на клубочках

4 скляночки с Гарлемскими каплями и жизненной эссенцией.

Гавриил Державин. Ноября 20 дня 1813 г. С.-Петербург.

VI

Г. Р. Державин — В. В. Капнисту

26 декабря 1813 года, Петербург

Милостивый государь мой Василий Васильевич!

Дружеское ваше письмо с приложениями от 25 ноября получил, на которое теперь в подробности не отвечаю, а спешу вам только сообщить яко прекрасную новость — изданный ныне манифест, по случаю которого и взятия многих крепостей отправлен был благодарственный в присутствии двора молебен. Пребываю в прочем с истинным почтением ваш милостивого государя моего покорнейший слуга. Гавриил Державин.

Р. С. Мы, слава Богу, все здоровы, поздравляем Вас с праздником и с наступающим Новым годом, и милостивой государыни <Алексаидре> Алексеевне, целую руки у Катеньки и у Сонечки.

Декабря 26 дня 1813 г. С. Петербург.

VII

Г. Р. Державин — В. В. Капнисту

13 февраля 1814 года, Петербург

Милостивый государь мой Василий Васильевич!

Препровождая при сем портрет Дмитрия Прокофьевича, ныне гравиркою оконченной, и новую реляцию, уведомляем вас, что мы, слава Богу, здоровы, чего и вам всем сердечно желаем.

Пребывая с почтением, ваш милостивого государя моего покорнейший слуга Гавриил Державин.

Мы говеем, но надеемся пространно писать.

Февраля 13 дня 1814 года. С. П. Бург.

VIII

Г. Р. Державин — В. В. Капнисту

24 июня 1814 года, Званка

Письмо твое, милостивый государь Василий Васильевич, от 23-го числа сего года получил. Всего бы лучше, как бы сами сюды и с Сенюшкой приехали. Лобанова¹⁴ и без тебя чорт возьмист. Ежели меня подлинно выбрали в депутаты, то и не нужно ли чем к тому запастись; уведо^мте, ради Бога, заблаговременно, и к которому числу надобно будет явиться? Мы, слава Богу, здоровы. Будьте также и вы здоровы. Получили ли от Александры Алексеевны¹⁵ письмо? В прочем всегда пребываю с истинным почтением, ваш, милостивого государя моего покорнейший слуга Гавриил Державин.

Июня 24, года 1814. С. Званка.

IX

Д. А. Державина — С. В. и И. В. Капнистам

18 июня 1815 года, Званка

Милой Сеня. Посылаю при сем письмецо к Петруше, отдай ево Алиоши, чтобы к нему ево послал или ежели скоро поедет, то сам бы ему отдал. Я слышала от Саши бытто Алиоша сам к нам збираетца приехать, чему мне очинь трудна поверить. Я до тех пор не поверю, пакудава здесь ево не увижу. Причем также посылаю письмецо к маминьки и еще письмецо к Вере Петровне, которое, мой друг, отошли ежели сам не вздумаешь к ним съездить. Итак, целую тебя всех твоих братьев. Астаюсь ко услугам Дарья Державина. 1815 г., июня 18 дня, Званка.

X

Г. Р. Державин — А. В. Восейкову

15 февраля 1815 года, Петербург

Милостивый государь мой Алексей Васильевич!

Елизавета Николаевна¹⁶ в бумагах своих нашла бывшего поверенного покойной Марии Алексеевны¹⁷ Доримедонта письмо, из

¹⁴ Кн. Якова Ивановича Лобанова-Ростовского, малороссийского генерал-губернатора.

¹⁵ Т. е. от А. А. Капнист (урожд. Дьяковой), супруги поэта.

¹⁶ Елизавета Николаевна Львова.

¹⁷ Марии Алексеевны Львовой, урожд. Дьяковой.

кого я усмотрел, что господа Хомутовы вывезли из господского Ольшанского дому своевольно всю движимость на 25 т<ысяч> или на 30000 рублей, о чем и явочное от него в суд подано было прошение. И описи судов приемная и отдаточная то доказывают: то и нашел я некоторый приступ к процессу, вследствие чего писал я к т<осподи>ну Хомутову письмо, которос в подлиннике при сем прилагаю под открытой печатью¹⁸ на усмотрение ваше. С ним можете Вы послать Ярославской губернии в город Романов, где он пребывание свое ныне имеет, нарочного и просит<ь> его ответа. А я между оставил копию с того моего письма с тем, чтоб довести его до сведения тамошнего губернатора, которого чрез приятелей и просит, чтоб посредствовал по сему делу и склонил бы, если можно, Хомутова к примирению уступкою земли, и вы бы ему уступили иск. Вот мне кажется — единственное и лучшее средство кончить сие дело. Но между тем Вам надобно стараться о прииске в тамбовских судебных местах: первое — описей, по которым из-за Хрипунова нижний земский суд отдал имение Хомутову и по которой приняла покойная Мария Алексеевна от Хомутова, а также приискать явочное челобитье Доримедонта, с которого отпуска спросить, нет ли у крестьян копии? Приметить Вам нахожу нужным, что ежели с принятием от Хомутова имения или с подачи Явочной челобитной прошло уже более девяти лет, а исковой от Вас просьбы подано не было, то едва ли и сие средство будет годно на возобновлении Вам иска. Следовательно, и не будет другого способа достать Вам сказанную землю, как токмо покупкою; и, может быть, дорогою ценою. Вот все, что я Вам присоветовать могу. Пребывая в прочем с почтением, милостивого государя моего покорнейший слуга Гавриил Державин.

Февраля 15 дня 1815 года. Санкт-Петербург.

ХІ

Г. Р. Державин — А. В. Воейкову

21 августа 1815 года, Званка

Милостивый государь мой Алексей Васильевич!

Письмо Ваше получил, в котором вы извещаете, что Вы здоровы и что Вера Николаевна бремя носит свое благополучно. — Дай

¹⁸ Приложенное письмо не сохранилось.

Бог, чтобы она счастливо разрешилась, чего мы усердно желаем. А я с особливим удовольствием моим исполняю желание ваше, что новорожденного младенца принимаю от купели. Мы, слава Богу, здоровы и весьма рады будем, коль Вы посетите нас не токмо на Званке, но и в Петербурге. Я ж между тем целую у Веры Николаевны руку и пребываю с истинным моим почтением.

Вашего превосходительства милостивого государя моего покорнейший слуга Гавриил Державин.

Августа 1815 года. С. Званка.

Приписка Д. А. Державиной

При сем и я, милая Верауна, в мыслях тебя целую, также и Алексея Васильевича и будущего вашего бохдашечку, мне кажитца все, что у вас будит сын. Астаюсь покорная Д. Д.

ХII

Д. А. Державина — В. Н. Воейковой

13 июля 1835 года, Званка

Милая Веринька поздравляю тебя, милой друк мой, з дарагою твоею именинницею милой Машенькой; жаль, что меня с вами нет, а то бы Мама не обошлась еще без подарочка, несмотря что я ее уже заранее подарила. Пишут ко мне, друк мой, все о твоей болезни. Теперь знаю, я сама испытала, как она мучительна, но все к лутчему, потому что узнала, что этому за причина и чем оно пособить дней тому десень. У меня случился тот же самой припадок и была здорова ж здоровехонька, как вдрух начал бок болеть до такой крайности, что зделалась рвота, но не от желутка, а от большова страдания, а рвала меня только водою, а боли еще тенула, а наконец немношка жолчью; и то зделалось это от наילהя (т. е. от неведения. — С. Д.) и продолжалось страдание часа четыре или пять, жару никакова не было и язык чист, но во рту так сохтит, что ели могла языком поворотить, что помнитца мне, милая Веринька, и у тебя было к етому и запор.

И так узнала я, что это ни что иное как встры с застуженами нервами, и я ничем не лечилась кроме <?> принимала на капли, как вы знаете, моей настойки. И оной мне бок посабил, в пищи ж я савсем большой строгости не имела и не имею; пила чай с малаком и кофии

только, все в меру. И как скоро при самом начале почувствую свой бок, то тотчас моя настойка и тихонька прохаживатца, что и тебе, милая Веринька, советую; главное, при самом начале делать о нас. Кушать все можно по-небольшому количеству, ноги чтобы были всегда теплы. Желудак у тебя испорчен был уже от большова страдание, которым страданием и рвотой желч твою всю с места здвинуло. Вот милая Веринь моя, тебе описание и попробуй мое тебе лекарство. Мне помнитца, что при начале и оно тебе помогало, дабы мы скоро его оставили, и должно было его продолжать, несмотря на боли. Грустно мне очень, милая Веринька, что порозность вашим не здоровьем не могли вы ко мне приехать, а то бы пра во вы здесь отдохнули. Но я еще все в падежде, что когда ты вздумаешь к себе в Тамбов ехать, то еще нас здесь застанешь и за сим мысленно тебя и милую твою Машу целую. И тако ж де обеих мальчиков. Дай Бог, чтобы все были здоровы. Остаюсь преданная тебе Дарья Державина.

1835 г. июля 13 дня.

Село Возкресенское, Званка тож.

XIII

Кп. А. И. Горчаков — А. В. Воейкову

7 июля; год не указан

Всегда с удовольствием исполняя все то, что касаетца до Вас, мой любезный Алексей Васильевич, я ту же минуто с Линемением послал письмо Ваше к Г<авриилу> Ром<ановичу> в дом, которой и отдал его управителю с тем, чтоб он оно доставил к ним в деревне Барыбино¹⁹, то чтоб оне из деревни прислали письма на име Ваше ко мне, а я буду к Вам их верно доставлять. — Так за сем, что я... que je suis amis de mes Amis²⁰. Делу их всех благ и невременно, когда и одолеете, — сего желает Вам от искреннейшего сердца тот, который есть и будет надежный доброжелатель К<нязь> Алексей Горчаков.

XIV

Записка В. Н. Воейковой

<1812 год>

Воейков застал Каменского еще в живых, но в безнадежном положении, поэтому лично от него не мог иметь никаких указаний; и

¹⁹ Тамбовской губернии.

²⁰ Что я друг моих друзей (искаж. фр.).

сам по смерти его, собрав всевозможные сведения, содействовал к назначению Кутузова главнокомандующим. При падении Сперанского Воейков, как правитель канцелярии Барклая, часто ездил к сильному временщику для объявления по поручениям своего начальника, подвергая неожидан^но большой перемене по службе, был удален от [военного министра] должности при военном министре, получил бригаду в чине полковника Преображенского полка²¹.

XV

Любезный брат! И ты его любил,
И ты достоинства души его ценил,
И слезы проливал со мною
В тот час, как прах его сокрыт сырой землею.
Ах! Веры! Когда б теперь он жил,
Он горести твои от сердца бы делил
И вместе плакал бы и с нами и с тобою. —

Семен Каннист.
Февраля 15 дня
1829 года.
Кременчуг.

XVI

Как солнце после непогоды
Живит упылый вид природы,
Так ты, о друг души моей,
Меня к отраде пробуждаешь,
Надсжду в сердце оживляешь
Узреть лучи счастливых дней.

²¹ В записке Веры Николаевны Воейковой (1792–1873) упоминаются следующие лица: ее муж, А. В. Воейков (1778–1825), генерал-адъютант Александра I, командовавший в 1812 г. бригадой; граф Н. М. Каменский (1776–1811), генерал от инфантерии, в 1810–1811 годах главнокомандующий Молдавской армией; М. И. Кутузов (1745–1813), генерал-фельдмаршал, назначенный главнокомандующим русскими армиями 8 августа 1812 г., М. Н. Сперанский (1772–1839), отправленный в отставку 17 марта 1812 г., и военный министр, в 1812 г. главнокомандующий 1-й Западной армией М. Б. Барклай-де-Толли (1761–1818).

Увы! Здесь мрачная могила
Прах нежного отца сокрыла,
И скорбь мою стеснила грудь.
В тот миг, как взор его смыкался,
Мне свет пустыней показался
И цепью бедствий — жизни путь.
Но ты, как ангел благодатный,
Ко мне склони свой взор приятный;
Сказала: щастлив будь — живи,
Ты скорбь со мною разделила
И снисходительно внимала
Немому голосу любви.

Так, я люблю, тобой одною
Я буду жить, дышать тобою.
Когда ж назначено судьбою
Сойти мне под кров могилы,
Умру, но образ сердцу милый
понесу с собой
в гробницу.

XVII

К Меценату

(Горация, кн. II, ода XII)

Nolis longo ferae bella Numantiae

На лире скромной и игривой
Не предлагай мне петь героев и царей,
Ни битв Нуманции строптивой,
Ни кровью Пунии багровившихся морей,
Ни Риму, страшного на бранях Ганнибала,
Гилея буйного, лапитов моту брань,
Толпу, что потрясти чертог богов мечтала,
Ни мстящу ей Алкида длань.

Тебе, о Меценат! прилично
Победы Кесаря потомству возвестить,
Героя, коему обычно

Грозивших нам царей чрез Рим в цепях влечить,
А я — Лицинии, что голосом пленяет,
Кого — приятный взгляд сверкающих очей
И сердце, что равно любовью отвечает
Любви к ней пламенной твоей.

Взгляни, как в хор соединенных
Подруг дивит она беседы остротой,
Как в ликах, в плясках, посвященных
Диане, легко предводит их стопой:
Отдашь ли ты за все сокровища персидски,
За кучи золота Магдонии всея,
За все несметные богатства аравийски
Один из локонов ея;

В тот миг, как милой сердце тает,
Коль, на плечо твое главой она склоняясь,
Твой страстный поцелуй встречает;
Или, суровую мгновенно притворясь,
Сей сладкий поцелуй, взаимно вожделенный,
С воспламененных уст сорвать тебе претит;
А с нежностью тобой насильно похищенный
С сугубой нежностью дарит.

Превратность

Подражание Горацию, кн. IV, ода XIII

Audivere, Lyce, di mea vota

Ликида! Наконец услышаны богами
Моления мои.

Увяли прелести твои,

Ты состарилась; но юности красами

Еще желаешь ты блистать.

На пиршествах еще ты любишь веселиться.

В твои лета порхать, резвиться

Не стыдно ли? Поверь, пора бы перестать.

Нет, птичка, Купидон вовек не отдыхает
На веточке сухой;
Зуб черный, волосок седой —
Амура все в тебе страшит и отгоняет.
Наморщено твое чело
Напрасно красится камельями драгими;
Уж то не наградится ими,
Что время быстрое на крыльях унесло.

Где юность и красы? Жестоки удары!
И от Ликиды сей,
Что в плен влекла красой своей,
Которой прелести лишь прелестям Кинары
Одной привыкли уступать,
Осталось что теперь? Морщин собор ужасный
И в горб согнутый стан прекрасный;
В Ликиде можно ли Ликиду нам узнать?

Но своенравный рок немногими летами
Кинару подарил;
Но, как ворону, наградил
Ликиду длинными и скучными годами,
Затем, чтоб молодежь могла,
Когда случается с красоткой сей встречаться,
Над ней досыта посмеяться
И, пальцем указав, сказать: как ты мила.

НАУЧНЫЕ СПРАВКИ

КОВРЫ В ДОМЕ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Важнейшим элементом интерьера дома Державиных, как и многих других петербургских особняков конца XVIII — начала XIX века, были ковры. Супруга поэта Дарья Алексеевна даже завела ковровую фабрику в своем новгородском имении Званка. Отдельные сведения по интересующему нас вопросу сохранились в документальных и мемуарных источниках. Наиболее ранний из них — «Опись столовым сервизам и прочим вещам, находящимся в кладовой», составленная 6 мая 1811 года¹, по-видимому перед отъездом семьи в Званку. Документ содержит раздел, в котором перечислены следующие ковры:

1. По песошной земле с цветами и каймою, из нижняго этажу — 1.
2. Каймы по зеленой земле цветами — 2 штуки.
3. Шахматной зеленой — 1.
4. С зелеными цветами по черной земле — 1.
5. С лиловыми каймами, клетчатой — 1.
6. Подаренной Озеровым — 1.
7. Остатков ковров и каймы — 4 кусочка.
8. Старой из боскетной ковер — 1².

¹ См.: ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, № 7, л. 54–55.

² Там же, л. 55 об.

В «Описи мебели и другим вещам, хранящимся в нижнем этаже» особняка Державиных, составленной 18 мая 1815 года³, отмечено, что в боскетной был клетчатый ковер, отданный Дарье Алексеевне.

История появления в доме «ковра, подаренного Озеровым» рассказана в мемуарах В. И. Лыкошина, который через своего родственника Е. Д. Озерова искал протекции у Г. Р. Державина: «Евграф Данилович, сделав предварительно визит Державину, повез меня ему представить; за нами в кабинет внесли огромный ковер, аршин 10 в квадрате, Крюковской фабрики, купленный для подарка ему. Старик принял меня очень благосклонно и, узнав, что я питомец Московского университета, полушутливо сказал, что не нам, молодому поколению, искать покровительства старых поэтов, а им, старикам, надо отыскивать благосклонное внимание авторитетов нового поколения <...>. "Завтра, — прибавил он, — я поеду к Ивану Ивановичу (Дмитриеву, тогдашнему министру юстиции), а послезавтра приезжайте ко мне утром, я сам вас ему сдам на руки; не мешало бы и тебе, Евграф Данилович, побывать сегодня или завтра; а между тем пойдем к Дарье Алексеевне, она напоит нас кофеем". Войдя в домашнюю гостиную верхнего этажа, я увидел мой ковер уже разостланным во всю комнату. Добрая хозяйка приняла нас очень приветливо и при прощании сказала мне, чтобы я у них чаще бывал»⁴.

Ковер как предмет интерьера упомянут в мемуарах М. Ф. Ростовской: «...вход в "Диванчик" по двум ступенькам и весь пол устлан был парадным ковром»⁵.

Наиболее детальная характеристика ковров дана в «Описи вещам, которые будут продаваться аукционным порядком <...> в доме покойной Державиной у Измайловского моста», составлен-

³ Там же, л. 66–69.

⁴ Цит. по: Пиксанов Н. К. Грибоедов: Исследования и характеристики. Л., 1934. С. 75–76. Выражаю признательность Р. М. Лазарчук, обратившей мое внимание на эти мемуары.

⁵ Ростовская М. Ф. Воспоминания о Г. Р. Державине и Д. А. Державиной // Семейные вечера: Старший возраст. 1864. № 3. С. 154.

ной в 1842 году⁶. Из этого источника мы узнаем, что 24 октября по начальной цене 20 рублей продавался ковер, выглядевший следующим образом: «...грунт песочного цвета, с разноцветными букетами, длина 9 аршин, ширина 7 аршин, с каймою». По-видимому, это был ковер «из нижнего этажу», перечисленный в первом из приведенных выше документов. Благодаря аукционной описи мы узнаем его размеры (6,39 Ч 4,97 м) и рисунок поля («разноцветные букеты»). 27 октября по одинаковой начальной цене 10 рублей продавались два ковра. Первый из них был «персидский, с разноцветными цветами и бахромой, длина 4 аршина 12 вершков, ширина 1 аршин 6 вершков, с каймою». Его размеры (3,38 Ч 0,98 м) позволяют предположить, что это тот самый «парадный ковер», которым был «услан» «вход в "Диванчик" по двум ступенькам и весь пол». Второй ковер выглядел так: «...по красному полю, в середине цветочный вснок, длиною 5 аршин, шириною 4 аршина, с каймою». По размерам (3,5 Ч 2,8 м) он близок к коврику, «подаренному Озеровым», и, следовательно, мог находиться в домашней столовой второго этажа.

Как видим, ковры были различными по величине, разнообразными по цветовой гамме (песочный с цветами; черный с зелеными цветами; зеленый шахматный; красный с цветами; клетчатый с лиловой каймой) и по рисунку (с цветами по однотонному полю, без каймы; с цветочным наполнением поля и каймой; клетчатый с однотонной каймой; шахматный; с цветочным венком в середине и каймой). Безусловно, их присутствие в интерьере придавало дому особую теплоту и в то же время торжественность и парадность.

Н. П. Морозова

⁶ См.: ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, № 144.

ПРИЛОЖЕНИЕ

С. М. Некрасов

«ПЕВЕЦ ЦАРЕЙ ИЗБРАННЫЙ»

Стихи начались для меня ни с Пушкина,
ни с Лермонтова, а с Державина.

Анна Ахматова

Ранним утром 8 января 1815 года Г. Р. Державин выехал в Царское Село. Когда его возок свернул с набережной Фонтанки на Московский тракт, он невольно взглянул на мраморный верстовой столб с солнечными часами и надписью «До Царского Села 22 версты».

Как часто преодолевал он эти 22 версты до императорской резиденции, где дано ему было пережить немало и счастливых, и горьких минут. Он вспомнил, как в солнечный августовский день 1789 года предстал перед императрицей Екатериной II, которую за несколько лет до этого воспел в образе Фелицы — «премудрой» «царевны Киргиз-Кайсацкия орды» и тем самым невольно обрел своеобразный титул певца Фелицы.

В тот летний день он надеялся убедить ее в несправедливом отношении кос-кого из вельмож и бывших сослуживцев, для чего захватил с собой некоторые важные бумаги. Впрочем, его давний приятель, статс-секретарь государыни А. В. Храповицкий присо-

ветовал оставить их в приемной, а изложить все устно. Поэт так и сделал. Поначалу, правда, спорил, горячился, но когда в Лионском зале дворца ожидал аудиенции, подумал, что Храповицкий прав, и отдал ему всю папку.

Двери отворились, и Державин вошел в Китайский зал, определенный государыней для высочайших приемов. Поблагодарив императрицу за милость по отношению к нему, Державин хотел было начать разговор о несправедливости наместников Олонской и Тамбовской губерний Тутолмина и Гудовича, под началом которых довелось ему служить губернатором в Петрозаводске и Тамбове, но Екатерина неожиданно его опередила: «"...но не имете ли вы чего в нраве вашем, что ни с кем не уживаетесь?" — "Я не знаю, Государыня, — сказал смело Державин, — имею ли какую строитивость в нраве моем, но только то могу сказать, что, зная, я умею повиноваться законам, когда, будучи бедный дворянин и без всякого покровительства, дослужился до такого чина, что мне вверялися в управление губернии, в которых на меня ни от кого жалоб не было". — "Но для чего, — подхватила императрица, — не поладили вы с Тутолминым?" — "Для того, что он принуждал управлять губерниею по написанному им самопроизвольно начертанию, противному законам; а как я присягал исполнять только законы самодержавной власти, а не чьи другие, то я не мог никого признать над собой императором, кроме Вашего Величества". — "Для чего же не ужился с Вяземским?" Державин <...> отвечал кратко: "Государыня! Вам известно, что я написал оду Фелице. Его сиятельству она не понравилась. Он зачал насмехаться надо мною явно, ругать и гнать, придираясь ко всякой безделице; то я ничего другого не сделал, как просил о увольнении из службы, и по милости Вашей отставлен". — "Что ж за причина несогласия с Гудовичем?" — "Интерес Вашего Величества, о чем я беру дерзновение объяснить Вашему Величеству, и сжали угодно, то сейчас представлю целую книгу, которую я оставил там". — "Нет, — она сказала, — после"».

После аудиенции Храповицкий записал в своем дневнике слова императрицы: «"Я сказала ему, что чин чина почитает... В третьем месте не мог ужиться; надобно искать причину в себе самом. Он горячился и при мне. Пусть пишет стихи"».

И Державин писал стихи. В ожидании нового назначения он много и плодотворно работал.

И все же аудиенция в Екатерининском дворце, видимо, была удачной. Хотя никакого места Державин не получил, его стали приглашать ко двору. В «Камер-фурьерских журналах» то и дело мелькает его имя наряду с именами самых знатных вельмож. В ту пору стал он часто бывать и как приглашенный «сверх свиты к столу» Екатерины.

В конце 1791 года поэт был назначен статс-секретарем императрицы. Теперь он почти ежедневно встречался с государыней, докладывая ей порой и о махинациях чиновников, и о бесправии вдов и сирот, и о несправедливых судьях, всегда готовых за взятки решить дело в пользу тех, кто больше заплатит. Причем докладывал страстно, истово, почти с поэтическим жаром и вдохновением, ибо был, по его же собственным словам, «горяч и в праве черт». Многие из этих кляузных дел решались императрицей по справедливости, благодаря честному в неподкупности ее статс-секретарю, нередко досаждавшему ей своим служебным рвением. Да и надеялась она услышать от него не только «экстракты», которые по должности подносил ей статс-секретарь в своем кожаном портфеле с золоченым замком в виде античной вазы, но и новые стихи в духе «Фелицы». Надежды эти и ожидания Храповицкий удосужился даже переложить в стихотворное послание Державину:

Оставь при ябеде вдовнцу,
Судей со взятками оставь;
Воспой еще, воспой Фелицу,
Хвалы к хвалам се прибавь.

Державин ответил кратко и выразительно:

Богов певец
Не будет никогда подлец.

Ты сам со временем осудишь
Меня за мглистый фимиами;
За правду ж чтить меня ты будешь,
Она любезна всем вскам <...>.

В своих позднейших «Записках» поэт объяснил это весьма определенно: «Не мог воспламенить так своего духа, чтоб поддержать свой высокий прежний идеал, когда вблизи увидел подлинник человеческого с великими слабостями». Впрочем, написал-таки за два года своего статс-секретарства одно, но весьма выразительное стихотворение:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: Пой птичка, пой!

Державин полюбил Царское Село, которое на его глазах становилось все краше и превращалось в роскошную императорскую резиденцию, украшенную памятниками побед русского оружия. Поэт частенько любил гулять здесь с женой Екатериной Яковлевной, которую воспевал в стихах под именем Пленеры, любуясь красотами природы и архитектуры. Одну из таких прогулок даже описал стихами:

В прекрасный майский день,
В час ясных погоды,
Как всюду длинна тень,
Ложась в стеклянны воды,
В их зеркале берегов
Изображала виды;
И как между столпов
И зданием Фемиды,
Сооруженных ей
Героев русских в славу,
При гласе лебедей,
В прохладу и забаву,
Вечернею порой
От всех уединяясь,
С Пленирою молодой
Мы, в лодочке катаясь,
Гуляли в озерке <...>.

Царское Село вдохновляло Державина, как вдохновляло его молодого друга Н. М. Карамзина, в изданиях которого «Московский журнал», «Аониды» и др. Державин охотно печатал свои произведения. Поэту нравился карамзинский слог, о котором позднее Пушкин скажет: «Чья лучшая проза? — Карамзина». Поэтичность карамзинской прозы подсказывает поэту неожиданный финал стихотворения, содержанием которого становится, казалось бы, всего лишь прогулка в Царскосельском парке и поэтический восторг стихотворца от созерцания его красот:

Какая пища духу! —
В восторге я сказал, —
Коль красен взор природы
И памятников вид,
Они где зрятся в воды
И соловей сидит
Где близь и воспевает,
Зря розу иль зарю!
Он будто изъясняет
И Богу и царю
Свое благодаренье:
Царю — за память слуг;
Творцу — что влил стремленье
К любви всем тварям в дух.
И ты, сидя при розе,
Так, дней весенних сын,
Пой, Карамзин! — И в прозе
Глас слышен соловьян.

Летом 1791 года Державины решили приобрести дом в Петербурге. Недостроенное здание стали отделывать по своему вкусу, поручив заняться этим одному из ближайших друзей архитектору и поэту Николаю Львову.

В доме жили счастливо, но бывали и размолвки. Одна из них произошла летом 1793 года. Памятником ей осталось письмо, посланное в Петербург из Царского Села, где Державин в ту пору жил по должности кабинетского секретаря: «Мне очень скучно, очень

скучно, друг мой Катинька, вчера было; а особливо как была гроза и тебя подле меня не было. Ты прежде хотела в таковых случаях со мной умереть; но ныне, я думаю, рада, ежели б меня убило и ты бы осталась без меня. — Нет между нами основательной причины, которая бы должна была нас разделить: то что такое, что ты ко мне не едешь? — Самонравие и гордость. Не хочешь по случившейся разговке унизиться пред мужем. Изрядно. <...> Стало, ты любишь, или любила, меня не для меня, но только для себя, когда малейшая неприятность выводит тебя из себя и рождает в голове твоей химеры, которые (Боже избави!) меня и тебя могут сделать несчастливцами. Подумай-ка об этом хорошенько и, сравни с собою Фурсову и ей подобных, увидишь, что я говорю правду. Итак, забудь, душа моя, прошедшую ссору; вспомни, что уже целую неделю я тебя не видал и что в среду Ганюшка твой именинник. Приезжай в объятия верного твоего друга».

Скульптор Рашетт, давний приятель Державина, исполнил барельефы для его нового дома на Фонтанке. Он же создал скульптурные портреты супругов Державиных, украсившие одну из гостиных. Впрочем, своему собственному бюсту Гаврила Романович поначалу предрекал совсем иную судьбу. Прогуливаясь однажды в Царском Селе по Камероновой галерее, украшенной бюстами великих мужей Древней Греции и Рима, обнаружил он и бюст одного из величайших мужей России — М. В. Ломоносова. Почитал и любил его Державин как единственного классического русского поэта, написавшего некогда по поводу завершения строительства Царско-сельского дворцово-паркового ансамбля архитектором Растрелли: «...кто видит, всяк чудится, // Сказав, что скоро Рим пред нами постыдится».

И пришло ему тогда на ум, что если среди греческих и римских героев помещен Ломоносов, то и он «со временем думал иметь на это право». Даже стихотворение сочинил «Мой истукан», где, обращаясь к императрице, писал:

На твердом мраморном помосте,
На миштых сводах меж столпов,
В меди, в величественном росте,
Под сенью райских вкруг дерев,
Поставь со славными мужами!

Впрочем, ирония поэта свидетельствует о шутовском характере державинской просьбы. Он слишком хорошо знает, как легко может произойти переоценка ценностей:

Увы! Легко случиться может,
Поставят и тебя льстецом;
Кого днесь тайно злоба гложет,
Тот будет завтра въявь врагом;
Трясут и троны люди злые:
То можст быть, и твой кумир
Через решетки золотые
Слетит и рассмешит весь мир,
Стуча с крыльца ступень с ступени,
И скатится в древесны тени.

В последних строках, представляя себе, как может скатываться по ступеням галереи его бюст, он даже стремится к звукоподражательности стиха. В самом деле, достаточно произнести вслух «Стуча с крыльца ступень с ступени», — и можно легко услышать звуки мраморного «истукана», падающего вниз и считающего ступени знаменитой царскосельской лестницы. А потому, поиронизировав вволю, автор завершает стихотворение обращением к своей Пленире:

А ты, любезная супруга!
Меж тем возьми сей истукан;
Спрячь для себя, родни и друга
Его в серпанный твой диван;
И с бюстом там своим, мне милым,
Пред зеркалом их в ряд поставь,
Во знак, что с сердцем справедливым
Не скрыт наш всем и виден нрап.
Что слава? — Счастье нам прямое
Жить с нашей совестью в покое.

Впрочем, с Камероновой галереей, где так и не был поставлен бюст Державина, у поэта было связано немало воспоминаний. В мае 1793 года на сговор великого князя Александра Павловича с при-

ндессой Баденской Луизой, ставшей после принятия православия великой княгиней Елизаветой Алексеевной, Державин написал стихотворение «Амур и Психея». Композитор В. А. Пашкевич положил его на музыку. Вскоре во время празднества этот романс был исполнен в Камероновой галерее в присутствии императрицы. Правда, государыня была, как известно, весьма равнодушна к музыке. Но державинское сочинение, прозвучавшее в тот день, весьма одобрила.

Праздник удался на славу. Да и сговор по всем приметам обещал нерушимое единство будущих супругов. В праздничной игре «Заплетися, плетень» на лугу Екатерининского парка, по свидетельству Державина, «жених и невеста запутались в нем так лентою, что должно было разрезать оную».

Благосклонное отношение Екатерины к поэту, которое, по его словам, «обращало на него глаза завистливых придворных», несмотря на отсутствие новых хвалебных од, сохранялось. Казалось, государыня уже привыкла к своему строптивому статс-секретарю, регулярно докладывавшему ей самые запутанные и кляузные дела, но всегда находившему справедливое и достойное их разрешение. Даже простила ему дерзость, на которую, пожалуй, никто и не посмел бы решиться. Однажды во время бесконечного доклада не выдержала, встала и решила уйти. Вместо того чтобы почтительно поклониться и прервать работу, статс-секретарь схватил ее за шлейф платья и заставил сесть и выслушать все свои аргументы до конца. Обомлевшая государыня сумела только позвонить в колокольчик и, призвав секретаря, дожидавшегося в приемной, попросила его присутствовать. Но державинский доклад выслушала до конца.

Как часто после аудиенции у императрицы Державин бродил по аллеям Царскосельского сада, любовался видом на спускающийся к пруду красивый луг, в центре которого возвышался обелиск в память побед графа П. А. Румянцева. Но вечером 15 июля 1793 года, когда здесь прогуливалась государыня, придворные с великими князьями затеяли игру в горелки, в которую вовлекли и пятидесятилетнего статс-секретаря. Погнавшись за великим князем Александром Павловичем, Державин поскользнулся, «упал и так сильно ударился о землю, что сделался бледен как мертвец. Он вывихнул в плече из состава левую руку. Великие князья и прочие придворные подбежали к нему и, подняв едва живого, отвели его в его комнату».

Державин жил, вероятно, в циркумференции Екатерининского дворца, совсем недалеко от того места, где шла столь неудачная для него игра. Пострадавшему вправили руку и поручили заботам придворного лейб-медика, на шесть недель уложившего его в постель. «Сей столь непредвидимый и неприятный случай и был политическим падением автора, ибо в сие время вошел было он в великую милость у императрицы, так что все знатнейшие люди стали ему завидовать; но в продолжение шести недель, на лечение его употребленных, когда он не мог выезжать ко двору, успели его остудить у императрицы, так что, появясь, почувствовал он ее равнодушие».

Впрочем, поэта Державина столь неприятное приключение поднигло написать стихотворение «Горелки», где он сравнил все жизненное поприще с бегом за обретением первенства, которую он уподобляет детской игре. Но эта игра настолько привлекательна для честолюбца, что нередко становится даже смыслом жизни, о чем поэт не преминул сказать в своих стихах:

Хоть детской сей игре, забаве
И насмехается мудрец,
Но гордый дух летит ко славе,
И свят ему ее венец.

2 сентября 1793 года он был отрешен от дел и определен сенатором. Конечно, с одной стороны, это была немилость, но с другой — подобная отставка считалась почетной. Державин прекрасно понимал двойственность отношения к нему Екатерины II, которая «...при всех гонениях сильных и многих неприятелей, не лишала его своего покровительства и не давала, так сказать, задуть его; однако же и не давала торжествовать и явно над ними огласкою его справедливости и верной службы <...>».

На склоне лет, оценивая екатерининское царствование и свои взаимоотношения с императрицей, поэт напишет: «...сия мудрая и сильная государыня, ежели в суждении строгого потомства не удержит на вечность имя Великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости <...>. Поскольку же дух Державина склонен был всегда к морали, то если он и писал в похвалу торжеств ее стихи, всегда, однако, обращался аллегориею или каким

другим тонким образом к истине, а потому и не мог быть в сердце ее вовсе приятным. Но как бы то ни было, да благословенна будет память такой государыни, при которой Россия благоденствовала и которую долго не забудет».

Сам Державин остался в памяти потомства как певец Фелицы, воспевший ее в «забавном русском слогѣ». Впрочем, уже через год после смерти Екатерины поэт, посетив Царское Село, написал исполненное ностальгией стихотворение «Развалины», в котором, по его собственным словам, представил «аллегорическое описание, под образом острова Кипра, опустевшего Царского села, а под именем Киприды императрицы Екатерины II». Впрочем, аллегория была столь прозрачной, что опубликовать свое произведение в России в царствование Павла I, ненавидевшего Екатерину II и начавшего разорять ее любимую резиденцию, было просто невозможно. Как напишет в «Объяснениях» к своим сочинениям Державин, это стихотворение было впервые напечатано «на особенных листках в Саксонии графом Алексеем Григорьевичем Орловым, который выслан был тогда из России императором Павлом». Кстати, и сам Орлов выведен в этом стихотворении под именем Алкида, что, вероятно, послужило одной из причин, побудивших его издать державинские стихи. В честь братьев в Царском Селе были поставлены знаменитые монументы — Орловские ворота, Чесменская и Морейская колонны. Братья Орловы, как известно, возглавили дворцовый переворот, возведший Екатерину на престол и отодвинувший воцарение Павла на долгие годы. Разумеется, император этого никогда не забывал и ненавидел Орлова. Все напоминания о екатерининском царствовании, о придворном быте императрицы были для него нестерпимы. И хотя в державинских стихах Екатерина не называлась по имени — поэт даже не именовал ее Фелицею, — но совсем нетрудно было понять, о каком «острове» и о какой «Киприде» шла речь.

Киприда тут средь мирт сидела,
Смеялась, глядя на детей,
На восклицающих смотрела
Поднявших крылья лебедей;
Иль на страницу сребробоких
Ей милых сизых голубков;

Или на нестрых, краснооких
Ходящих рыб среди прудов;
Иль на собачек, ей любимых,
Хвосты несущих вверх кольцом,
Друг другом с лаяньем гонимых,
Мелькающих между леском.
А здесь, исполняя важна вида,
На памятник своих побед
Она смотрела: на Алкида,
Как гидру палицей он бьет;
Как прочие ее герои
По манию ее очес
В ужасные вступали бон
И тьмы поделали чудес <...>.

Стихотворение «Развалины» — своеобразный путеводитель по екатерининским местам царскосельских парков. Державин знает, где и когда бывала императрица, чем занималась.

После утренней работы и прогулки по парку Екатерина любила уединяться в павильоне «Грот», где писала письма своим европейским корреспондентам, иногда приглашая к этому занятию кого-либо из своих фаворитов. «Здесь в полдень уходила в гроты, // Покоилась прохлад в тени <...>», — свидетельствует поэт. Помнит он и дальние прогулки государыни к «Большому Капризу» в Новый сад, где строился дворец для любимого внука великого князя Александра Павловича, мимо Зверинца, Китайского театра и горы Парнас, вдоль прудов под звуки роговой и духовой музыки, что так верно изобразил художник М. Ф. Дамам-Демартре.

...Здесь был театр, а тут качели,
Тут азиатских домик нег;
Тут на Парнасе музы пели,
Тут звери жили для утех.
Здесь в разны игры забавлялась,
А тут прекрасных нимф с полком
Под вечер красный собиралась
В прогулку с легким посошком <...>.

Казалось, в этих местах ничего не изменилось, но поэт видел, что это не так: «Здесь в внутренни она чертоги // По лестнице отлогой шла <...>».

Сам Державин тоже не раз проходил по этой лестнице, именуемой Пандусом. Бывало, возвращаясь с прогулки и направляясь в свои личные покои, императрица именно здесь прощалась с сопровождавшими ее придворными. А в парке звучали голоса юных певцов, замаскированных кустами сирени и жасмина. На Пандусе стояла бронзовая скульптура, которую император Павел I велел снять и перенести в Павловск на центральную площадку Двенадцати дорожек. Император повелел разобрать строившуюся в парке галерею и даже кухню и маленький дворец, которые были возведены для приема невесты великого князя Александра Павловича, принцессы Баденской Луизы с ее сестрой и матерью. Позднее их вновь возвели, но в Павловске.

Видимо, посетивший Царское Село в этот период Державин и дал стихотворению название «Развалины», ибо во всем парке чувствовалось запустение. И потому заканчивалось оно почти как эпиграфия:

Но здесь ее уж пыле нет,
Померк красот волшебных свет,
Все тьмой покрылось, запустело;
Все в прах упало, помертвело;
От ужаса вся стынет кровь, —
Лишь плачет сирая любовь.

Все это проносилось в голове поэта, пока кренкие кони, умело погоняемые кучером Кондратием, несли его привычной дорогой по Московскому тракту в те места, где не был он уже несколько лет. Под конец пути Державин задремал и не заметил, как прибыли в Царское Село. В дороге его растрясло, и он с трудом вышел из саней у самых порот Лицея. Здесь был он приветливо встречен лицейскими чиновниками, суетившимися при входе. Сбросил швейцару на руки шубу и спросил его вполголоса: «А где тут братец, пужник?» Заметил юного лицейста в очках, который кинулся было к нему, но вдруг потупился и быстро убежал вверх по лестнице.

На экзамене лицейские воспитанники читали его стихи, бойко рассуждали о правилах словесности. О том, что было дальше, спустя два десятилетия один из этих лицеистов напишет: «Наконец вызвали меня. Я прочел мои "Воспоминания в Царском Селе", стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей, когда дошел я до стихов, где упоминаю имя Державина. Голос мой отрочески зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом. Не помню как кончил чтение, не помню куда убежал. Державин был в восхищении. Он меня требовал, хотел обнять. Меня искали, но не нашли».

Юного лицеиста звали Александр Пушкин. Осенью 1811 года, в канун открытия Императорского Царскосельского лицея, к Орловским воротам Екатерининского парка, напротив которых находился въезд в городок, отмеченный мраморным верстовым столбом с надписью «От Санкт-Петербурга 22 версты», подкатила тройка с двенадцатилетним отроком, и юный Пушкин впервые увидел Царское Село, которое впоследствии назовет своим поэтическим отечеством...

В. Ирецкий

ГАМЛЕТ РОССИЙСКОЙ*

Помещая рассказ В. Я. Ирецкого в очередном выпуске «Державинских чтений» исключительно из-за его литературных достоинств и не входя в оценку исторической достоверности изложения, мы рассматриваем это сочинение как одно из любопытных свидетельств интереса писателей XX века к XVIII столетию. Среди трудов и литературных произведений, посвященных императору Павлу I и фиксирующих внимание читателей на предчувствии им собственной гибели, рассказ «Гамлет Российской» уместно поставить в один ряд с апологетическим историко-мемуарным очерком И. Н. Шабельского-Борк (1896–1952; псевд. Старый Кирибей) «Павловский гобелен» (Тизис, Фельдкирх [(Австрия)], 1946; 2-е изд.: Сан-Паулу, 1955; первое изд. в России, насколько нам известно, в сб.: Два монарха и таинственный старец Феодор Козьмич / [Предисл. А. Стрижева]. [М.]: Скит, [1992]. С. 5–51).

* Рассказ Виктора Яковлевича Ирецкого (1882–1936) печ. по изд.: Ирецкий В. Она. [Berlin]: Петрополис, [1937]. С. 149–163. В этом сборнике содержатся любопытные указания на историю его рождения: «Настоящая книга вышла в свет 16 ноября 1937 года в день первой годовщины смерти В. Я. Ирецкого. Весь доход от ее продажи поступает в фонд для постановки памятника на могиле писателя в Тегеле близ Берлина»; «Настоящий сборник произведений В. Я. Ирецкого был задуман автором незадолго до его смерти и должен был объединить лучшие его рассказы, отображавшие русский быт

Не будучи из числа учрежденных писателей, чувствую, однако, побуждение хотя бы вкратце и попросту описать один героический случай, произошедший в жизни. Полагаю, что для незанятых житейскими попечениями единоземцев таковая покажется нескучной. Кто печатному верит без разбора, тот и сему письму, хотя и не витиевому, даст принадлежащее оному уважение.

I

Его Высочество не почитал отечественного театра, чем сильно разнствовал от своей матери монархини. Был он усерден только лишь до военных наук и, живя в пасмурном виде в Гатчине, занимался фрунговыми экзерцициями. В таковых утехх препровождал он целые дни, презирая то, что удивительные успехи в художествах и науках в Российской Империи за это время произошли. Мимоходом можно тут приметить, что со времени размножения у нас земляных яблок еще не было ничего столь плодovitого, как потомство девяти муз, особливо же Мелпомены. Среди таковых крайне примечателен был очень изрядный придворный актер Иван Дмитриевской, про которого не раз говаривали, что в любовной страсти он превосходил француза Лекена. Да и, правду говоря, что могло быть выше игры господина Дмитриевского, коего сам Аполлон через светлую свою улыбку рад был бы удостоить.

Коротко сказать — Его Высочество презрел театральные художеств явления, Двору и публике во многократных представлениях удовольствие приносившие. Преславные Геликонские холмы, где музы роскошествуют в лучах Феба, были ему не дороги. Красота, совокупленная с высокой мыслью, не согревала его и нисколько не возбуждала его к добродетели. И даже волнованиями изобильная трагедия Сумарокова «Синав и Трувор», Парижской академией расхваленная и господином Дмитриевским* изображенная, оставила его в полной холодности.

до войны и во время революции. Истинной героиней всех помещенных в сборник рассказов является всегда "Она" — Россия, горячая любовь к которой неизменно одушевляла автора во все моменты его жизни. Эту мысль он и хотел подчеркнуть, желая озаглавить свой сборник "Она"» (Там же. С. 2; 5).

* Так в источнике.

Тем более было удивительно, что однажды, когда на случай всерадостного от болезни освобождения Его Высочества представлена была аллегория «Непостоянство судьбы», государь цесаревич, подозвав к себе автора, каковым был тот же Дмитриевской, милостиво благодарил его, расспрашивал о театре и напоследок спросил:

— А знакома ли вам, сударь, пьеса «Амлет»?

— Как же, Ваше Высочество, — с живостью отвечал Дмитриевской. — Отличная трагедия с богатством отличных мыслей. А наипаче удивления достойна роль самого героя, волнуемого между страстной любви и священной должности к убитому родителю.

При последних двух словах Дмитриевской, приметя побледневшее лицо цесаревича, сам побледнел немало¹. Но, как изрядный куртизан, придворную науку постигший, и еще более изрядный актер, очень скоро смущение свое скрыл и со спокойной учтивостью добавил:

— Никто не может без удивления прочесть бесподобный его монолог и все важные его изречения, во всей трагедии рассеянные. Везде виден преславный автор Сумароков.

Его Высочество быстро-быстро помигал ресницами и спросил:

— А какова аллегория изощренной притчи сей?

— Тайного смысла никакого, Ваше Высочество, — поспешно отвечал Дмитриевской, испугавшись хмурости Павла Петровича. — Автор мне довольно известен. Он велик и прост сердцем.

— Нет, не так, — уверенно произнес цесаревич, но тотчас умолк, оправляя свой сиреневый камзол.

Дмитриевской, однако, встревожился. И дабы утвердить цесаревича в ином, чем он был, мнении, сказал:

— Осмелюсь с моим почтением доложить Вашему Высочеству, что сочинитель *Гамлета* Сумароков пьесу свою позаимствовал от английского автора Шакспеара, а этот же ни в какой мере не думал об аллегории на нынешнее время, ибо скончался до нас.

Его Высочество кивнул головой, глубоко вздохнул и с угрюмым видом отплатил Дмитриевскому его низкой поклон.

В ту же ночь, отъезжая от театра, Его Высочество, колыхаясь в карете от тряски, декламировал:

¹ В оригинале: нимало.

О долг, преодолей любовь и красоту!
Остави счастливым приятну суету.
Отрыгни мне теперь тиранов гнусных злоба.
Свирепство к должности, на жертву к месту гроба,
Где царь мой и отец себе отмщения ждет!
Он совести моей покоя не даст.
Я слышу глас его и в ребрах вижу рану.
О сын мой, вопиет, отмсти, отмсти тирану!

На пустынных улицах все молчало. Никакой шорох не мешал голосу Его Высочества.

II

Миновало около десяти годов. Что имел в своих мыслях цесаревич, знает только Тот, кто времена и лета в своей положил власти. Но, собираясь в чужие земли, Его Высочество вновь имел беседу с придворным актером Дмитревским, и по тому же предмету.

— Отчего не представляете Амлета на театре? — спрашивал цесаревич.

— Оттого, Ваше Высочество, что не получаю на то указаний от Дирекции.

Павел Петрович угрюмо улыбнулся, покачал головой и мало-слышно произнес:

— Утаивается, что ли?

А засим с меланхолией добавил:

— Утаиваются только такие дела, которых зазирает совесть человека.

И, припоминая что-то на уме, вдруг с живостью спросил:

— А помнится мне, сударь, что вы о другом Амлете говорили, о французском.

— Точно, говорил, Ваше Высочество. Сочинил его Шакеспear, прославленный английский автор. Видел я в Париже, как французский актер Лекен, ныне покойной, играл сего Гамлета. И еще мадам Дюмениль. С превеликим благородством играли. И осмелюсь почтительно предложить Вашему Высочеству, когда изволите побывать в Лондоне, актера Гаррика посмотреть в сией пиесе. Это настоящее трагическое божество.

Колыхаясь в карете, снова уезжал Его Высочество во дворец, что на Каменном Острове. Рядом с ним сидела великая княгиня. Супруги молчали. Призакрыв глаза, Его Высочество предался горестным мыслям об одиночестве своем и еще о том, что не может он веселиться веселием певинности. Царственная мать, дав ему бытие, ущемила ему душу. Через то преисполнен он был недружелюбия к людям, ярости безмерной и некоего тайного беспокойства, каковос порождено чаянием каверз. Всюду мнились ему злодейство и всякие вредительные слова, особливо от придворных шаркателей, к престолу приближенных. Его Высочество про себя безгласно повторял:

...Свирепство к должности, на жертву к месту гроба,
Где царь мой и отец к себе отмщения ждет.
Он совести моей покоя не дает.

А передохнувши, декламировал далсе:

Когда она того дерзнула погубить,
Так может жизнь отнять и у меня подобно.

III

Поволяжировавши по чужим землям, где природа живительна и прекрасна, побывав там под именем *comte du Nord*^{*}, Его Высочество вернулся в приветливом состоянии духа, изъявляя свое удовольствие от виденного им в главнейших столицах, а особливо же от родственной теплоты сардинского короля, у коего изволил гостить в Турине. Однакоже, пребывая в Санктпетербурге, цесаревич в самый кратчайший срок снова впал в пасмурный вид, видя к себе полную игнорацию от придворных.

Предаваясь иной раз воспоминаниям, с неизъяснимым блаженством думал о торжествах в Версале и Шантильи, где омажи ему были предложены наивысшие. Припомнился ему пышной был в Зеркальной Галерее, чудесно расписанной Лебреном, где король в великодушии своем шествовал через *salon de le Guirre*^{**}, а королева в то же самое мгновение показалась в блеске из *salon de la*

* Графа Севера (фр.).

** Войны (фр.).

Paix*. Люстры и жирандоли знаменовали общую для них корону. Еще предстал перед Его Высочеством презанятный фестиваль в Малом Трианоне, где на театре играли «Земиру». У дам на головах были подлинные душистые цветики, посаженные в неприметные для глаз флаконы со свежей водой. Подобная весна на голове среди снега пудра была удивительна. Впрочем, и остальное было несравненно. Бенгальские разноцветные огни являли собою волшебство. В каждом кусте было пламя. Скрытые за боскетом музыканты наполняли гармонией прекрасный сад Армиды. И еще было любезно сердцу Его Высочества, что графиня du Nord имела на голове маленькую иголку из драгоценнейших камней, на которую едва можно было прямо смотреть — так она блестела. И, вспоминая об этом, цесаревич полагал, что это был счастливейший вечер его жизни.

Очень изрядно еще запомнилось, как веселый автор Бомарше прочитал свою «Свадьбу Фигаро», и хотя Его Высочество не очень жаловал долгое чтение, будучи принужден сидеть на одном месте, что для живости его было несносно, однакоже прослушал Бомарше со вниманием. Тут цесаревичу вспомнилось, что на другой день после выслушания пьесы Бомарше молодой чтец Лафемьер зычно читал ему пьесу Шакеспеарову «Гамлет, или же Принц Датской». Она была в ином роде сочинена, нежели пьеса Сумарокова, и менее благородна, чем эта последняя, через излишество грубых слов, неуместных с поэзией. Но от одной сцены в пьесе Шакеспеаровой замерло сердце Его Высочества, пожелавшее выплакать себя. На сцене той было нарочитое представление об убийстве Гонзаго, коим несчастной принц полагал усювестить свою величественную мать, злодейством себя запятнавшую. Вникая в сию сцену, Его Высочество с трепетом вообразил, как было бы в большой мере трогательно поставить Шакеспеарову пьесу на театре, пригласив на таковое представление свою Августейшую Матушку.

Подумав об этом, задрожал от восторженного озлобления, коим всегда был полон его одинокой ум.

IV

Ныне уже многим ведомо, что Его Высочество был тайно приведен в братство масонов. Через близкого к себе князя Куракина

* Мира (фр.).

был довольно знаком с чудачеством вольных каменщиков, читал все скучные нелепости их и даже иной раз облакался в их странные одеяния. Легковерно обольщаясь магической властью масонов, почитал их безмерно и, лелея в груди своей намерение приказать актерам сыграть на театре пиесу Шакеспearову, полагал довериться в этом деле кому-либо из братьев по Храму Дружбы.

Живя на своей половине в Зимнем Дворце, Их Высочества по субботам езживали во дворец, что на Каменном Острове. Там бывали малые куртаги, балы, а иногда и театральные пиес представления.

Один раз, подозвав к себе князя Репнина, открыл ему свое сердце. Князь в страхе посмотрел на него, пожевал сухими синими губами, и хотя твердо и отменно знал придворную науку, но не превозмог удивления и показал его на своем лице.

— Осмелюсь доложить Вашему Высочеству, — сказал князь, — что таковое представление вызовет гнев Ее Величества.

И затем поспешно добавил:

— Противу актеров.

Его Высочество по-иному понял сие добавление и съежился от холодного дрожания, обуявшего все его тело, ибо всегда довольно страшился матери монархии.

Отошедши от Репнина, стал угрюм и молчалив. Досада имела сильное свое действие на него. Но, будучи от природы упрям, поборол дрожание и вступил в разговор о том же с любимцем своим и другом по комнатным делам. Таковым был Вадковский, о коем Его Высочество отзывался так, что нет такой должности на свете, которую бы ему поручить нельзя было.

V

— Отменно ли предан ты мне, Федор? — вопрошал Его Высочество. — Могу ли полагаться на тебя, будучи в обстоятельствах, требующих от тебя помощи?

— Вы приводите меня в замешательство, Ваше Высочество, — отвечал Вадковский. — Имею дерзость полагать, что не было случая Вашему Высочеству в моей вам покорности сомневаться.

— Я не физиогномист, — сказал цесаревич, — но вид твой заставляет меня иметь к тебе доверенность.

И, рассказав ему свое будущее намерение, спросил:

— Как полагаешь, должно это сделать? Чтобы наши кавалеры пиесу разыграли, либо же простые актеры?

Вадковский был худощав и долгонос. Говорил отборно. На лице его всегда лежали почтительная ласковость и нестигаемая улыбка. Но ум имел самый лукавый, при Дворе довольно изощренный. Быстро сообразивши, что таковая забава таит в себе опасную участь для всех и что простые актеры не посмеют ослушаться Его Высочества, полагал нужным направить цесаревича на фальшивый путь, каковой сам собою провалится, и сказал:

— Презанятный прожект Вашего Высочества наилучше будет исполнен придворными кавалерами.

— И я так же полагаю, — сказал цесаревич. — Переговорю с Чернышевым. А ты скажи ему, чтобы завтра вечеру он был у меня.

Спохватившись, Его Высочество добавил:

— Да еще самую пиесу перевести надо. Кому бы это препоручить?

Вадковский и тут нашелся:

— Не иначе, как актеру Дмитревскому. Пиесу ведь не только перевести надобно, но еще и к театру искусно пригнать требуется.

— Быть так, — согласился цесаревич.

Вадковский, поклонившись, сделал нарочито радостное лицо и отошел. Покружившись, пошаркав по гостиной, он отыскал молодого графа Чернышева и без долгих промедлений тревожным шепотом передал ему:

— Его Высочество задумал сыграть на сцене какую-то каверзную английскую аллегорию, противу Государыни направленную. Переупрямить его невозможно. Предупеждаю вас, граф, чтобы заранее знали, что и как сказать.

Чернышев, не двинув лицом, одобрительно закивал ресницами и уже в мыслях своих прикидывал учтивые отказы на всякие предложения.

О том же говорил Вадковский и с графом Аполлосом Мусин-Пушкиным, и с князьями Голицыным и Волконским. Хотел было и Неслидову предупредить, но раздумал.

А на другое утро, съездив в вольной театр Книпера, Вадковский отыскал там актера Дмитревского и коротко сказал ему:

— И думать не смей, коли не хочешь быть бит. А первое дело — ни слова никому.

— А как же послушаться Его Высочества прикажете? — тревожно спросил Дмитревской.

— Это, братец, уж ты сам придумай. Писсу ли затеряешь, или как.

— Вот не было горя! — обронил Дмитревской и задумался.

Вадковский тем временем поспешно покинул его, пробрался через кулисные заставы и по дороге вкусно ущипнул смазливую актрису Наташку Драницыну. Пахло от нее пудрой, кельнской водой, но больше всего женщиной, у каковой добродетель не очень каменная.

VI

Его Высочество в пасмурном виде пружинной подпрыгивающей походкой шагал по кабинету, лишь временами задерживаясь у темных окон, чтобы через них задумчиво странствовать глазами по звездному небу. Душа его была переполнена горьких нувств: князь Куракин, в свите его состоявший, сослан был на жительство в деревню.

Голосом, от укоризны дрожавшим, Его Высочество проговорил, обращаясь к Вадковскому:

— Если бы при мне состоял самой маленькой пудель, нежно ко мне привязанный, то мать моя велела бы его немедленно бросить в воду.

— Таковой верной пудель имеется при Вашем Высочестве и, благодаря Богу, еще жив, — произнес Вадковский не запинаясь.

Павел Петрович, не глядя на него, подошел к окну и вновь смотрел на звездные светила, которые совершали на небе свой загадочный путь. Звезды то светились ярко, то мерцали тускло, как бы тайно переговариваясь промеж себя.

Заложив руки за спину, Его Высочество мечтательно думал о том, верно ли, что звезды правят человеками и с рождения начертывают для них непреложные до гроба указы. И ежели это правда, то каковой непреложный путь предначертан и ему?

— Уж не от предательства ли скончаю дни свои, как Амлет, злополучно пронзенный отравленный шпагой? — вопрошал он самого себя.

И горес<т>но укреплялся в таковых несносных мыслях печальными размышлениями о том, что покинут теми, кто в верной дружбе признавались ему многократно. Даже столь малое дело, как представление пьесы Шакеспеаровой, привело всех ближних в трусливое смущение — и Чернышева, и Волконского, и прочих. Вот уже неделя, как сказываются все хворыми и не являются. Оди лишь Вадковский остался неизменно верен в дружеском усердии да еще актер Дмитревской, исполнивший препорученное ему дело. Однакоже как увертывался от дальнейшего сей искусный куртизан и изрядный актер, утверждая, что пьеса Шакеспеарова достойна не-нсе для игры, нежели для чтения.

Повернувшись на каблуках, Его Высочество сожалительно проговорил:

— Видать, что российские дворяне никогда рыцарями не были. Чести не знают.

Вадковский опустил голову.

— Говорю так, исключая тебя, Федор. Ты мой Горацио.

Не зная пьесы английского сочинителя, не мог знать Вадковский, о ком идет речь, и полагал, что таково есть какое-либо митологическое имя.

Уже был поздний час. Его Высочество, отпустив Вадковского, заглянул к великой княгине. Лежа в широкой постели, Ее Высочество утопало в белизне пуховиков, местами окрашенных лампадою в зеленый цвет, и давала о себе знать лишь тонким и нежным храпением. Подумав с меланхолием о том, что не перед кем излить горесть своих мыслей, цесаревич вернулся назад и тихонько пробрался мимо спавшего камердинера в гардеробную.

Здесь он отыскал черный плащ, закутался в него и, вернувшись в кабинет, стал декламировать, заглядывая в рукопись:

В ничтожестве своем презрен я,
Что молчу, молчу, когда мне ведомо,
Что страшное злодейство погубило
Жизнь и все царство моего отца.
Чудовище разврата и убийцу вижу я,
И самый ад зовет меня ко мщенью,
А я бесплодно изливаю гнев в словах, я,

Сын убиенного отца, свидетель
Бесславья матери... О Амлет, Амлет,
Позор и стыд тебе. Размыслим...
Слышал я, что порок и преступленья,
Узрев ужасную себе картину
В игре искусного артиста, невольно
Сознавались тут же. Да,
Без языка, без слов все будет ясно:
Актеров сих заставляю я сыграть
Изображение ужасного злодейства
И стану замечать...

Возвысив свой голос, Его Высочество ударял себя в грудь, как заправской актер, но слеза, перекатившаяся по лицу его, была подлинна и горяча.

*(Републикация, подготовка текста и аннотация
А. Г. Тимофеев)*

Михаил Юпп

СКВОЗЬ ВРЕМЕНА*

Ах! Беречь было монету
Белую на черный день.
Г. Р. Державин

Век Восемнадцатый!..
Как будто бы вчера
Под псчер заглянул ко мне Державин.
Сместились времена под крышей ржавой,
И о былом всплакнули флюгера..
Мы долго говорили, вспоминали;
Не прост был простоватый Гавриил.
Давно в стаканах крепкий чай остыл,
В подсвечниках виденья догорали.
Вскользнул рассвета удивленный луч,
Сквозь времена запела звонко птица.

* С разрешения автора текст воспроизводится по изд.: Юпп М. Зов: Третья книга стихотворений и поэм / Оформление художника М. Шемякина. N. Y.: Apollon Foundation, 1988. С. 27. В России печатается впервые.

Печаль прошедшего избороздила лица,
Былых звучаний затерялся ключ...
Пригрезилось, приснилось?..
Нет же, право,
Он был здесь, мы гоняли с ним чай.
Вот страшноватые наплывы от свечи,
Вот кресло, чуть повернуто направо.
Державин, где вы?..
Всколыхнулась тень,
И черновик упал... Сомнений нету
Не уберег я встречу, как монету,
Ту белую, на самый черный день.

1977

Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Список сокращений	4

Исследования и материалы

С. Д. Дзюбанов

«Верует в Резон, как во Единого Бога» (Подлинная история тайной женитьбы Н. А. Львова)	5
--	---

Л. А. Федоровская

Музыка и музыканты в жизни и творчестве Н. А. Львова. Статья З

Н. П. Морозова

Г. Р. Державин и Н. М. Карамзин. Материалы к истории литературных отношений	57
---	----

М. А. Коропова

Н. М. Карамзин и В. А. Жуковский. Материалы к истории литературных отношений	101
--	-----

С. Р. Долгова

Державин и его окружение в документах Российского государственного архива древних актов (ф. 1478, Капнист — Львовы)	187
--	-----

Научные справки

Ковры в доме Г. Р. Державина

<i>Справка Н. П. Морозовой</i>	218
--------------------------------------	-----

Приложение

С. М. Некрасов

«Певец царей избранный»	221
-------------------------------	-----

В. Ирецкий

Гамлет Российской

<i>Републикация, подготовка текста и аннотация А. Г. Тимофеева</i> ...	234
--	-----

М. Юпп

Сквозь времена	245
----------------------	-----

Г. Р. ДЕРЖАВИН И ЕГО ВРЕМЯ

Сборник научных статей

Выпуск 4

Редактор *А. Г. Тимофеев*

Компьютерная верстка *О. В. Фокино*

Подписано в печать с оригинала-макета 18.06.08. Формат 60х90/16.

Гарнитура PetersburgС. Усл. печ. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ № 859

Всероссийский музей А. С. Пушкина

191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 12

Отпечатано в ООО «Издательство "ЛЕМА"»

199034, Санкт-Петербург, В. О., Средний пр., 24

